

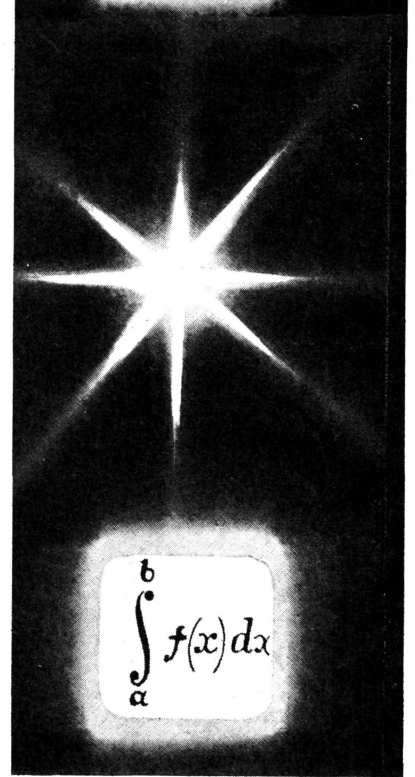
ВОКРУГ СВЕТА

6 1970
ИЮНЬ

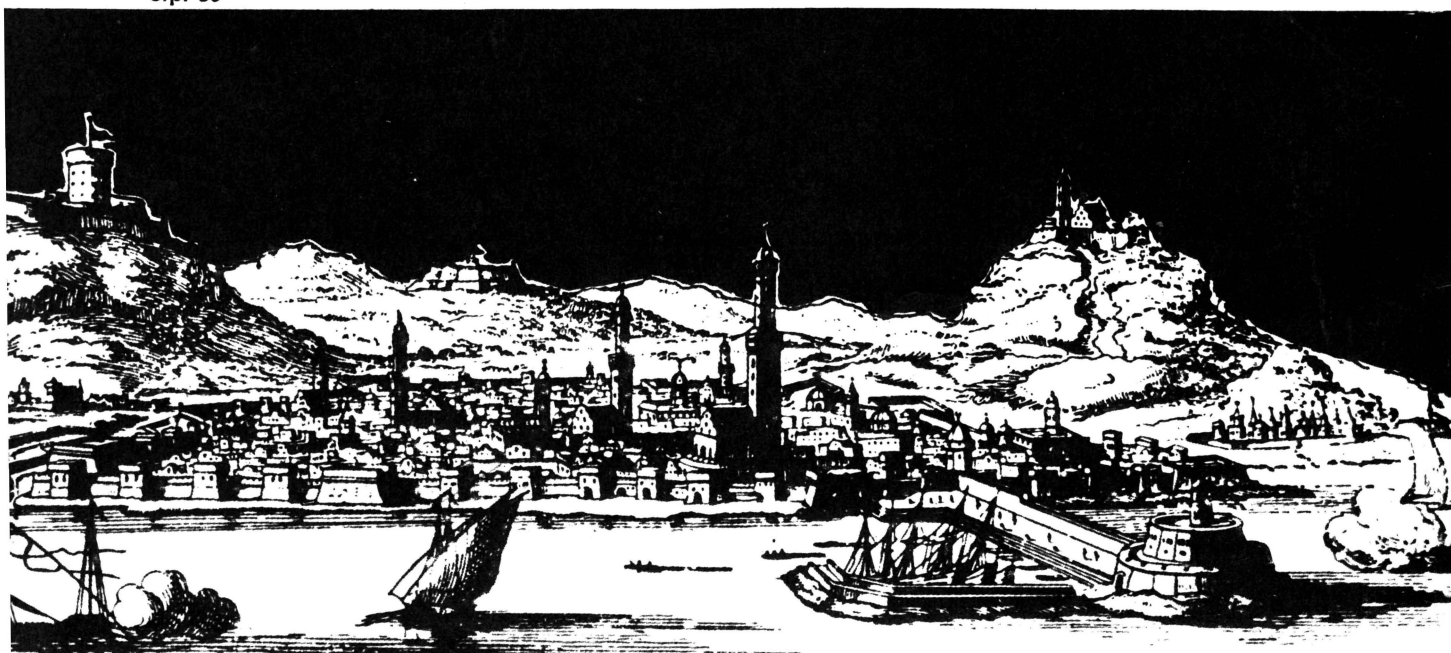
стр. 16

стр. 36

стр. 43

стр. 8

стр. 54
стр. 2

1970 ВОКРУГ ГЛОБУСА СВЕТА

№ 6
ИЮНЬ

Журнал основан в 1861 году

**НАУЧНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ**

28 ИЮНЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

«Средь придонских полей». В этом фотоочерке наш спец. корр. рассказывает об ударной комсомольской стройке Нововоронежской атомной электростанции, посланец которой принимал участие в работе XVI съезда ВЛКСМ.

В «Счастливой истории дневника Висвалда Эмса» вы познакомитесь с молодыми геологами, которые в суровых условиях Арктики исследуют богатства морского дна.

Экс-чемпион страны по планерному спорту В. Гончаренко рассказывает о своем друге, талантливом конструкторе, воспитаннике комсомола — Александре Маноцкове, создателе первого планера с машущими крыльями.

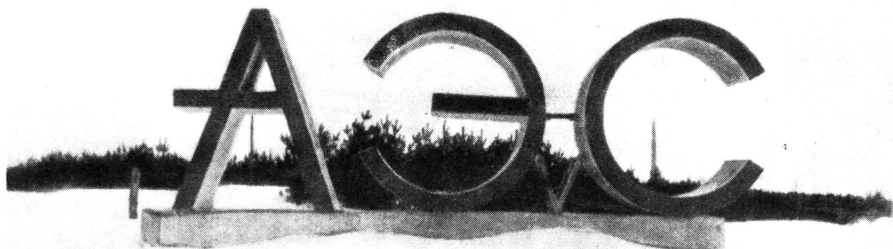
«Почему они фидайны?» — репортаж о борьбе палестинских партизан с израильскими захватчиками.

Два очерка повествуют о «звездах» кукольной сцены и об их создателях — мастерах кукольного театра.

Новые перспективы использования животных в деятельности человека раскрываются в статье кандидата технических наук И. Литинецкого.

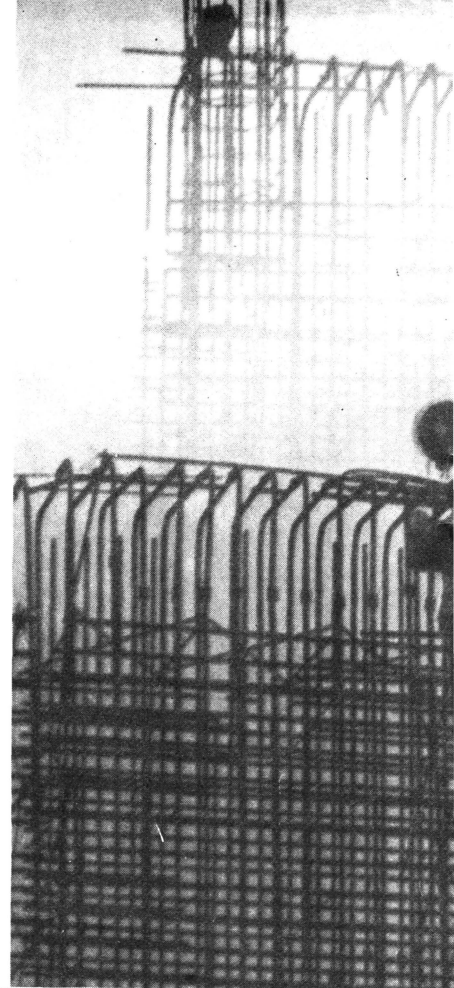
Новый фантастический рассказ предлагает читателю польский писатель Кшиштоф Борунь.

РЕПОРТАЖ С УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ

В. ОРЛОВ, наш спец. корр.
Фото автора

СРЕДЬ ПРИДОНСКИХ ПОЛЕЙ

На Нововоронежской строится новый блок.

Когда я выходил из поезда на пригородной станции Колодезная, мне показалось, будто я и не летал в Воронеж с турбовинтовой скоростью, уж больно знакомо было все, просто будто отъехал в Подмосковьё. И тысячу раз я видел этот багажный

навес, кирпичный зал ожидания, и автобус у сельмага, и эту бабу, что сидит на переднем сиденье ко всем лицом и обнимает связанную веревочками бухту шланга — поливочный брендспойт для сада.

Автобус миновал деревянные

домишки, выехал в поле. Оттепель. Небо серое с синевой. Весна. Снега набухли, вот-вот брызнут водой, и глаз уже примечает лощину, где загрохочет ледяная вода. Справа, на косогоре, промелькнуло село — избы под белыми крышами, а слева вскоре,

среди леса, разрубленного надвое просекой, показалась линия электропередачи — металлические фермы-опоры в три ряда. И были они такие, какие встречаешь по всей стране. Но только эти опоры несли ток на заводы и в квартиры не от обычной электростанции, а от атомной, от двух ее уже действующих мощных энергоблоков. Третий — строящийся — должен быть еще мощнее этих двух...

За часоколом молоденького сосняка показались крыши, дома, башенные краны Нововоронежа — поселка атомников и строителей. Был он как остров в океане придонских полей. И птицы под вечер — галки и грачи — собралась к нему со всех полей, как к скалам...

Поселок походил скорее на микрогород, но жители не называют его так, и когда я потом спрашивал у них, скажем, как добраться от электростанции до города, меня мягко поправляли: «До поселка. Сейчас туда пойдет автобус. Лучше подождать». Пусть так. Поселок так поселок. У самого леса я нашел деревянное кафе, очень уютное. Там было светло и тихо. И на улицах вечерами тихо, и думается легко.

Утром специальный поезд и автобусы везут жителей на работу. Всех в одну сторону. Билеты никому не надо брать. Проезд бесплатный, надо только вовремя прийти на остановку и занять свое место.

Электростанцию мне показывал Миша Абузов. Казалось, он все время что-то обдумывает про себя. Миша — редактор местной газеты «Энергостроитель», и ему очень многое надо знать. Он не сказал, что очень занят, пошел со мной и, здороваясь с инженерами, геодезистами и сварщиками, всем говорил: «Слыхал, а ведь нам второе место дали. По второму полугодью. Первое — Усть-Илимской стройке, второе — нашей ударной комсомольской».

Строящийся блок. Крановщица, сидевшая как ласточка в гнезде, улыбнулась мне с высоты, из-под самой крыши. Эта улыбка долго стояла в глазах и потом, когда я ходил внутри неокрашенного, ржавого цвета реакторного котла и по длинным, в несколько сот метров длиной, туннелям, взбирался по крутым, как на корабле, трапам на перекрытия следующего этажа. Фигурки людей передвигались по прутьям арматуры, повсюду сверкали огоньки сварок.

Снаружи здание электростанции белого стерильного цвета, с черной строгой табличкой на воротах. А внутри здания начинается игра и перекличка красок. Один этаж не похож на другой, идешь, будто считаешь этажи радуги — алые, зеленые, синие, розовые. Мелькают голубые форменные куртки с фирменными эмблемами.

— Это турбинный зал, такой же, как и на обычных электростанциях. Там, за стеной, реакторный, — говорит Миша. — Увидеть, пожалуй, там ничего не увидишь. Уран за броней, в котле, но если мы пойдем туда, до вечера не выйдем. Души, переодевание...

В зале рабочих очень мало. Кое-где они следят за приборами, но зал огромен, и надо присмотреться, чтобы заметить людей. Стоит ровный приглушенный гул турбин. Мы сворачиваем в одну из многочисленных дверей и попадаем на главный пульт управления. От обилия приборов, разноцветных контрольных лампочек, ручек на занимающем всю комнату полукруглом пульте рябит в глазах. Трое дежурных операторов-инженеров, нажимая сейчас на кнопки, переключая ручки и отдавая команды по телефонам, «сжигают» уран. Происходящее как-то не сразу уместается в голове. Не сразу осознаешь, что мириады огней светящегося табло лишь регистрируют происходящее и что фантастичен не сам этот пульт управления, а все то незримое, что происходит сейчас где-то за броней, в котле.

По малиновому пластику входим в светлый зал со светлым полом. Голубые полосы расцветивают его. Здесь всего одна стена приборов. Два молодых парнишки следят за ними.

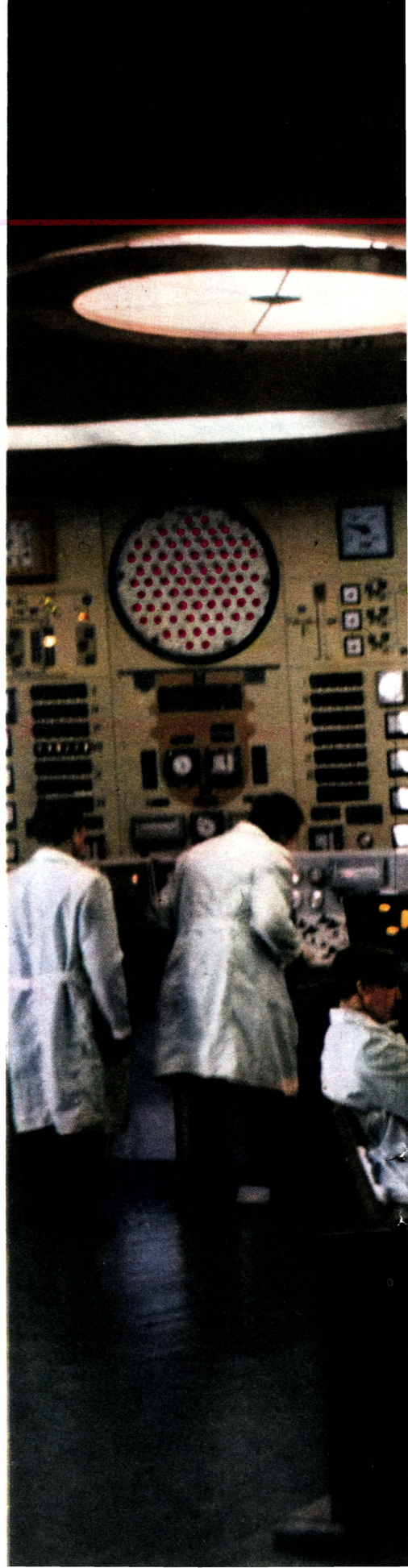
— Дозиметристы, — говорит Миша. — Видишь, зеленые огоньки на всех табло. Никакой радиации.

Я ловлю себя на том, что ни разу и не вспомнил про нее.

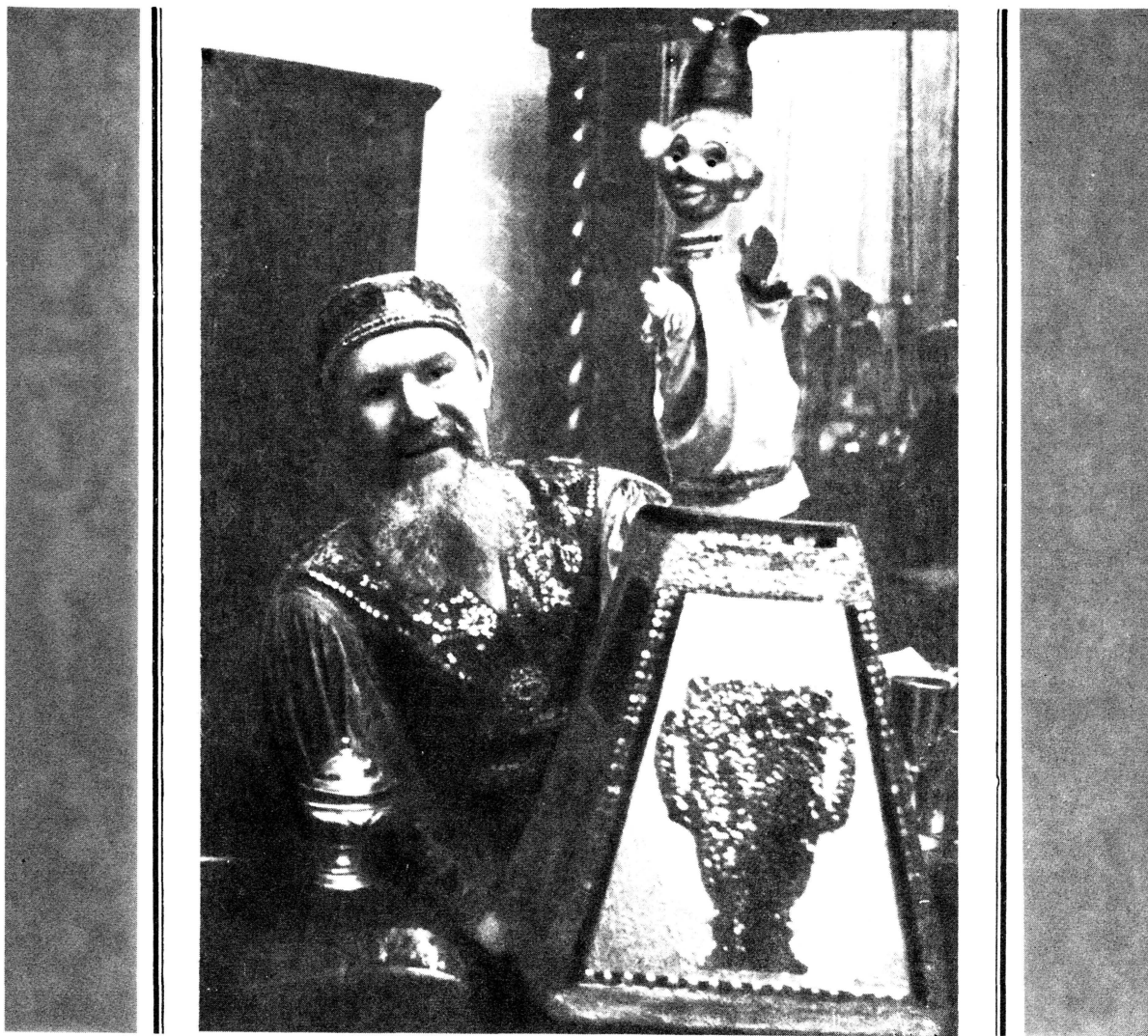
Перед отъездом я еще раз прошелся по улицам Нововоронежа. Поселок тоже был расцветчен. За синей стеной кинотеатра — алая стрела на гладкой белой стене. Пожарная лестница, но смотрится как декоративная деталь. Всюду я замечал краски, мазки на балконах, яркие пятна на фасадах домов...

Вот и все. Атомная станция — реально и просто, как и жизнь в этом городе, среди здешних людей.

На главном пульте управления.

Ю. СТЕПАНОВ

Али-Баба ~ последний шарманщик

Я встретился с ним за кулисами Дома актера и разгадал один его фокус. Представьте, стало скучно и обидно, как будто я обокрал сам себя. Больше я этого делать не буду. Ведь всякий знает, что если голубую ленту перерезать ножницами пополам, то уж ее нельзя связать так, чтобы лента опять стала целой. И лучше, даже будучи взрослым, сто раз подряд удивиться, чем один раз узнать секрет.

Петр Яковлевич показывал фокус с шариками. Шарик раздваивался в его руке, потом их стало три... Потом они вовсе исчезли.

— Хотите медленно? — спросил Петр Яковлевич. — Совсем медленно? Вот так... Ррр-раз! И нету...

После недавнего представления лицо его было красным, а лоб еще не высох от пота. Растрепанные седые волосы делали его голову огромной. И оттого небольшие серые глаза его стали еще меньше.

— А вот теперь так, — засмеялся он.

Шарик исчез во рту... Я могу ручаться, что это был только один коричневый шарик. Но он тут же вынул изо рта три. Вот тут-то я и закричал: «Я понял!»

— Ну и ладно, — устало сказал Петр Яковлевич. И шарики его исчезли. — А вот этот!

И тут уж я сообразил, как радостно не знать простого секрета, а просто и весело поддаться обману, легкому и безобидному.

Знакомство наше с Петром Яковлевичем было

случайным. Приехал он из Красноярска, где живет уже много лет, чтобы передать большому и, кажется, безмерно интересному музею кукол при театре Образцова кое-что из своего реквизита. Главным подарком был, разумеется, Петрушка. С этим Петрушкой Петр Яковлевич не расставался несколько лет войны, да и потом долгие годы. И вот решился проститься. Но уехать так скоро, как рассчитывал Петр Яковлевич, ему не удалось.

В одной из витрин музея лежала старинная шарманка. Бесплезно было крутить ее ручку: вал поворачивался, что-то сухо шуршало внутри, но музыки не было. Никто даже представить себе не мог, что шарманка хоть когда-нибудь зазвучит вновь. Старой шарманке было больше ста лет...

Петр Яковлевич возился с ней несколько дней. Когда первые еще хриплые звуки вырвались из нее, старый шарманщик вдруг выпрямился, оглядел всех победным взглядом и не сдержался.

— Как рука-то у меня... — сказал он. — Я ведь сам тоже маленько подзабыл... Открыть-то открыл, а вот дальше... А рука-то! Рука-то сама все нашла... Легла прямо, и вот оно!

И вдруг закричал:

Сегодня я играю,
А завтра уезжаю...

Все улыбались. Но не от неловкости, а как-то очень добро.

Одна нога на базаре,
Другая на вокзале...

Старик крутил ручку шарманки, и из нее лилась музыка, что была спрятана в ней много лет. А старик не унимался:

Тетка Алена
Прислала тридцать три миллиона...
Чтоб я дом построил.
А я пришел — проигрался:
Было रुपь —
Два остался!

Это надо было записать. Старых зазывалок, очень старых, таких, что слушаешь их, и становишься как-то не по себе, будто попал вдруг в самую толкучку громкого южного базара лет на шестьдесят назад, — таких уж не услышишь никогда. Но куда там! Старика словно прорвало. Он не желал останавливаться, только улыбался, а слова так и сыпались из его рта, догоняя друг друга:

Рыжий! Конопатый!
Слепой! Горбатый!
Татарин-барин!
Мордвин-господин!
Тоже не стесняйтесь...
Стою на краю,
Чуть не даром отдаю...

— А как выходили с ней, знаете? — Петр Яковлевич оглядел всех. — Это надо было делать с шумом! Ты идешь, а тут тебе кричат: «Эй! Шарманщик!» — а ты уже готов... И орган уже стоит, и ты готов...

Он называл шарманку только органом. «Трехтрубный орган «Зинер». Он Саратовской органной фабрики... А то еще «Нечада». Это одесский... Еще «Пикулин»...

— Трехтрубный тяжелый. Тридцать два кило-

грамма... Вот покажу, как выходили с органом. Ногу надо сделать... Нет ноги у органа! Нету!

Он выбежал из-за вялых кулис быстро и легко. Только колени его подгибались, может, чуть больше, чем хотел он.

Сцена была маленькая, но глубокая. Старик, одетый по-восточному пестро, нес орган два круга, но, казалось, он шел по прямой — так легко ему удавались повороты. Седая борода его развевалась, то и дело прижимаясь к широкой, открытой у самой шеи груди...

Был вторник — единственный выходной день артистов на неделе. В зале улыбались. Потом негромко где-то в глубине зашелестели аплодисменты. Старик улыбался.

На середине сцены он вдруг остановился, и седая борода его легла на грудь. Он сделал едва приметное движение всем туловищем, с правого плеча соскользнул белый ремень, а сам он уже глядел в зал, орган же стоял и только чуть качнулся... Большая темная рука старика лежала на ручке, но еще не двигалась. Но вот она пошла вверх, орган — старый орган на совершенно новой белой ноге, похожей на протез, — дрогнул...

Сначала был вздох. Густой вздох старого меха. Потом вздох догнал звук, еще не похожий ни на какую мелодию. Этот звук опять смешался, переплелся с новым вздохом — меха и вдруг превратился в отчетливую, совершенно ясную и пронзительно-чистую мелодию вальса.

Рука старика ходила ровно, описывая круг за кругом, а мелодию уже не нагоняли вздохи. Старик еще улыбался.

«Я ведь помню все, — услышал я вновь его голос. — Вот записывайте, что я играл тогда: марш «Старые друзья» — это первое. Потом вальс... «Сон весны»... Полечка «Амалия». Да, да, это Чайковского! «Светит месяц», «Стенька Разин», «Пожар московский». Знаете? «Шумел, гудел пожар московский». Шесть уже? «Разлука» седьмая. Потом «Маруся отравилась», «Панама». Девять? На одном валу было девять. Когда кто-нибудь просил другое, надо было бежать домой менять вал...»

Рука старика все ходила, орган едва покачивался. А старик уже не улыбался. Глаза его стекленели, и видно было, что стоит он совсем не на сцене и ничего и никому он не показывает. Стоит он на большом Воскресенском базаре в Ташкенте. Там, рядом с чайханой... И не старик он и не Петр Яковлевич Любаев, а Петька... Петька Чолдор. «Чолдор! Чолдор — кислый мѳлок с водой!» Он мордвин, а мордва любит молоко. Так и прозвали его. И стоять ему долго. Весь долгий день. А на базаре жарко, и вечера, наверное, не будет совсем. А может, будет. Тогда Петька придет к дяде Коле в дом, где в глиняной стене живут белые ученые крысы. «Цо-цо-цо!» — тихо щелкая языком, позовет их дядя Коля, и крысы вынырнут из стенки, каждая из своей норы. Тогда они будут их кормить. А утром белый крыс Яхим с отрубленным хвостом будет тянуть из ящичка «счастье». «Эй, шарманщик! Дай счастье!»

Петька уже играл марш... Марш этот тоже был спрятан в шарманке, наверное, еще с тех пор, когда Петька, став сиротой, пришел в хлебный Ташкент из Оренбурга. Шел он больше года. Встретил на базаре шарманщика дядю

на стр. 14 ►

КАРДИНАЛ МАЗАРИНИ, КАРАГЁЗ-ЭФЕНДИ И ДРУГИЕ

Л. МИНЦ

Эти куклы принимали участие в мистериях иранского праздника «шахсей-вахсей». В центре — брат шаха

Хуссейна, храбрый полководец Аббас, слева — мудрый дervиш, а справа — предатель Шимр.

Помните, конечно, его преосвященство кардинала Мазарини? Да, да, того самого, из мушкетерской эпопеи Александра Дюма. В отличие от некоторых других

героев «Трех мушкетеров» и «Двадцати лет спустя» кардинал существовал действительно и фактически правил Францией в середине XVII века. Лю-

бая книга по истории Франции, написанная, конечно, не так увлекательно, как романы Дюма, расскажет вам о достоинствах и недостатках честолюбивого пре-

Кукла в блестящих латах — вечно
Роланд, окруженный своими войнами.

юный рыцарь

лата, подробно перечислит задеянные им войны и заключенные договоры, сообщит о том, что французы недолюбливали этого иноземца, и сухо констатирует дату смерти.

И лишь об одном, как сговорившись, умалчивают пылкий Дюма и суховатые педанты историки — об огромной, ни с чем не сравнимой роли Мазарини в развитии французского театра кукол.

Справедливость требует отметить, что сам кардинал не приложил для этого ни малейшего усилия. Скорее наоборот, Мазарини был бы очень доволен, если б на ярмарках Сен-Жермен и Сен-Лоран в Париже не было кукольных представлений.

В конце каждого представления Полишинель — французский Петрушка — под одобрительные крики зрителей гнал палкой из дворца куклу в красном камзоле, прикрывавшую голову от ударов руками и кричавшую по-итальянски «Мамма миа». (Как хорошо помнят почитатели д'Артаньяна, Мазарини был итальянцем.) Среди парижан такие представления назывались мазариниадами. У мазариниад не было, как правило, написанного заранее текста — кукольники импровизировали на злобу дня, а их вдохновение питалось городскими слухами, летучими остротами и дворцовыми сплетнями, быстро достигавшими ярмарок.

Кукольные представления почитались настолько плебейскими, что обращать на них внимание было ниже достоинства всемогущего кардинала. Кстати, это презрение к плебейскому зрелищу имело и другие выгоды.

В XVII веке во Франции появилось множество театров (их называли ярмарочными, ибо они строили недолговечные балаганы на ярмарках). Уследить за их репертуаром было невозможно. И король Людовик XIV издает в 1681 году указ, по которому ни один театр не может выступать в Париже «без особого на то его величества дозволения». Блюсти королевскую волю обязали театр Французской комедии, и тот почти обязательно в таком «дозволении» отказывал. Артисты ярмарочных театров нашли было выход: они стали петь свои роли, ибо указ касался только драматических представлений. Тогда был издан новый указ, по которому те же правила распространялись на оперы. Цен-

зорские обязанности возложили на Академию оперы.

Тогда-то сторонники ярмарочных театров вспомнили о куклах. Благодаря многочисленным мазариниадам кукольный театр приобрел изрядную популярность. Борьба с королевской волей легла на хрупкие деревянные плечи Полишинеля.

Стоило в Комеди франсез или в Академии оперы появиться премьер, как на следующий день куклы показывали пародию на нее. В пародиях было немало импровизации, но зачастую пьесы для них писали маститые писатели.

К примеру, Лесаж, автор «Жиль Бласа» и «Хромого беса», не только писал кукольные пьесы, но три года сам держал балаган на ярмарке и выступал в нем. Именно в его балагане появилась пародия на вольтеровскую «Меропу» чуть ли не в день ее премьеры.

Сначала актеры королевских театров не замечали «жалких попыток базарных шутов», потом старались не замечать, а потом...

А потом они стали жаловаться. В суд. И в 1780 году к королевскому суду вызван был в качестве ответчика кукольник с Полишинелем на руке. Истцом был один из ведущих актеров Комеди франсез.

Кукольник выступал как представитель Полишинеля, толковавший его ответы судье.

Полишинель держался скромно, но с достоинством, при появлении судьи сдержнул с головы шляпенку, но отвечал так остроумно и обоснованно, что, как свидетельствует судебный протокол, «изрядно посмеявшись ужимкам и гримасам деревянного проказника, судья был вынужден признать его правоту...»

Указ столетней давности был отменен, ярмарочные театры получили право выступать в Париже и, немедленно покинув ярмарки, перебрались на бульвары, где и обосновались (от них-то ведут происхождение теперешние театры парижских бульваров). Полишинель остался на ярмарках, верный злободневной импровизации, такой же веселый и едкий. Его слишком свободный язык не раз навлекал на него гнев власть имущих. История сообщает, что в конце XVI века в Париже были обезглавлены — на одной плахе — деревянная кукла и ее хозяин...

Как видите, в истории Полишинеля бывали не только комедии. Что же касается его родovitости, то тут он мог бы потягаться не то что с Мазарини,

а и с самими Бурбонами (а также Капетами, Габсбургскими, Гогенцоллернами, Романовыми и кем угодно из августейших династий, исключая разве что египетских фараонов — да и то трудно сказать, чей род древнее). Ведь начало его (и всех его братьев во всем мире) родословной теряется во тьме веков.

Тут самое уместное предоставить слово ученым. По их мнению, предшественниками кукольных представлений можно считать древние мистерии, в которых участвовали идолы, изображающие духов предков. У многих народов предков изображали в виде маленьких человечков, например, у североамериканских индейцев предков изображали куклы, привожденные в движение искусно запрятанными нитями, точь-в-точь как у наших марионеток. На груди у таких кукол расположена дверца, заглянув в которую можно увидеть душу предка. Иногда эту душу изображали в виде нарисованного одним штрихом лица.

Во многих странах Востока кукольные представления до сих пор сохраняют характер магического действа. В Таиланде родственники Петрушки не разыгрывают никаких забавных пьес и появляются на свет только при печальных обстоятельствах: во время похорон. Причем появляются только их тени. Исследователи даже не решаются назвать разыгрываемое ими действо представлением: актеры не двигаются и не говорят.

Возле пагоды вечером разжигают огромный костер, а между деревьями растягивают гигантский экран. Два человека поднимают на бамбуковых шестах полотнище, шитое из нескольких буйволиных шкур. На полотнище вырезана целая сцена из «Рамаяны», и, когда на освещенном экране появляются силуэты, сидящий поодаль монах монотонным голосом рассказывает о том, как душу-тень сопровождают в мир иной тени богов и героев. Кончена одна пьеса — поднимается новое полотнище. И так всю ночь.

Куклы индонезийского театра «Ваянг» появляются в виде теней на экране только для одной части зрителей — для женщин. Сидящие с другой стороны экрана мужчины видят самих ярко раскрашенных кукол, и кукольника, мастерски управляющего ими при помощи зажатых между пальцами длинных тростей, и оркестр, гамелан, сопровождающий весь спектакль. Спектакль длится от захода до восхода солнца, и все время — в это верят зрители — злые духи не в силах причинить им вреда.

Три десятка кукол — почти в человеческий рост — принимают участие в мистериях иран-

ской церемонии «шахсей-вахсей» поминовения коварно убитого шаха Хуссейна. Во время процессии куклы разыгрывают всю историю жизни и гибели Хуссейна. У предателя Шимра круглое плоское лицо. Время от времени его таскают лицом по грязи. После процессии кукол отдают человеку, которому доверено их сжигать.

Стоит упомянуть, что сама церемония «шахсей-вахсей» сопровождается изуверскими действиями. Правверные, восклицая: «Шах Хуссейн! Вах Хуссейн!» — исступленно наносят себе раны кинжалами и железными цепями.

У многочисленного кукольного народа есть герои, чья судьба и происхождения выделяются своей необычностью.

Одним из них будет Карагёз-эфенди. Впрочем, позвольте, почему же Карагёз, почему эфенди?

Среди кукольного племени Карагёз отличается своей весьма пестрой биографией. Прежде всего не ясно, как его называть: Карагёзом-эфенди или господином Карагюсисом. Под одним именем он трудится в традиционном турецком теневом театре, а под вторым — в не менее традиционном греческом.

С одной стороны, Карагёз — слово турецкое и значит «черноглазый». С другой стороны, многие его приключения описаны еще в пьесах Аристофана, причем в те далекие времена он носил имена Ксанфия в пьесе «Лягушки», Карiona в «Богатстве», Трофила в «Птицах». Короче говоря, так много перемешалось в его биографии, что даже те, кто специально занимается «Делом г-на Карагёза, он же Карагюсис, он же Ксантис, он же... и т. д.», бессильно опускают руки. Вообще труднее всего бывает точно установить, кто, что и когда у кого заимствовал и кто на кого влиял. В конце концов для нашего повествования это и не самое главное, но все же есть смысл вкратце рассказать наиболее правдоподобную версию происхождения черноглазого насмешника.

Должность, на которой служил пращур Карагёза в Древней Элладе, называлась «комедийный раб», и характерными его чертами были наблюдательность, сметливость и природный юмор. Поскольку ему, как рабу, нечего было терять, ничто (кроме хозяйской розги) не мешало ему выражать свой саркастический взгляд на несовершенство мира. До 1453 года наш герой регулярно появлялся на древнегреческих, а потом византийских театральных подмостках.

Но в 1453 году Константинополь стал турецким городом. Театральные представления были

в немилости у мусульманского духовенства, но.. против театров теней исламские теологи возражать не могли: все созданное аллахом отбрасывает тень.

И наш герой — вырезанный из полупрозрачной ослиной кожи и раскрашенный — стал турком и принял имя Карагёз. Тогда же у него появился друг Хаджи-Айват. Театр Карагёза настолько полюбился туркам, что кукольному Хасану Садеку велено было появляться в султанском дворце два раза в неделю.

Представления начинались звуком кларнета, затем появлялся Хаджи-Айват и начинал петь. Песня его всегда кончалась проклятием шайтану и обращением к султану. После этого начиналась собственно пьеса, по ходу которой Карагёз пытался обольстить красавицу жену Хаджи-Айвата, а тот, естественно, всячески этому препятствовал.

Когда же Хаджи-Айват хватал увесистую дубинку и вот-вот готов был задать своему другу порядочную трепку, Карагёз заявлял, что он голоден, устал, хочет спать и вообще пора кончать спектакль. Хаджи-Айват ругательски его ругал, затем оба кланялись публике и простили у нее снисхождение к недостаткам представления.

Театр Карагёза широко распространился по всей Османской империи, в состав которой входила и Греция. И здесь, в Греции, он стал вполне современным греком и несколько изменил свое имя на новогреческий лад — Карагюсис. Друг же его, Хаджи-Айват, принял имя Бабайоргоса. И тем оба окончательно запутали и без того сложное «Дело Карагёза-эфенди, он же г-н Карагюсис, он же... и т. д.»

Спектакли Полишинеля и Карагёза занимают часа три, не больше. Индонезийские спектакли длятся почти сутки, и нам трудно себе даже представить, как выдерживают зрители.

Но это нам. А на Сицилии вы этим никого не удивите. На Сицилии кукольный спектакль в месяц длиной дело обычное, в два месяца — довольно частое, а был известен спектакль, тянувшийся год. Не больше и не меньше. Правда, днем зрители занимались обычными делами, а по вечерам они смотрели продолжение одной и той же пьесы. Репертуар пьес в сицилийском кукольном театре несколько консервативен. Последние лет восемьсот он разрабатывает одну тему: борьбу Роланда с маврами.

По сей день в маленьких сицилийских городках сосуществуют по несколько кукольных театриков и в каждом из них зрители терпеливо ждут, когда появится их любимец Роланд. Он появляет-

ся — в блестящих латах, розовощекий, чернобровый, юный, неустрашимый, и публика затаив дыхание следит за его битвой на мечах с мавританским королем. И когда отлетает голова мавра, приходится приостанавливать спектакль, чтобы зрители накричались вдоволь. К слову сказать, куклы сделаны очень реалистично и с большим искусством; голова действительно отлетает, и льется алая «кровь».

В наиболее излюбленной пьесе Роланд, овеянный славой, древний старец, доживает век в монастыре. Но приходит известие: мавры наступают. Что может сделать ветхий старец? Ведь ему даже не поднять двуручного меча... И тут появляется дьявол: он согласен вернуть Роланду на время молодость в обмен на душу, разумеется. Роланд принимает условие, и вот, как во дни молодости, бьется он с врагами. Победа! Роланд-победитель является в королевский дворец. Король награждает героя, а прекрасная принцесса влюбляется в него. Роланд отвечает ей взаимностью... Но... появляется дьявол: время истекло, пожалуйте душу. Роланд открывает принцессе свою тайну. Последний раз обнимаются влюбленные, через мгновение Роланд превратится в старика и умрет. А рядом погирет руки, омерзительно хихикая, дьявол: целуйтесь, целуйтесь, мое от меня не уйдет! И тут с небес нисходит ослепительный свет, дьявол вопит и корчится, потом проваливается, а вечно юные Роланд и принцесса раскланиваются перед зрителями.

То, что мы рассказали, не исчерпывает и сотой доли всего многообразия мира кукольного искусства.

«Артисты» кукольного театра отличаются между собой не только жанром своей роли и манерой ее исполнения, а и тем, как они устроены и как управляет ими хозяин. Есть куклы верховые и низовые. Верховую куклу актер держит над головой и управляет ею либо надевая на руку, как перчатку, либо двигая руки куклы прикрепленными к ним тростями. Низовую куклу подвешивают на нитках и управляют ею сверху. Есть еще теневые куклы, их проецируют на полупрозрачный экран.

Это пестрое общество почти в две тысячи членов собрано на витринах в музее театра кукол под руководством Сергея Владимировича Образцова. В мире таких собраний не более десятка. Музей кукол живет уже более тридцати лет. Организовал его актер, режиссер и автор пьес, статей и книг о театре кукол Андрей Яковлевич Федотов, один из тех, кто, играя в куклы, заставлял людей испытывать те чувства, что внушает человеку истинное искусство.

Японскую куклу в театре «Бунраку» водят по сцене три артиста. Главный — в парадной одежде. Он управляет головой и правой рукой куклы. Лицо его бесстрастно и не меняет выражения, что бы ни случилось с персонажем по ходу пьесы. Лица двух других артистов скрыты черными капюшонами — по традиции считается, что их на сцене нет.

А это маски другого японского театра — «Но». Левая маска с длинным носом — черт, а маска с бородой — комический старик, которого черт тщетно пытается обмануть.

Полишинель высмеивал Мазарини, аристократов, буржуа, вообще всех власть предержащих. Ему рубили голову, проклинали с амвона, а он все жив, все так же весел и... по-прежнему едок.

▲
 Карагёз и его друг Хаджи-Айват. Оба сделаны из раскрашенной ослиной кожи. Фигурку прижимают к экрану палочкой.

У индонезийских кукол тело неподвижно, играют они руками, поэтому их руки так длинные. У положительного героя длинный нос, узкие глаза и близко поставленные ноги. Отрицательный персонаж — полная ему противоположность: нос картошкой, глаза круглые, а ноги расставлены широко.

Куклы традиционного представления марионеток «Шах-Селим». Эти куклы изображают шаха персидского, литавщика на верблюде и иностранного посланника.

Колю. Шарманщик был страшный: кривоногий, нос клювом и рваная губа. И, как в настоящей сказке, он оказался добрым...

Петька уже играет полечку. И зал молчит.

Фокусам Петька научился быстро. И на шарманке играть тоже. А вот с Петрушкой было труднее. Целый год учился только на пищике говорить. Маленькая такая штучка: две пластинки серебряные, выгнуты немного, обмотаны шелком — тесьмой шелковой. Пищик надо было научиться заглатывать так глубоко, что долго было страшно делать это. Зато уж потом Петька кричал ловко.

— Э-ээ-й, Петрушка! А невеста-то у тебя молодая?

— Ой, молодая! — кокетничает Петрушка.

— А сколько ж ей лет?

— Девяносто вя-я-я-ять!

...Шарманка вздохнула, и полечка кончилась. Уже на сцене опять стоял Петр Яковлевич Любаев. Седой, сильный. Улыбаясь, он вскинул орган на плечи и только тогда поклонился. Зал радовался долго. Затихал и снова шумел. Наверное, каждый понял, что не так просто все это — взять и выйти с шарманкой.

— А потом, Петр Яковлевич, как все было?

Мы с ним сидели в зале кукольного театра на самом последнем ряду. Спектакля не было, зал открывался перед нами непривычно большим и вместительным. На сцене готовили декорации. Что-то перетаскивали, кто-то спорил, шумел...

— Это было уже в двадцать третьем году... Увидел меня на базаре Кию — еще отец. «Пойдешь, — говорит, — ко мне?» Ему зазывала был нужен. «Рад бы, — говорю, — да все это не мое». Шарманка, попугай у меня был с собой, да и одежда вся — все это хозяйское было. Хозяин был грек. У него двенадцать органов было. И все остальное... Как в цирке, в общем. Да! Пошли мы, значит, к хозяину. Кию, конечно. Не я. А через два дня вызвал меня хозяин. «Уходи, — говорит, — продал я тебя...» — «Как?» — говорю. «А так! И тебя, и шарманку, и попугая...» Сколько заплатил за меня Кию, я так и не узнал. До сих пор не знаю.

Петра Яковлевича позвали в музей.

— Иду, иду, — отозвался он. — На-ка, дорогой, прочти пока, что я потом делал...

«В Тарутинском лагере после оставления Москвы, — читал я, — Кутузов сделался печален и неразговорчив. Чтобы развеселить «светлейшего», кто-то предложил представить ему Боско, тринадцатилетнего итальянского фокусника, который с армией Наполеона попал в Россию и в Бородинском бою был захвачен в плен. Перед Кутузовым и гостями предстал веселый черномазый мальчишка, одетый в гусарский ментик, в большой казачьей папахе. Кланяясь с забавными ужимками, Боско предложил погадать Кутузову о судьбе галльского петуха, то есть французской армии. Кутузов согласился.

«Дайте мне петуха, — воскликнул итальянец, — огненного, задорного, боевого! Что? Нет?» Боско вдруг подпрыгнул и что-то схватил в воздухе. В руках у Боско бился, отчаянно крича, молодой петушок. «Ага! Попался! Что мне теперь с тобой делать?» Боско тряхнул головой. Папаху упала и стала на пол дном. Боско засунул в нее петушка. Он разом затих. «Что с то-

бой, дружок?.. Ах, что с ним такое?» Засунув руку в папаху, Боско достал из нее вместо петуха живую серую ворону. Топорща мокрые перья, ворона злобно клевала фокусника в руку. «Ах, ты так?» Боско сунул ворону в шапку. Кутузов улыбнулся. Гости засмеялись. Боско поклонился; ворона исчезла. «О нет! Ты от нас не уйдешь!» — воскликнул Боско. Встряхивая шапку, он зашипел, зацелкал языком. Звуки живо напоминали ворчанье масла на сковороде. «Вот и готово!» — сказал фокусник, доставая из шапки ворону: ошипанная, зажаренная, ворона лежала на ладони Боско. «Никто не хочет отведать моего жаркого? А в Москве сейчас от него не откажется, пожалуй, сам император Франции».

Взор Кутузова весело светился. Он сказал: «В вашем лице, молодой человек, Наполеон потерял незаменимого провиантмейстера. Будут они в Москве рады и воронам».

Жаль, но я еще раз попался. Совсем как в том фокусе с шариками. Петр Яковлевич вернулся, и я спросил его:

— Как же вы это все делали?

— Обман, — засмеялся он. — Ловкость рук...

Куклы! Кию искал подходящего мальчишку. А я уж давно приглядывался к нему, когда он с фокусами выступал. «Что, — говорит он раз, — научиться хочешь?» Я и сознался. По-цирковому я и стал Али-Бабой...

Потом он развезжал с цирками до самой войны.

— Потом по госпиталям ездил, тоже фокусы показывал... А в сорок третьем не выдержал. Была у меня бронь, но как-то приехали в один госпиталь... Лежат они вокруг... Такие молодые, слабые все... Даже смеяться не могут! Сил нет... А я, думаю, такой здоровый, увертливый...

Петр Яковлевич помолчал.

— А вот тоже не увернулся! Глаз-то у меня... — Он снял очки и краем дужки постучал по левому глазу — звук был стеклянный...

В общем, попал я в разведку... Вот и расскажу я тебе, про что ты спрашивал — какие фокусы на фронте были... Было это в сорок четвертом году, в феврале. Село я помню точно — Новая Добрянка. Вышли мы в боевое охранение. Я и еще двое. Фамилии их я тоже помню — Саран и Савран. С вечера сели на нейтральной полосе. Там, посреди поля, комбайн стоял. В него и забрались... А одежда какая? Ватник, халат белый, валенки. Валенки — это обязательно! А все равно холодно! Железо кругом: комбайн железный, и под халатом тоже железо — гранаты, диски. В общем, к утру начали замерзать совсем. А еще день сидеть! Но уж зато видно хорошо. Дырочка перед глазом маленькая, а все видно — блиндаж там их... Шевелятся они. К вечеру мы вернулись. А тут на КП разведчиков выделяют. Чувствую я, что вот тут-то и должна быть мне удача. «Я, — говорю, — пойду...»

Вышли мы часов в семь. Сильно темно уже, февраль. Подошли к блиндажу — пусто! Нет никого! Гляжу — следы... Шли трое. Вернулись в блиндаж, перерезали телефон — и по следам. Ведут, гляжу, к селу... У омета они стояли. Окурки валяются. Перекуривали, значит. Ребята тоже закурили. Постояли мы. Я-то не курил. Пошли.

В посадке первого дома легли. Лошадь там

убитая лежала — за ней и легли. Боеприпасы, думаю, тут или склад — непонятно. Окошко в домике светится. «Пойду, — говорю, — взгляну». — «Валйя», — говорят. Подкрался я к окошку, гляжу — там трое. Все они там и есть, винтовки у входа сложили. Тут ребята подошли. «Стойте, — говорю, — у порога, если что». А сам в сенцы. И только я туда — дверь открывается — старуха выползла! «Та шоб вы поздыхали, прокляты! — шепчет. — Днем вас, бисовы души, носыть, тай ночью покою нема». И щеколду закрыла. А я за дверью. Как она открывала ее, когда выходила, так я за ней и оказался. Закрыла, думаю, сенцы! Деваться некуда, распахнул дверь...

Один уже и штаны снял, на лежанке сидел. «Хенде хох!»

Он так со штанами в руках и замер. А тут еще автомат в окне.

Вывели мы их во двор. Вижу, холодно этому — голому. Снег ведь... Вынул я из-за пояса варежки. «На, — говорю, — надень на ноги! А ждать нам некогда: не знаем, кто там в хатах. «Язык» есть, и ладно».

Вышли уже со двора. «Кто, — говорю, — по-русски понимает?» Голый обрадовался: «Я, — говорит, — по-украински могу немного». И говорит, что там, в сарае, штаб... Двадцать восемь офицеров!

Оставил я одного с этими тремя, а с другим назад. И только я подошел к двери — вдруг открылась она, и он стоит — белый весь... Ну, вышел... По нужде. Как он не попал в меня, до сих пор не понимаю. Стрелял он из пистолета и в упор. Но у меня уж граната в руке была, готовая. Кинул я ее, а тот сверху еще противотанковую туда — с крыши... Это ж страшная штука — противотанковая граната!

В деревне пальба началась. Савран с дороги из автомата бьет вверх, а я зеленую ракету дал. Чтоб наши шли... Глядим, из хат стали высккивать и бегут не к нам, от нас. Они уже ждали наступления.

А в сарае четырнадцать живых. И действительно, все офицеры. Собрали мы их всех вместе, сами капюшоны откинули, чтобы видели они, что мы не партизаны, а солдаты. Звездочки у нас на шапках... Но чувствую, справиться мы с ними не сможем, если они сообразят, что нас только трое — голыми руками возьмут нас.

Вот тогда я и решился. Шарик, карты у меня всегда с собой были. Достал я шарик, туда-сюда его — они глаза разинули. Что, мол, за дурак такой? А вижу, им интересно тоже. Тут ведь никуда не денешься — фокус есть фокус... Когда изо рта стал доставать три подряд, один даже ахнул. Достал я карты. Этих фокусов у меня на все базары хватит! Показываю, а сам думаю, только бы продержаться как! Пока наши не дойдут...

И ведь целый час я им головы морочил! Сам даже забывал иногда, где я и кому фокусы показываю.

Первым на «виллисе» комдив наш в деревню въехал. И прямо к нам. Как сейчас помню: генерал-майор, Герой Советского Союза Буслаев.

Я к нему с красным портфелем подбежал: «Вот, — докладываю, — документы. А там, в сарае, штаб и четырнадцать офицеров». — «Что ж они там делают?» — спрашивает он. «Фокусы, — говорю, — смотрели...» Он и расмеялся.

Прямо тут ордена нам повесил. Построил нас и каждому вручил орден Славы 3-й степени.

Петр Яковлевич, рассказывая, вновь пережил прошлое: раскраснелся, прямо как только со сцены сошел. Рассказал, что Сергей Владимирович Образцов, сам великий кукольник, сказал много ласковых слов и организовал ему новое выступление: теперь уж только для одних московских кукольников.

— Приходи, дорогой... Буду с Петрушкой. Ну и с шарманкой, конечно... Фокусы не буду показывать.

Я обещал.

И время было. И сам я хотел пойти — еще разок взглянуть на Петра Яковлевича с шарманкой. А то ведь уедет в свой Красноярск, и не увидишь такого уже никогда в жизни. Там-то он дает концерты: выступает по клубам, его уж там все знают, дал три тысячи бесплатных концертов. «Просто хочется быть с людьми, — говорит. — Привык я в своей жизни среди людей быть...»

Но вспомнилось, как застывали, стекленели у него глаза, когда выходил он со своим органом... Теперь-то я уж знал: не глаза — глаз, один он у него только... Вспомнил, как оказывался старик с шарманкой в своем далеком голлом детстве, и не пошел. Не смог.

А выступление, говорят, прошло прекрасно...

Для Государственного Центрального театра кукол большая радость, что понски шарманки привели Петра Яковлевича Любаева именно в наш театр.

С. В. Образцов очень досадовал: неужели в фильме «Невероятная правда», над которым он работал, не оживет старинный Петрушка? Но появился П. Я. Любаев со своим пищиком-«говорком» — и Петрушка, народный, балаганный Петрушка ожил и встретился со своими двуродными братьями: Панчем, Полишинелем, Пульчинеллой.

Сегодняшние театроведы, которые пишут историю театра кукол, знали о Петрушке из книг и со слов тех, кто когда-то видел его на ярмарках, базарах, площадях, читали тексты петрушечных представлений, но ощутить и прочувствовать необычность этого ушедшего в века зрелища они не могли — нет сейчас прежнего Петрушки. Но вот закрывал, заверещал веселый, озорной, смелый Петрушка, и сегодняшние зрители, которые слышали и видели выступление Любаева, так же радостно встречают Петрушку,

так же заразительно смеются, как и в давние годы.

Чтобы сохранить для будущего Петрушку, научные сотрудники музея при Государственном Центральном театре кукол записали на магнитофонную ленту необыкновенный голос Петрушки, записали «раусы» — тексты балаганных зазывалок и традиционные народные гадания — в исполнении Петра Яковлевича Любаева.

Н. КОСТРОВА,
научный сотрудник
музея ЦТК

ВИКТОР ГОНЧАРЕНКО

НЕБО ПЛАНЕРИСТА

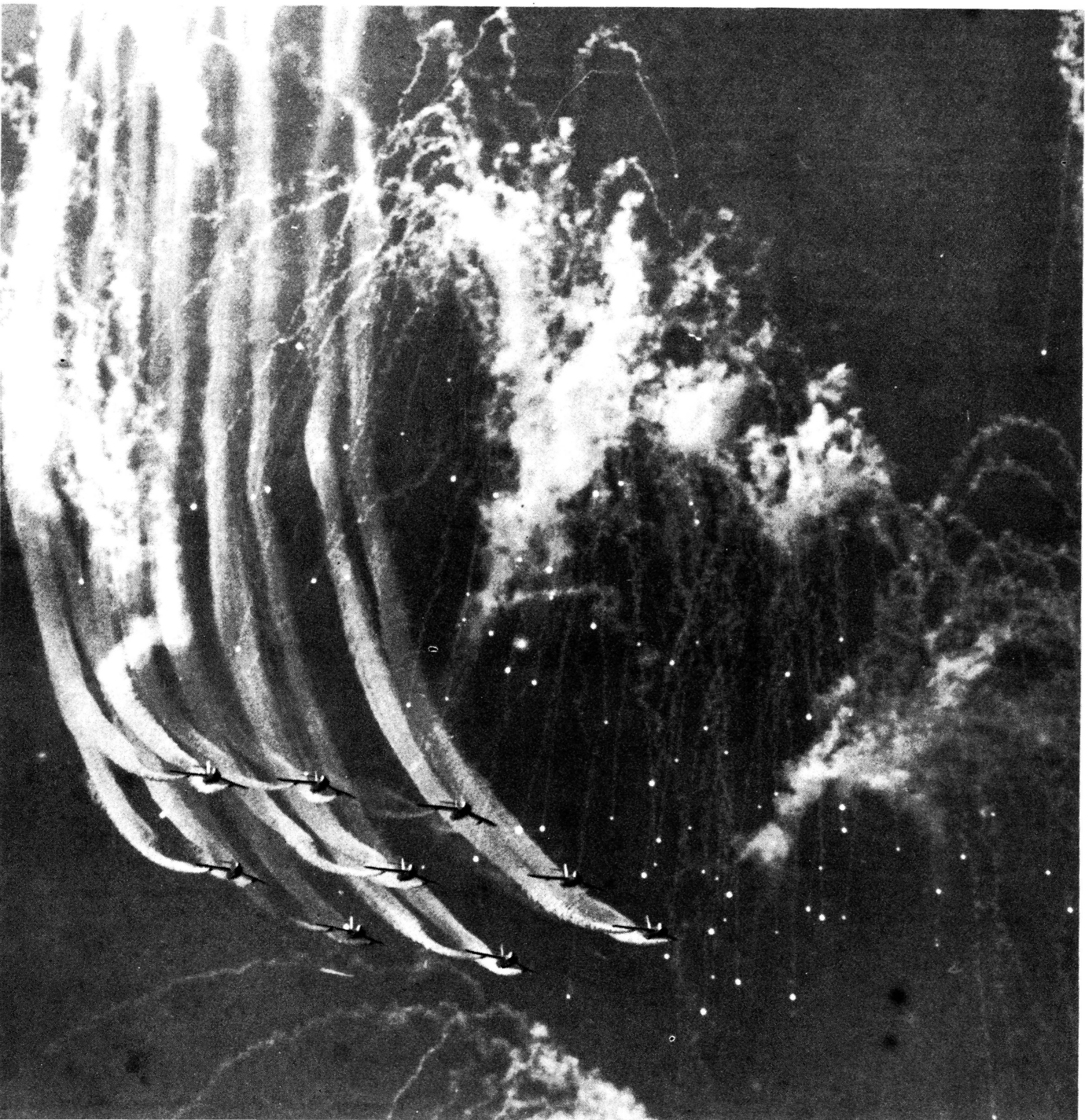
Мы стартовали почти крыло в крыло и почти весь маршрут треугольника пролетели вместе. Я говорю «почти», потому что перед самым финишем Ефименко все же ухитрился вырваться вперед. Я устремился за ним в погоню, но было поздно. Когда мой планер со свистом пересек линию финиша, Ефименко уже был на земле.

— Судя по времени, у тебя первое место, — сказал я, — да и я...

— Обожди радоваться, — перебил он. — Медников еще в воздухе.

Калужский планерист Александр Медников перед самыми соревнованиями установил мировой рекорд скорости полета именно по этому стокилометровому треугольному маршруту. Сегодня он стартовал позже нас на полчаса.

Мы напряженно всматриваемся в голубое небо, усеянное пышными кучевыми облаками, считаем минуты и ждем.

Тоненький силуэт планера сверкнул крыльями на солнце и круто устремился с высоты к полю аэродрома. Я посмотрел на часы и ахнул: Медников улучшал не только результат Ефименко, но и свой мировой рекорд!

— Вот это да! — воскликнул Ефименко, но тут же его глаза стали настоженными. — Что он делает?

Медников, приближаясь, все больше и больше отжимал от себя ручку, разгоняя планер. Опытный глаз Ефименко заметил, что Медников увлекся, значительно превысив допустимую скорость. До финиша оставалось совсем немного. И вдруг... планер, влетев в тень под облаком, вздыбился, как норовистый конь, задрал нос, и даже с земли было видно, как прогнулись его крылья. Еще мгновение — он, разваливаясь, круто перевалился на нос. Тут же от кабины отвалился целлулоидный колпак. Вслед за колпаком отделилась маленькая фигурка пилота и полетела вниз, обгоняя обломки планера.

— Открывай! Открывай! — не выдержал кто-то на аэродроме.

Фигурка приближалась к земле с каждой секундой. Наконец вспыхнуло шелковое облачко парашюта. Все облегченно вздохнули. Медников повис на стропах. В стороне от него промчались и рухнули в лес обломки планера. Вскоре за деревьями исчез и пилот.

— Перегрузка! — коротко резюмировал происшедшее Ефименко.

— Откуда она взялась? — спросил я недоумевающая.

— Он врезался на критической скорости в сильный восходящий поток, планер не выдержал, начал разрушаться...

По неопытности своей я только подивился, что потоки могут так легко разделаться с красивой и прочной машиной.

Когда на аэродром привезли целого и невредимого Медникова, благополучно спустившегося на лесную поляну, он с сожалением развел руками:

— Ничего не понимаю!.. Вдруг затрясло планер, как телегу на ухабах, и крылья тут же не выдержали, начали ломаться...

— Надо было перед облаком убавить скорость, — посочувствовал Ефименко, — ведь там поток.

— А вот у птиц крылья никогда не ломаются... — заметил кто-то.

— Еще бы, у них крылья не жесткие, да еще на шарнирах...

— Ну, на шарнирах ты сам летай, а меня увольте...

— А разве возможно построить такой планер? — усомнился кто-то.

— Почему же нет! — возразил один из конструкторов. — Откровенно говоря, у нас уже над этой проблемой работают...

До войны в Ленинграде жил и рос мой сверстник, вихрастый парнишка Саша Маноцков, который тоже хотел быть летчиком. Полеты Чкалова, Громова, Гризодубовой, Осипенко, рекорды высоты Коккинаки убеждали его, как и многих из нас,

что нет и не может быть профессии лучше и романтичнее летчика. Когда после окончания школы Саша Маноцков с родителями переехал в Петрозаводск, то первое, что он сделал, пошел в аэроклуб. В те времена поступить в аэроклуб было, пожалуй, не легче, чем сейчас на физико-математический факультет МГУ. И если экзамены были не так строги, то желающих было хоть отбавляй. Но Маноцков поступил и вскоре стал летать на маленьком самолете У-2, что означало «Учебный — вторая модель». Позже, в войну, его называли «кукурузник». Прост до гениальности, легок в управлении и всепрощающ к самым невероятным курсантским ошибкам в технике пилотирования.

Александр Маноцков перед полетом.

В небе—сверхзвуковые. Фотоэтид А. ЛЕБЕДЕВА.

Но чем дольше летал Александр, тем больше чувствовал, что его влечет не только сам полет, но и более «прозаическая» сторона авиации — техника. «Курсачи» не очень-то любили после полетов возиться возле забрызганного маслом мотора. А Сашу хлебом не корми, только дай покопаться в этом стосильном сердце самолета, с ребристыми цилиндрами и хитромудрой начинкой, спрятанной под алюминиевой рубашкой картера.

Старый, опытный техник самолета, именуемый курсантами для краткости «технар», знал, что нет у него лучшего помощника, чем Саша. Дотошный, не уйдет, пока не будет закончен последний шплинт и не вытерта начисто с крыла последняя капелька масла.

— Тебе бы, Саша, инженером, — советовал технар, вытирая о ветوشку потемневшие от масла и бензина ладони, — руки у тебя золотые... Но разве ты пойдешь? Нынче все в Чкаловы норовят...

— А почему бы и не пойти! — неожиданно сказал Саша. — Инженеры авиации тоже нужны. — Так в чем же дело? — подзадорил техник. — Десятилетку закончил — прямая дорога в институт.

— Дорога-то прямая, — усомнился Саша, — но не лучше ли начать с азов? Как вы думаете? — Оно-то верно, — согласился техник.

Однако на физмат Саша поступил. Пытался поступить в авиационное училище, но опоздал и тогда пошел на авиазавод, продолжая учиться в университете вечером.

За два года работы на заводе Саша изучил «до шплинтика» конструкции самолетов и моторов, технологию сборки, стал слесарем и механиком.

Началась война. Завод эвакуировался в далекий сибирский город и стал выпускать для фронта истребители.

До учебы ли тут было!

Александр забыл о выходных, по двое-трое суток не выходил из цеха. А когда добирался до койки в общежитии — валился замертво. Но даже в эти годы он не забывал о небе и выкраивал редкие часы для проектов, расчетов, чертежей.

— Придумать бы что-то наподобие воздушного велосипеда! Вышел на балкон, взмахнул крыльями — и полетел! И никаких тебе аэродромов, громоподобных двигателей... Мечта! А ведь когда-то же будет!

Кончилась война. Но завод продолжал работать в темпах военного времени. Иногда удавалось вырваться в аэроклуб.

...Старенький, потрепанный У-2 легко оторвался от аэродрома и пошел в высоту. Маноцков доволен: нет, не разучился летать, самолет послушно идет в зону. Но что за черт! Болтанка такая, что не хватает рулей. Приходится ручку двигать двумя руками, от борта до борта. Самолет то зависнет как-то боком — и ни туда ни сюда, то, скрипя и постанывая, вдруг резко проваливается метров на тридцать вниз, так что только плечевые ремни удерживают пилота в кабине. Александр чувствует, как пропитывается потом комбинезон, как скользят по ручке ладони. Самолет взлетает на полсотни метров — и мотор захлебывается от болтанки.

А до пилотажной зоны еще далеко, и Маноцков крепче упирается ногами в педали, с трудом удерживает машину в горизонтальном положении. Он убирает газ и направляет самолет на аэро-

дром. Воздушные вихри по-прежнему отчаянно корежат машину. Поспешно и не очень точно сажает он У-2 на зеленое поле аэродрома. К нему бежит ничего не понимающий инструктор.

— Что случилось?

— Невозможно летать! Отчаянная болтанка. Такой еще никогда не испытывал.

Инструктор недоверчиво косится на смущенного, обливающегося потом Маноцкова.

— А ну дай-ка я слетаю, посмотрю...

Александр уныло соскакивает с крыла на землю, инструктор занимает место в передней кабине. Технар, пользуясь случаем, осматривает машину.

— Только вы потуже затягивайте ремни, — советует Маноцков.

— Отставить полет! — слышится недовольный голос техника. — Надо подтянуть тросовое управление. Ослабло...

— Неужели? — удивляется инструктор. — Молодец, что справился. А я, грешным делом, подумал, что ты сдрейфил... Да, болтанка, она иногда донимает не хуже, чем на море двенадцатибалльный шторм. Когда я служил в истребительном полку, так у нас однажды в воздухе истребитель рассыпался от болтанки. Понимаешь, истребитель! Это тебе не эта балалайка...

Несколько дней Маноцков ходил под впечатлением от этого полета. Болтанка... Как с ней бороться? Жесткая конструкция самолета в сильную болтанку действительно напоминает деревенскую телегу без рессор. Но самолет с рессорами — такого еще не было. Как же смягчить силу внезапных порывов? На самолете, правда, есть мотор, можно подняться выше облаков, где болтанка чувствуется меньше. А каково планеристам? Ведь они в тихую погоду не летают, нет восходящих потоков. Они, как буревестники, ищут болтанку побольше. Она является результатом действия так называемых конвективных, то есть тех вертикальных потоков воздуха, которые заменяют планеру мотор и поднимают его на большие высоты. На крыльях без мотора можно забираться в стратосферу, пролететь сотни километров и держаться в небе без капли бензина несколько десятков часов!

Да, планеристам нужны «рессоры». А что, если сделать крылья планера не жесткими, а подвижными, как у птицы?

Но как воплотить на деле эту идею? Как сделать узлы креплений крыльев, чтобы они выдерживали огромную нагрузку и в то же время были чувствительны к упругим колебаниям потоков?

Маноцков заболел «машущими крыльями» не на шутку.

После работы, пересиливая усталость, Саша подолгу засиживался в библиотеке. Здесь-то его и увидел раз-другой Главный конструктор Олег Константинович Антонов. И однажды они разговорились.

— Машущие крылья? Очень интересная идея! И, пожалуй, перспективная! Но подрессоренное крыло — не легкая задача... — Знаете что? — прищурил глаза Главный. — Хотите в конструкторское бюро?

Маноцков недоверчиво покосился.

— Нет, я не шучу, — быстро заговорил Главный, — ваша идея кое-кому покажется сейчас

несвоевременной и чудной. Но помните, как сказал Горький? Чудаки украшают мир. Верно сказано. В каждом КБ должны быть «чудаки», глядящие не в завтрашний и даже не в послезавтрашний день, а куда-то неизмеримо дальше. Приходите к нам. Но только помните, что учиться надо будет по двадцать пять часов в сутки.

Работая среди опытных конструкторов и инженеров в КБ долгие шесть лет, Александр приступил к осуществлению идеи.

Чтобы изучить все тонкости дела, Маноцков стал летать на планерах. Благодаря летному опыту он быстро освоил технику полета планера на буксире за самолетом и свободное планирование. Парящие полеты, когда планер набирает высоту в восходящих потоках, давались труднее. Это было искусство, которому быстро не научишься. И все же практические полеты дали много ценного в разработке конструкции планера и особенно хитроумного механизма «рессор».

Друзья и товарищи по работе, заинтересовавшись работой Маноцкова, стали помогать ему. Одни делали чертежи, другие помогали собирать ажурные каркасы крыльев и фюзеляжа.

Наиболее неясным оказался расчет специального пневматического цилиндра, в котором под большим давлением ходил поршень. К поршню крепились с помощью шатунов лонжероны крыла, свободно подвешенные к фюзеляжу. Стоило планеру попасть в восходящий поток, как крылья должны были под действием увеличенной подъемной силы спружинить вверх, а потом вниз. В спокойную погоду их можно было застопорить, и тогда планер не отличался от обычного.

На рисунках и чертежах все это выглядело убедительно. Но каково будет на практике?

Да, много хлопот было с изготовлением пневматического механизма. Он должен выдерживать нагрузки в несколько тонн, а весить не более двадцати килограммов. В конце концов и эта проблема была решена.

И вот настал день, когда из цеха на аэродром был вытащен желтокрылый планер.

Черт возьми, даже не верится, что это его творение! Саша обошел планер вокруг. Красивая штука получилась. Внешне он ничем не отличался от изящных рекордных планеров: длинные узкие крылья, короткий фюзеляж с тесной, закрытой прозрачным колпаком пилотской кабиной.

Вокруг машины собрались инженеры, конструкторы, рабочие. Начали осторожно покачивать крылья. Крылья свободно ходили вверх и вниз более чем на два метра.

— Ты смотри, вот так птица!

— На земле-то он машет, а как в воздухе будет?

Саша, услышав эти слова, вдруг упрямо тряхнул головой:

— Сейчас посмотрим...

— Ну, Саша, ни пуха ни пера!

Как обычно, подрулил заводской У-2. Техник прицепил трос. Маноцков в зимнем комбинезоне поудобней устроился в тесной кабине. Вокруг взлетной полосы стоят люди, волнуются, ждут. Все готово. Маноцков поднял руку. Летчик дал газ. Самолет тронулся с места, увлекая за собой на тросе планер. Планер легко оторвался от аэродрома. Крылья были застопорены неподвиж-

но. Самолет медленно набирал высоту. Саша сгорал от нетерпения: скорей бы высота отцепки, чтобы попробовать механизм крыльев.

Вот наконец тысяча метров. Маноцков потянул за скобу замка и отцепился от самолета. В кабине сразу стало тихо, и только легкий шум рассеканного воздуха напоминал, что планер летит. Воздушные течения слегка подбалтывали планер. «Это хорошо, — подумал Маноцков, — сей час посмотрим, как действуют рессоры». Саша решительно потянул на себя ручку стопора. Крылья остались неподвижны. «Неужели что-то заело?»

И словно в ответ концы крыльев, попав в поток, качнулись вверх-вниз и опять стали на место. Новый порыв — крылья снова качнулись.

— Машут! Машут! — закричал Саша.

Полет стал спокойным и упругим. Планер не бросало в потоках, а только слегка покачивало.

Маноцков посмотрел вниз. Маленькие фигурки на снегу заметались, пришли в движение: значит, заметили, что планер машет крыльями.

Вдруг за кабиной раздался сильный треск. Маноцков оглянулся и не поверил глазам: левое крыло возле центроплана повернулось вокруг крепления и торчало вверх, под углом. Планер тотчас накренился в левую сторону. «Не выдержал узел», — мелькнула мысль. Саша бросил беглый взгляд на высотомер. Восемьсот метров. Планер завалился в крутую спираль и стал резко снижаться.

«Надо прыгать... А как же машина? Столько бессонных ночей, столько надежд — и вот... Нет, во что бы то ни стало надо спасти планер!»

Маноцков с силой потянул ручку управления в сторону. Планер немного выровнялся. Значит, элероны действуют. Пилот не ощущал колочей холодной струи воздуха, врывающейся в открытую форточку фонаря. Он видел, как быстро приближалось голое заснеженное поле за аэродромом.

«Ничего, как-нибудь посажу», — успокаивал он себя. На висках выступил холодный пот, пальцы до оцепенения сжимали ручку. До земли оставалось всего сто метров. «Хотя бы выдержало второе крыло», — подумал он и тут же услышал короткий треск. Оба крыла оторвались от планера, и фюзеляж ринулся к земле.

Инстинктивным движением Маноцков сбросил фонарь колпака и ухватился за кольцо парашюта. В этот момент раздался глухой удар.

...Все на старте видели, как подломилось одно крыло и как пилот продолжал бороться с креном. Людей не покидала надежда, что он сумеет перед землей выровнять и посадить машину. Но когда оторвались оба крыла и фюзеляж, потеряв опору, понесся к земле, все оцепенели.

Самолет-буксировщик, который наблюдал за полетом планера с воздуха, несколько минут покружил над местом катастрофы и помчался на аэродром. Взмолванный летчик рассказал, что планер разбился в мелкие щепки, похоронив под обломками Маноцкова. На грузовике добраться до места катастрофы нельзя — глубокие снега. Летчик, получив разрешение на посадку возле места катастрофы, побежал к самолету. Однако мало кто верил в счастливый исход.

...И все-таки чудеса бывают. Первым ощутил это сам Маноцков. Он сначала удивился, что чувствует на лице холод. Попытался открыть

глаза, но вокруг серая пелена. Не сразу догадался, что это снег. Снег засыпал его вместе с обломками планера. Маноцков не чувствовал ни рук, ни ног.

«А может, их совсем нет?» Он подтянул руки к лицу, разгреб снег. А ноги? Пошевелил пальцами: тоже слушаются. Целы!

Он стал выбираться из снега. А выбравшись из-под обломков, увидел над собой самолет. Летчик летел низко, все еще не веря, что это он, Саша Маноцков.

Саша замахал руками. И тогда летчик лихо развернулся и пошел на посадку. Саша по глубокому снегу полез вверх по склону оврага. Самолет подрулил почти к обрыву.

Летчик не дал Саше опомниться, ухватил за воротник, помог забраться в кабину и пошел на взлет.

— Сашка! Живой?

— Все в порядке, братцы, — кричал Саша. — Только все придется начинать сначала. Крепление не выдержало — ошибка технологическая, а все расчеты были правильными.

— Понимаете, — говорил он окружившим его друзьям, — случилась досадная оплошность: чересчур запиллил сварочные швы ушек крепления. Вот они и не выдержали. Но мы построим новый планер, не правда ли?

В теплый осенний день 1953 года на аэродроме под Киевом взлетел на буксире за самолетом узкокрылый планер. Испытания были поручены опытному старейшине украинских планеристов Янушу Ольгердовичу Рудницкому. Сотни глаз пристально смотрели за его полетом. Вот он отцепился от самолета и начал планировать. Наступила напряженная тишина. И вдруг какой-то мальчуган, что с завистью следил за полетом, спрятавшись за границей аэродрома в бурьянах, вскочил и с восторгом и удивлением закричал:

— Смотрите, смотрите, планер машет крыльями!

Саша Маноцков вместе со всеми глядел в небо, а планер все махал и махал крыльями...

Через год, на воздушном параде в Тушине, москвичи увидели, как планер Маноцкова, словно огромная птица, спокойно и бесшумно плыл в небе, помахивая крыльями.

И в это же время на одном из польских аэродромов, слушая передачу из Тушина, Александра Маноцкова поздравляли друзья — участники международных состязаний, планеристы Франции, Польши, Венгрии, Италии...

...Мы подружились с Сашей с первого дня, как только он появился на нашем аэроклубовском аэродроме. Он, как и все, бегал за буксировочным тросом, старательно выполнял свои обязанности в стартовом наряде, терпеливо ждал своей очереди на полет и был счастлив, если ему удавалось на стареньком учебном А-2 продержаться в восходящих потоках хотя бы с полчаса.

— Вот держит! — восторженно говорил он, вылезая из кабины. — Хоть целый день летай! Я все на машущие крылья напирал, а нам не хватает обыкновенных планеров. Даже тренироваться не на чем. Братцы, у меня есть идея. Надо отложить пока в сторону дальнейшую работу над машущими крыльями и срочно взяться за

хороший рекордно-тренировочный планер. Цельнометаллический, такой, чтобы на все случаи жизни: со сменными крыльями. Хочешь на пилотаж — приставляешь короткие крылья и, пожалуйста, можешь выполнять весь комплекс воздушной акробатики. Хочешь в парящий полет — за пять минут сменил крылья на длинные, с закрылками — пожалуйста, летай хоть целый день. И чтобы в каждом аэроклубе было таких планеров вдоволь!..

Мы были увлечены Сашиней идеей и с нетерпением ждали этих планеров. Мы знали, что уж если Маноцков заболел какой-то идеей, то он от нее не отступится.

Я уже не помню, сколько прошло времени, года два или больше, когда в один из жарких летних дней Саша после работы прикатил на аэродром на велосипеде.

— Готов первый экземпляр, — сообщил он. — Пилотажный вариант, с короткими крыльями. А-13 называется...

— Ну и номер!

— А я не суеверный! — хлопнул меня по плечу Саша. — Завтра испытывать будем — сам полечу!

Утро выдалось на редкость солнечное, яркое, тихое. В небе ни облачка. Настроение у Саши праздничное. На заводском аэродроме было пусто, и только планерная группа ОКБ во главе с Маноцковым была в сборе. Серебристый планер, отсвечивая дюралю на солнце, стоял на зеленой траве. Подрулил мощный самолет-буксировщик АН-2, Маноцков уселся в кабину планера. Ох, как ему хотелось быстрее в небо!

— Ребята, тащите буксирный трос, что вы там мешкаете!

Планер оторвался от земли легко и быстро. Он устойчиво шел на буксире за самолетом, и таким же устойчиво-спокойным было настроение у молодых конструкторов на земле.

На большой высоте Маноцков отцепился от самолета и серебристой точкой поплыл в небо. Планер бесшумно кружился в вышине, и можно было только представить, каким именинником себя чувствовал там, в кабине, Маноцков. Другим хотелось, чтобы он побыстрее сел и рассказал все о новой машине: как она планирует, как слушается рулей, какой обзор, как работают приборы.

Люди вокруг аэродрома тоже заметили в небе серебристую птицу. Рабочие на лесопилке, невдалеке от аэродрома, оставив работу, присели на бревнах:

— Смотри, как красиво кружится!

Они уже привыкли и к самолетам и к планерам.

— Сегодня ветер северный, так что и этот будет заходить на посадку прямо через нас. А пока давайте перекусим.

А планер все плыл и плыл в вышине, постепенно теряя высоту.

— Ну, слава богу, заходит на посадку!

Кто-то принялся рвать на аэродроме цветы, чтобы поздравить Сашу. Планер сделал традиционную коробочку вокруг аэродрома и пошел на последний разворот.

— Высоковато зашел...

— Ничего, сейчас выпустит перехватчики, они у планера эффективны, так что быстро потеряет лишнюю высоту.

Вот и последний разворот. Планер нацелился носом на аэродром, и все заметили, что воздушные тормоза действительно работают здорово: высота быстро уменьшилась. Теперь можно и убрать их.

Пилот словно услышал мысль друзей: тормоза начали прятаться в крыло. Но что это? Планер словно застыл в воздухе. Видно, пилот, потеряв слишком много высоты, стремился дотянуть до аэродрома, до предела уменьшая скорость. И вдруг... сверкнуло крыло, еще... Планер штопорил, быстро теряя высоту, и скрылся за соснами у лесопилки.

До аэродрома долетел глухой удар, скрежет металла... Все помчались на лесопилку.

На смятом крыле торчали злополучные перехватчики, которые отказались повиноваться пилоту. Рабочие с лесопилки глядели на обломки.

— Мы обедали, — глухо говорил молодой парень, — вдруг слышим с неба крик: «Разбегай-

тесь!» Смотрим — планер падает прямо на нас. Если бы летчик нам не крикнул, нас бы тоже... Вот человек! В последний миг не о себе, о нас думал...

И снова тишина. Какая тишина! И только скрежет покачивающегося под легким ветром крыла говорит, что это не сон, это конец. В мертвую зажатой руке Маноцкова нашли обломок ручки управления. Он до последнего мгновения боролся...

...С тех пор прошло уже много лет. Сегодня на планере со сменными крыльями, короткими и длинными, созданным Александром Маноцковым, новое поколение планеристов летает на высший пилотаж и на парение...

Недавно я был на выставке. Бродя по залам, вдруг увидел до боли знакомое лицо. А присмотревшись, сказал: «Здравствуй, Саша!» Да, это был он. Но уже отлитый в бронзе. На нем была его любимая летная куртка на «молнии», ветер растрепал его чуб, в руках он держал свой летный шлем, глаза так же, как и при жизни, глядели в небо...

«Я НЕ ПРИЗЫВАЮ ЛЕПИТЬ КРЫЛЬЯ ИЗ ПЕРЬЕВ...»

История развития техники показывает, что наши прапредки в борьбе за существование в окружающей их полной опасностей среде, сперва приспосабливаясь к ней, а затем приспособляя ее к себе, черпали нужную им информацию не из книг, а из великой книги природы.

Они завидовали быстро бегущей лани, ловким пловцам — дельфинам, завидовали силе льва и взмахам крыльев птицы, возносящим ее высоко над землей.

Не удивительно, что от первобытной эры и почти до самого последнего времени многие попытки человека преодолеть ограниченные возможности своего организма носили явный оттенок подражания природным образцам.

Такими были и многие попытки создания летательных аппаратов, попытки создания крыльев, более или менее напоминающих крылья природных летунов — птиц и насекомых.

Однако как раз низкий уровень техники и не позволял успешно подражать совершенным природным образцам.

Поэтому даже повозки хеттов и первобытная арба гуннов не скопированы со слона и лошади, а снабжены колесами, не имевшими прототипа в природе, но

доступными в изготовлении технике и мастерам того времени.

На древних галерах использовались весла, а Одиссей плывал на «Арго», снабженном парусами. И весла и паруса были изобретениями, имевшими в живой природе лишь весьма отдаленные аналоги.

И первые летавшие планеры с неподвижными, немашущими крыльями, и самолет с двигателем и винтом также не имели аналогов в природе.

Самолет (аэроплан) с неподвижными крыльями и воздушным винтом, а затем и с реактивным двигателем прошел долгий путь развития.

Конструкция планеров за последние полвека значительно усовершенствована. Аэродинамические их качества намного повысились.

Заслуга А. Маноцкова состоит не в том, что он «вернулся назад», к эпохе первых попыток человека летать с помощью взмахов крыльев. Он обратил внимание на то, что на современном уровне развития техники мы получили возможность приблизиться к совершенным образцам, созданным природой. Ищущий, беспокойный, удивительно смелый ум Маноцкова был устремлен не назад, а вперед, работал

в унисон с последними достижениями науки и техники.

Именно на этой почве появились подводные лодки (в природе ведь нет «надводных» существ), шагающие машины после многотысячелетнего господства колеса, искусственные «ручки» физиков и многое другое, гораздо более близкое к тончайшим творениям природы.

Я не призываю лепить крылья из перьев, скрепленных воском. Это этап, пройденный еще в эпоху рабовладельческого общества.

Крылья надо делать не из перьев, а из пластика на основе сверхпрочных волокон по всем правилам и законам, которые еще предстоит открыть, работая с подвижным и гибким крылом, способным заимствовать энергию от окружающей среды.

Александр Маноцков, проведя свои замечательные опыты, обратил наше внимание на новые возможности, созданные развитием техники и науки для приближения к совершенным природным образцам. И в этом непреходящая заслуга Александра Маноцкова, летчика-планериста, конструктора-искателя, исследователя, заглядывающего в будущее.

О. К. АНТОНОВ, академик,
Генеральный конструктор

КШИШТОФ БОРУНЬ,
польский писатель

COGITO, ERGO SUM...

Рисунок **И. ГОЛИЦЫНА**

Фантастический рассказ

Камни словно бы ожили... Растут, вспухают, раздирают спайки... Белые стиролитовые спайки... Меня так и тянет отступить, помчаться вверх по ступеням, убежать от того, что уже здесь, рядом, передо мной, но я не могу преодолеть парализующий страх...

Вспышка света. И уже нет ни разбухающей стены, ни мрачного коридора, ни истлевших ступеней... Теперь я понимаю, что это был всего лишь сон, и чувствую колоссальное облегчение.

Мучительный, кошмарный сон — настойчиво повторяющийся с детства. Скрипящие ступени, ведущие в подвал. Из мрака проступает темная, закопченная

стена. Сквозь пролысины в штукатурке проглядывают большие шершавые камни — фундамент нашего дома. Я спускаюсь в густеющий мрак и, уже коснувшись ладонью камней, слышу позади шорох шагов, резкий скрип заржавевших петель, и меня охватывает непроглядная темень. Потом шаги удаляются, и наступает тишина. Гнетущая, наполненная страхом и бессильной злобой. Достаточно преодолеть несколькими прыжками ступени, отделяющие меня от подвальной двери, и опять вернется свет. Но я знаю, это бессмысленно — Михаль, затаившийся в коридоре, только и ждет, чтобы опять захлопнуть дверь.

Я должен побороть страх и пойти в темноте до

поворота. Оттуда всего несколько шагов до тяжелой изогнутой задвижки, которую надо открыть, чтобы увидеть свет, проникающий сквозь зарешеченное оконце.

Я всегда боялся мрачного подвала, и всегда мне удавалось преодолеть страх, когда ребенком я спускался за картошкой или углем... Так было наяву.

Но во сне было иначе. В снах как бы сосредоточивались все желания и опасения, которым не было доступа в сознание наяву. Меня охватывала злость на Михалю, я гнался за ним по крутым ступеням вверх до закрытой двери, в бессильном бешенстве молотил кулаками в твердые, покрытые потрескавшейся краской доски. Только потом приходил страх. Другой страх... которого невозможно побороть... Усиливающийся с каждой секундой. Мускулы слабели от этого непреодолимого страха... Я чувствовал, что это приближается, хотя никогда не мог определить, что это и откуда оно придет...

Всегда одно: подвал, запертая дверь, парализующий страх, освободиться от которого можно только... проснувшись.

И теперь то же... Нет. Как будто все так же, и все-таки не так... Разбухшая, выгнутая стена... Пожалуй, это появилось впервые. Что за стена? Белые стиролитовые спайки... Откуда взялся стиролит в подвале? Такое может привидеться только во сне...

Вспышка. Как темно... Неужели надвигается буря? Странно. Абсолютная темнота — даже окошка не видно. Перед глазами мельтешат мириады искорок, какие-то темные и светлые пятна, непрестанно изменяющие цвет и форму.

Опять всплеск света. Один, второй, третий... Напоминает блеск фотовспышки, отраженный от белой или желтой стены. Потом опять темнота. Непроницаемая.

Открыты ли у меня глаза? Странно, но я не в состоянии этого определить. Шевелю веками, но не чувствую их... Как чешется правая нога! Я хочу коснуться ее. Пожалуй, мне действительно удалось согнуть ногу, и теперь я тянусь к ней рукой... Хотя... я не уверен в этом. Может быть, у меня отказали органы осязания? Я не могу поручиться, что касаюсь ноги...

А может, я все еще сплю? Можно ли видеть во сне, что ты спишь?

Вспышка. На этот раз как будто более продолжительная... Потом две коротких... Осветило стену. Какую стену? Ничего не понимаю... Хорошо помню, я уже укладывался спать, когда позвонила Анка и сказала, что в С-4 повышается давление... Все время после обеда мы работали, и все было в порядке. Реакция затухала. Как и всегда, при резонансных частотах... После звонка Анки я оделся и сразу же поехал в лабораторию...

Опять вспышки. Два раза. Короткая и длинная. Слово буква «А» в азбуке Морзе. Только вряд ли это действительно сигналы.

Где я?.. В лаборатории?.. Белая стена, что за белая стена? Дома нет такой стены... Впрочем, не помню, чтобы я возвращался домой... Домой? Я не знаю даже, как окончился опыт...

Вспышка. Какая длинная... И три короткие. Вроде буквы «Б». Неужели действительно сигналы? Кому понадобилось сигнализировать морзянкой? И зачем?

Опять вспышки. Передают алфавит. Что за странная забава? А может, соседский мальчишка...

Вспышки следуют одна за другой. «Е» и «Ж». Это начинает нервировать. Разве я обязан смотреть на эти вспышки?

Почему я не могу прикрыть глаза рукой? Почему

не знаю, что с рукой творится? А может, это паралич? Может, я в больнице?

Кажется, я начинаю что-то вспоминать. Вспухающая стена... Это был не подвал, а лаборатория. Белые стиролитовые спайки... И крик. Да. Это был крик Анки...

Но что потом? Что было потом?

Все время сигналят... Пожалуй, «Ю»... а теперь «Я». Ну наконец-то алфавит кончился.

Нет. Опять начинается.

«Б... Р... А... Ц... К... И... Я...»

Меня.

«Я — С... К... Р... И... Н... А...»

Скрина? Почему Скрина? Зачем?

«ЕСЛИ ТЫ ПОНЯЛ СИГНАЛЫ, НАЙДИ СУММУ ПЯТИ ПЕРВЫХ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ».

Что это значит? Чего ради мне заниматься арифметикой? Первые простые числа... 2, 3, 5, 7, 11... Два плюс три — пять, плюс пять — будет десять, плюс семь — уже семнадцать, плюс одиннадцать — двадцать восемь...

Опять вспышки.

«ВСЕ В ПОРЯДКЕ. У НАС С ТОБОЙ КОНТАКТ НЕПОСРЕДСТВЕННО ЧЕРЕЗ КОРУ. ПОПРОБУЙ ПОШЕВЕЛИТЬ ПРАВОЙ РУКОЙ».

Что все это значит? Контакт через кору. Непосредственно через кору... Неужели эти вспышки... раздражение коры мозга? Но почему? Неужели полный паралич? Но ведь Скрина велел мне пошевелить рукой. Я прочел безошибочно: попробуй пошевелить правой рукой.

Пошевелил. Ничего не чувствую.

Опять сигналист.

«ХОРОШО. ТЕПЕРЬ ЛЕВОЙ».

Пытаюсь, но ничего не ощущаю. И эта тишина... «ПОРЯДОК. ПРАВАЯ РУКА — ТОЧКА, ЛЕВАЯ — ТИРЕ. МОЖЕШЬ ПЕРЕДАВАТЬ. ЗАПОМНИ: ПРАВАЯ — ТОЧКА, ЛЕВАЯ — ТИРЕ. ДОСТАТОЧНО ПОШЕВЕЛИТЬ ПАЛЬЦАМИ».

Ничего не понимаю. Хотя... Ну, ясно же! Я потерял слух и речь. Неужели я действительно не могу говорить? Откуда они знают? Ведь я и не пытался. — Скрина!

Ничего не слышу. Не слышу собственного голоса... Сказал ли я вообще что-нибудь? Не знаю. Ничего не знаю и ничего не чувствую.

Они передали, что поддерживают со мной связь через кору... Что это значит? Может быть, я полностью потерял способность воспринимать сигналы с помощью органов чувств? Поэтому и не чувствую даже боли. Им приходится использовать электрические раздражители. Вспышки. Вероятно, они воздействуют непосредственно на зрительный центр. А Скрина велел складывать числа, чтобы с помощью электроэнцефалографа установить, способен ли я вообще сознательно мыслить.

Однако любопытно, что я могу шевелить руками. Только действительно ли я шевелю руками?

Правая рука — точка, левая — тире. Могу спрашивать.

«ЧТО СО МНОЙ?»

«ПЛОХО. У НАС С ТОБОЙ КОНТАКТ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ КОРУ. ТЕБЯ ОЧЕНЬ УТОМЛЯЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ»

Что-то они крутят. Почему не отвечают прямо?

«СКРИНА, ГОВОРИ ПРАВДУ: ЧТО С АНКОЙ?»

Почему нет вспышек? Почему они молчат? Может быть, Анка погибла, и они боятся ответить... Ее крик...

«ОНА ПОГИБЛА?»

Опять вспышки: точка, точка, тире, точка, тире... Не знаю... В голове кружится, словно от вина... Точки это или тире? Что они... Ничего не могут понять... Что они...

Кажется, я заснул. Вспышки... Надо быть внимательнее...

«...ПРИНИМАЕШЬ...»

Видимо, конец фразы.

«ПОВТОРИТЕ».

«МЫ СПРАШИВАЛИ, ПРИНИМАЕШЬ ЛИ ТЫ УЖЕ НАШИ СИГНАЛЫ. ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ПЛОХО?».

«Я, КАЖЕТСЯ, ЗАСНУЛ».

«ВРЕМЕННЫЙ ОБМОРОК. НЕДОСТАТОК КИСЛОРОДА. СОСРЕДОТОЧЬСЯ. ТЫ ПОМНИШЬ МОМЕНТ ПЕРЕД ВЗРЫВОМ?»

Так. Стало быть, это действительно был взрыв... Анка звонила, что в С-4 возрастает давление. Я поехал в лабораторию... Помню еще, что Анка стояла у контрольного окна. А я? Кажется, подошел к щиту управления... Но что было дальше?

«Я СТОЯЛ ОКОЛО ЩИТА, ДАЛЬШЕ НЕ ПОМНЮ».

«ВСПОМНИ, ЧТО ТЫ ВИДЕЛ НА ЩИТЕ».

Третий экран... Да, я смотрел на третий экран. Что-то меня удивило... Но что? Анка стояла перед окном... Там что-то горело... Оранжевым... потом желтым... и белый, ослепительный свет... Цепная реакция продолжалась... Помнится, я изменил фазу... Нет. Фаза уже была изменена. Анка? Нет. Теперь я вспомнил. Это я первый заметил... И сказал, что боюсь, как бы не затух резонанс... составляющая эн-ламбда... Да. Теперь я начинаю понимать... Анка сказала, что пыталась повысить мощность составляющей эн-ламбды. Думала, она слишком низка. А ведь я ей говорил...

Двадцать семь удачных опытов. Нарастающие заряды. И полная нейтрализация за предвычисленный промежуток времени.

Двадцать семь... Этот — двадцать восьмой. Неужели Скальский был прав, утверждая, что при определенных условиях может быть нарушена стабильность и процесс пойдет в обратном направлении?

Теперь я понимаю беспокойство Скрины. Если вместо нейтрализации ядерного заряда произойдет взрыв...

Шесть лет работы — и все впустую...

Впустую ли? Ведь это просто ошибка Анки. Анки? Может, это я допустил какую-то ошибку?

Что я делал у щита? Теперь я понимаю, почему это так важно.

Меня опять тянет в сон. Зачем Скринка морочит мне голову? Чего ради он меня мучает? Неужели нельзя подождать, пока он станет лучше. Пока я смогу говорить и слышать.

А может, я уже никогда не буду слышать и видеть? Может, с момента взрыва прошло несколько месяцев? Может, я все это время лежал без сознания?

Скринке одному не справиться... А еще так недавно задирал нос...

А может, просто нельзя больше ждать?

Если удастся расширить радиус резонансного поля до нескольких тысяч километров, то опасность термоядерной войны перестанет существовать. Не взорвется ни один снаряд. Но если стабильность процесса в результате действия каких-то неизвестных факторов будет нарушена и произойдет изменение фа-

зы... Камера не выдержала взрыва... Это значит, что для высвобождения энергии не требуется критической массы... Даже миллиграммовый заряд...

Я понимаю опасения Скрины... Но ведь у него есть мои расчеты. Даже если Анка погибла, он должен сориентироваться. Анка погибла... Откуда я знаю, что она погибла. Никто не подтвердил моих предположений.

Сколько вопросов, сколько сомнений...

Незаменимых нет. Значит, дело во времени...

В субботу я должен был встретиться с Евой. Полгода ее не видел...

В середине июня собирался поехать на отдых... Я думаю обо всем, только не о том, о чем надо. Надо взять себя в руки. Ведь кое-что я все-таки помню.

«Я ЗАМЕТИЛ ИЗМЕНЕНИЕ ФАЗЫ. ВЕРОЯТНО, В РЕЗУЛЬТАТЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЭН-ЛАМБДЫ. ВСЕ БОЛЕЕ ЯРКИЙ СВЕТ В КОНТРОЛЬНОМ ОКНЕ. ДАЛЬШЕ НЕ ПОМНЮ».

Уже мигает:

«ТЫ ПЫТАЛСЯ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТЬ?»

«КАЖЕТСЯ, ДА. НО НЕ ПОМНЮ ЧТО. У ВАС ЕСТЬ ЗАПИСЬ?».

«ЗАПИСЬ ПОГИБЛА. КРОМЕ ТОГО, МЫ НЕ МОЖЕМ НАЙТИ ТВОЮ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ».

Записная книжка... Действительно. В четверг вечером мне в голову пришла мысль о трансформации. Составляющая тэта могла принимать отрицательные значения. Я показал Анке, и, кажется, это ее взяло за живое... Может быть, поэтому она и пыталась повысить мощность эн-ламбды.

Может быть, она взяла книжку. Нет. Пожалуй, я взял... Положил во внутренний нагрудный карман.

«КНИЖКА БЫЛА ПРИ МНЕ».

«ТЫ НЕ СДЕЛАЛ ФОТОКОПИИ?»

«НЕТ. ЧТО С КНИЖКОЙ?»

«СГОРЕЛА».

Так. Значит, у них нет моих расчетов. И Скринка ничего не может знать об изменении знака составляющей тэта. Я вообще не говорил с ним о преобразовании последнего варианта. Не было времени. Теперь я понимаю, почему ему так нужна моя помощь.

Говорит, что записная книжка сгорела... Кто ее сжег?

Глупец, это же ясно. Она сгорела после взрыва. Возник пожар. Может быть, даже образовалось что-то вроде огненного шара. Если радиоактивный распад действительно вместо торможения ускоряется... Быть может, даже больший, чем до сих пор, процент массы покоя переходит в энергию... Необходимо это рассчитать...

Ирония судьбы: мы искали путей, чтобы обезвредить смертоносные свойства ядерных снарядов, а нашли способ изготовлять еще более мощные бомбы. Как же легко «ангела мира» превратить в «демона смерти». Достаточно сменить фазу...

«ТЕОРИЯ СКАЛЬСКОГО?» — спросил я.

«ДА».

Итак, это случилось...

Кажется, я опять потерял сознание. Видимо, дело скверно. Однако почему они так мучают меня? Почему не подождут, пока я приду хоть немного в норму.

А приду ли? Что я, собственно, знаю о своем состоянии. Ничего у меня не болит, но я и ничего не чувствую. Я словно колода...

Впрочем, нетрудно представить себе, как я выгляжу. Если записная книжка полностью сгорела...

«СКРИНА, СКАЖИ ПРАВДУ, ЧТО СО МНОЙ? У МЕНЯ ВООБЩЕ ЕСТЬ ШАНСЫ ВЫЖИТЬ?»

Не отвечают... Тянут. Видно, нелегкое дело...

«НЕ СКРЫВАЙТЕ НИЧЕГО».

Наконец вспышки света:

«ТЫ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ПОСТРАДАЛ. ТЕЛО НЕ УДАЛОСЬ СПАСТИ. НО У ТЕБЯ ЕСТЬ ШАНСЫ. ЕСЛИ СОГЛАСИШЬСЯ, МЫ ЗАМОРОЗИМ ТВОЙ МОЗГ».

Что все это значит? Что это Скрина плетет? Заморозить? Меня?

Видимо, состояние безнадежное. Они рассчитывают на то, что в будущем, когда медицина сделает дальнейшие успехи, меня смогут спасти...

Нет, тут что-то не так. Он говорил только о мозге. Почему они хотят сохранить только мозг? Никогда не соглашусь...

Не соглашусь? Через сто или тысячу лет — другое тело. Все равно — искусственное или естественное... Искусительная мечта... Что он плетет?

А может, это уже случилось? Может, я только мозг... Без глаз, без ушей, без рук...

Правая рука, левая рука... Это только плод моего воображения. Только колебания биотоков, которые возникают при каждой мысли в соответствующих двигательных центрах мозга, управляющих правой либо левой рукой, сигнализируют о том, что я мыслю, существую, хочу знать...

Страшно...

«ТОЛЬКО МОЗГ?»

«ДА. НО У ТЕБЯ ЕСТЬ ШАНС».

Шанс... Что делать? Ухватиться, словно утопающий, за последнюю соломинку спасения, в надежде, что она удержит меня на поверхности...

Честно говоря, мне все равно... Нет. Не все равно. Не ради самой жизни, а ради того, чтобы увидеть будущее, я готов воспользоваться этой единственной возможностью.

Чем скорее, тем лучше... Что связывает меня с теперешним миром? Миром, полным противоречий, которые все труднее распутывать...

Да, но и я в этом участвовал...

«СКРИНА, СКАЖИ, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ. НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ПРЕРВАТЬ ОПЫТЫ?»

«УЖЕ НЕЛЬЗЯ. ПРЕРВАТЬ ОПЫТЫ — ЗНАЧИТ ОТДАТЬ СЕБЯ НА ВОЛЮ ПРОТИВНИКА. ТЫ МОЖЕШЬ ГАРАНТИРОВАТЬ, ЧТО ОН БУДЕТ КОЛЕБАТЬСЯ?»

Скрина прав. Но понимает ли он последствия своей правоты?

«НЕОБХОДИМО ПОПРОБОВАТЬ. У НАС НЕТ ВЫБОРА. А ВРЕМЯ УХОДИТ!»

«Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ».

«ПРОФЕССОР ГАЛЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ГИПНОЗ. ТОГДА МОЖНО БУДЕТ ПРОНИКНУТЬ В ПОДСОЗНАНИЕ».

«НО ЭТО НЕВОЗМОЖНО. У ВАС ТОЛЬКО МОЙ МОЗГ».

«ГИПНОТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ МОЖНО ВЫЗВАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ИМПУЛЬСАЦИЕЙ. ТЫ СОГЛАСЕН?»

Как ответить? Что охотнее всего я забыл бы обо всем? Что я уже не хочу брать на себя ответственность за то, что уничтожено пожаром и что сейчас продолжается в тканях моего изолированного от мира мозга?

Изолированного ли? Разве именно то, что происходит сейчас, не доказывает, как прочно я связан с моим миром? Что только этот мир связывает меня с миром будущего... Что я тоскую по нему, верю, что он будет счастливее, лучше.

Опять начинается головокружение...

Что-то я слишком часто теряю сознание... Неужели они этого не видят?

Вспышки за вспышками...

«...НЕ ХВАТИТ ВРЕМЕНИ».

На что не хватит времени? О чем он?

«ПОВТОРИ».

«ТЫ СОГЛАСЕН НА ЗАМОРАЖИВАНИЕ?»

«ДА. НО О ЧЕМ ТЫ СИГНАЛИЛ?»

«СЕЙЧАС НАЧИНАЕМ».

Что начинают? Замораживание?

«КАК С ЗОНДИРОВАНИЕМ ПОДСОЗНАНИЯ?»

«К СОЖАЛЕНИЮ, НА ЭТО НЕ ХВАТИТ ВРЕМЕНИ. В ТВОЕМ МОЗГУ НАЧИНАЮТСЯ НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ИХ ПРЕДОТВРАТИТЬ. БОЛЬШЕ ТЯНУТЬ НЕЛЬЗЯ. ЗОНДИРОВАНИЕ ПОДСОЗНАНИЯ ЗАЙМЕТ НЕ МЕНЬШЕ ЧАСА, И ТЕБЯ УЖЕ НЕВОЗМОЖНО БУДЕТ СПАСТИ. ВЫБИРАЙ».

Итак, я опять должен выбирать... Который мир должен стать моим миром?

Разве могу я колебаться! Ведь именно об этом я мечтал все время. Сама природа и случай освобождают меня от ответственности...

Освобождают. Путей развития много... Если Скрина сможет использовать только разрушительные свойства эффекта изменения фазы... Если не использует всех возможностей... Существует вероятность... Это следует из теории...

Убегая из нашего времени, я не мог бы без стыда смотреть в глаза тем, с которыми встречаюсь в будущем...

«СКРИНА. Я ХОЧУ, Я ОБЯЗАН ВСПОМНИТЬ».

«ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧЕМ ЭТО ГРОЗИТ?»

«ЗНАЮ. НО ИМЕННО ЭТО И ЕСТЬ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС».

...Мне хочется бежать. Спрятаться от того, что тут, рядом со мной. Но страх парализует мускулы.

Я обязан преодолеть страх. Должен дойти в темноте до поворота, чтобы открыть дверь... Чтобы опять увидеть свет.

Нет. Это не свет сочится сквозь зарешеченное окошко. Это контрольный щит. Я в лаборатории, а в глубине, направо, около контрольного окна, — Анка. Она с беспокойством смотрит на меня.

«ПОСМОТРИ НА КОНТРОЛЬНЫЙ ЩИТ, — сигналил Скрина. — ПЕРЕДАВАЙ ПОКАЗАНИЯ ПРИБОРОВ».

Я читаю медленно и руками почти автоматически передаю сигналы. Длинные ряды цифр — одну за другой.

«ВЫИТЬ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ. ОНА В КАРМАНЕ ПИДЖАКА, — сигналил Скрина. — ОНА УЖЕ У ТЕБЯ В РУКЕ. ТЫ ОТКРЫВАЕШЬ ЕЕ И ПЕРЕДАЕШЬ ДАННЫЕ».

Действительно, я вижу перед глазами белые листки записной книжки. Листки, заполненные рядами знаков и цифр.

Как хорошо я знаю эти формулы! Вот здесь Анка поставила вопросительный знак. И была права. Именно здесь началось. Ключевой эффект фазовой составляющей тэта.

Я передаю знак за знаком, цифру за цифрой...

Фаза перемещается. Ядерный резонанс. Резонанс, изменяющий внутреннюю структуру материи...

Неужели действительно эти черные значки на белом листке могут так много значить для будущего мира?..

Перевел с польского Евг. ВАЙСБРОТ

ПОЧЕМУ ОНИ ФИДАИНЫ?

Из Аммана выехали ночью. Ночь была холодной и ясной, прекрасная ночь для бомбардировок, и воздух, казалось, дрожал — вот-вот что-то случится. Не глядя на меня, сквозь зубы Абу Джордж пробормотал:

— Ты по-прежнему хочешь туда попасть? Недавно был у меня такой случай: один журналист, такой же, как ты, прямо с ума сходил — так он хотел попасть туда, а когда пришла пора ехать, отказался. Вот я и спрашиваю, ты все еще хочешь попасть туда?

— Да, Абу Джордж.

— И тебе совсем не страшно?

— Мне очень страшно, Абу Джордж.

— Подожди, на рассвете те-

Каждый день, открывая газеты, мы читаем тревожные сообщения с Ближнего Востока: арабские страны ведут справедливую войну против агрессии Израиля. Один из фронтов этой войны — тот, где сражаются палестинские патриоты. Борьба палестинских партизан, объединенных в различные организации («Фатх» — одна из таких организаций), привлекла к ним внимание всего мира.

Ориана Фаллачи, отрывки из репортажей которой мы предлагаем вашему читателю, вниманию, — весьма известная итальянская журналистка. Далеко не всегда ей, представительнице буржуазной прессы, удавалось подняться выше привычного для буржуазных либералов Запада понимания событий. Но — такова реальность происходящих на Ближнем Востоке событий, такова правда справедливой борьбы арабов — что в данном случае все симпатии автора отданы патриотам-фиданнам. Кто они, эти борцы с сионизмом, с политической геноцида, творимого властями Израиля? В каких условиях живут и сражаются?

Об этом идет речь в репортаже...

бе будет еще страшнее — появятся самолеты, заработает артиллерия...

— Я знаю, Абу Джордж.

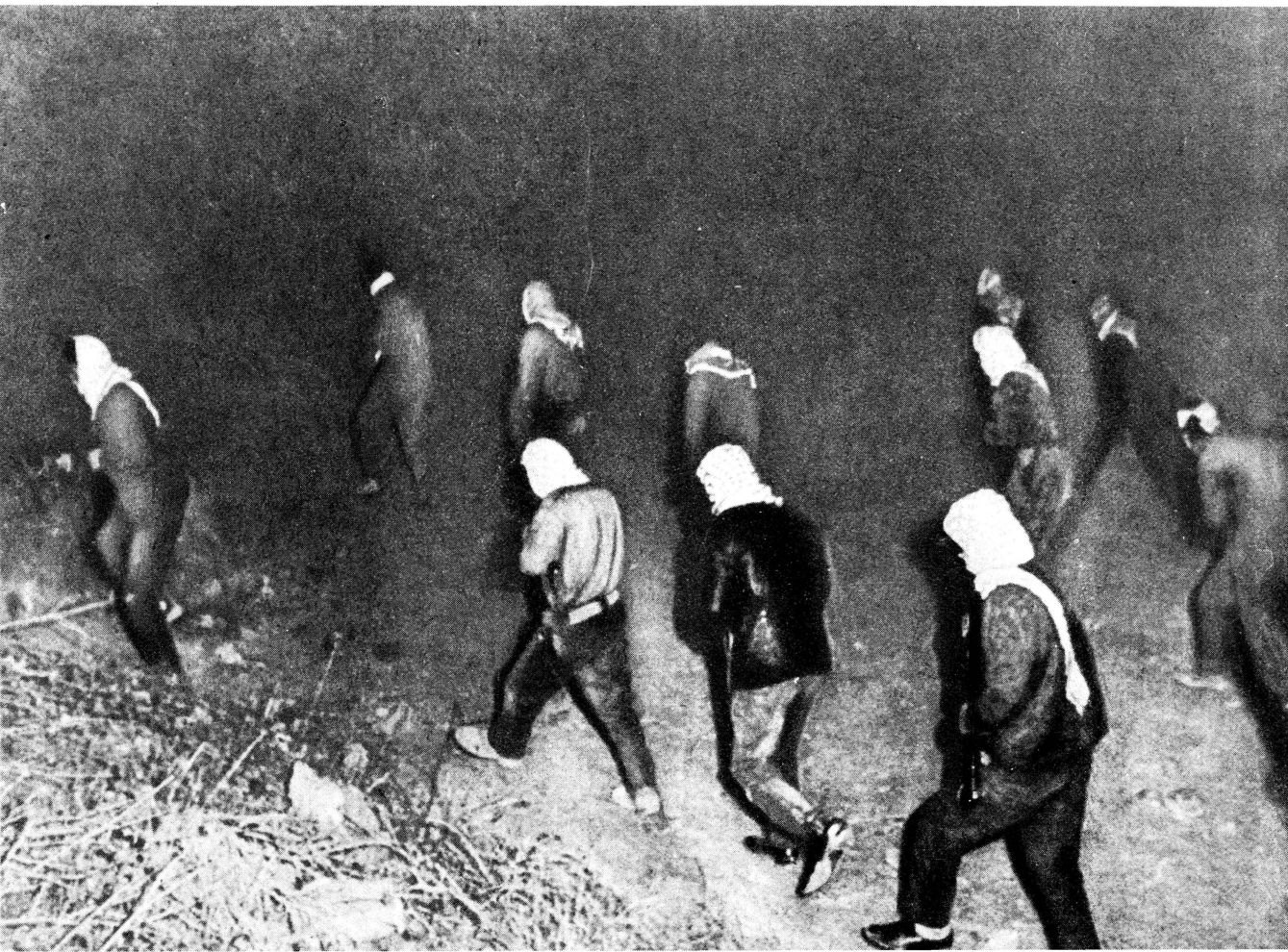
— Ну, тогда все в порядке.

Абу Абед не вставил в разговор ни слова, он сидел сгорбившись и кусал ногти. Мы выехали на старой машине; Абу Джордж сел за руль, Абу

Абед — впереди, рядом с ним. Меж сиденьями они пристроили пулемет, и всякий раз, когда колесо наскакивало на камень или попадало в яму, пулемет, глухо звякнув, наклонялся и заглядывал дулом мне в глаза.

Первый контрольный пост мы встретили, едва выехали из Аммана, — нас остановили для

Обычная тревожная ночь. Отряд фиданнов уходит к границе. Еще одна ночь борьбы с захватчиками.

проверки документов иорданские полицейские. Но не проехали мы и нескольких метров, как на обочине дороги выросли две фигуры; они были одеты в маскировочные костюмы, лица прикрыты куфией, дула двух автоматов уставились на нас из темноты. Абу Джордж было крикнул им: «Фатх!», — но то, что днем безошибочно и магически открывало нам все двери, ночью не действовало. Пришлось показать наши бумаги, пришлось терпеливо разъяснить наш маршрут и цели поездки. Наконец мы снова двинулись по нашей бесконечной дороге, которая при определенной доле невезения вполне могла привести нас к смерти.

С нашими провожатыми мы знакомы уже пять дней, но они нам не доверяли. Откровенно говоря, у нас на душе тоже неспокойно. Они назвали Абу Джордж и Абу Абед, но Джордж не был Джорджем, а Абед — Абедом. Единственно, чему можно доверять, — Абу. У палестинских партизан это обращение заменяет «товарищ», а дословно означает «отец». Абу Джорджу было лет двадцать шесть. Ничего толком об этом парне с каштановыми волосами и глазами, полными застенчивой обиды, мы не узнали; известно нам было только, что он бывший студент-медик, еще недавно учился в Калифорнийском университете, потом приехал сюда. Абу Абеду было лет тридцать пять. О нем мы знали только, что по профессии он инженер, специализировавшийся на строительстве плотин, да еще то, что он безумно влюблен в свою жену. Как и Джордж, он стал участником Сопротивления недавно, это нетрудно было уяснить по их поведению — они слишком нервничали, чтобы быть опытными бойцами.

Оба они входили в организацию «Фатх». (При расшифровке слово это означает «Движение освобождения Палестины» — «Харакат ат Тахрир аль Фаластини»). Начальные буквы этого названия, прочитанные наоборот, и дали «Фатх». Если прочесть сокращение в правильном порядке, слева направо, то получится слово «хатаф», что по-арабски означает «смерть», «фатх» же, или «фатах», означает «победа».)

Оба они ответственны за работу с журналистами и сейчас должны доставить нас на тайные базы. На этих базах партизаны укрываются, с них они атакуют израильские позиции, пересекая для этого заградительные полосы, оснащенные фотозлектронным оборудованием и минными полями. «Это такие базы, которые еще ни один иностранный журналист не видел». — «Да, Абу Абед». — «Вы не должны спрашивать у нас их координаты, если же вы сами догадаетесь об их местонахождении, вы никогда не должны об этом рассказывать». — «Да, Абу Абед. Не волнуйся».

Я ему сказала — не волнуйся, хотя сама в ту минуту волновалась необычайно. Волновалась, правда, по иной причине: такова уж моя профессия — нести людям свежую информацию. В ней не только ответственность, в ней для меня всегда и личная драма. Однажды ты прочла, что сотни и сотни тысяч людей — палестинцев — превратились в беженцев или же были изгнаны со своей земли. Миллион в 1948 году, триста тысяч в 1967 году, как овцы в загон, согнаны в лагерь беженцев, расположенные в Иордании, Сирии, Ливане, под ненадежную защиту палаток, которые ветер срывает с места, а дождь вбивает в грязь, под металлические крыши барачков, которые зима превращает в глыбы льда, а лето в пышущие жаром печи. Люди, у которых обрублены корни их жизни, люди униженные, лишенные всякой собственности и всяких прав: новые изгои нашей Земли. Эти новые изгои породили новое таинственное слово: фидан. Ты спросила, что это слово означает, и тебе ответили: люди, готовые пойти на любую жертву, бойцы-партизаны. К ним относятся по-разному: одни называют героями, другие террористами, знающими ненависть лишь ради ненависти. И тогда ты решила найти их и узнать, кто они на самом деле.

Дело нелегкое, тем более если ты не веришь в войну как способ решения конфликтов. Твой пацифизм заставляет их быть подозрительными.

Кровь за кровь, отвечают они, а если ты не с нами, то

ты против нас. Если тебе что и помогло, так это искренность. Тебя долго изучали, а потом один из руководителей «Фатха» — Абу Лотуф — вынул листок бумаги и написал на нем по-арабски две-три фразы. Мы ехали уже около часа, и у каждого поста повторялась одна и та же процедура проверки наших бумаг. В конце концов я не выдержала и спросила у Абу Абед: «Что ж там все-таки написано на этом листке?» Сначала Абу Абед заколебался, но потом, решившись, вынул листок из кармана и прочитал: «Она не враг Израиля. Она не друг Палестины. Пока не друг. Приказываю помочь ей в работе и показать наши базы. Как на севере, так и на юге».

ТАМ, ЗА РЕКОЙ, РОДИНА

Базы фиданов в основном сосредоточены вдоль границы Ливана с Сирией и Израилем, Иордании с Израилем, Иордании с Сирией — там сосредоточены наиболее важные лагеря по подготовке партизан, а также на границе Иордании с Саудовской Аравией. Но все же базы, расположенные во внутренних территориях, не имеют того стратегического значения, что базы по берегу Иордана и Мертвого моря. Там, как мне однажды сказали, находится не меньше сотки двух тысяч фиданов. Все это, конечно, известно израильтянам, неизвестно им только, где именно располагаются лагеря и какие силы сосредоточены в каждом из них. И не только потому им неизвестно, что группы эти часто меняют свое расположение. Место выбирается согласно классическим законам партизанского искусства: лес, посадки, развалины разрушенной деревни, стены вокруг заброшенного дома с сохранившимися плантациями. Вызвать такой лагерь без точной агентурной информации — дело труднейшее. И израильтяне нередко идут на то же, что и американцы во Вьетнаме: артиллерия старательно обрабатывает случайно выбранную зону, а са-

молеты поливают огнем любой предмет, передвигающийся по дороге.

Эту дорогу, что ведет к реке, мы быстро признали. Раньше мы уже ездили по ней, пробираясь к мосту Алленби. Да и трудно спутать ее: дорога спиралью взбирается в горы, а потом стремительно кидается вниз, ниже уровня моря, и тут уж ты наверняка почувствуешь, как моментально закладывает уши, и надолго запомнишь ее. Впрочем, нашим провожатым мы, естественно, не сказали, что дорога нам знакома, их молчание было красноречиво — оно требовало молчания взаимного. Чтобы обмануть самолеты врага, Абу Джордж погасил фары, а чтобы услышать вовремя врага, Абу Абед высунулся из окна. Лишь когда внизу в долине показалось озеро света, а за этим озером и другие более далекие зарева, оба наших провожатых, позабыв о всякой осторожности, закричали: «Иерихон! Иерихон! Иерусалим!» И Абу Джордж тихо, как плачут мужчины, произнес: «Я даже чувствую, как пахнет в Иерусалиме жасмин». Мы были уже у Эль-Шуна, последней деревни у моста Алленби, вонец разрушенного ракетами и минометами, и свернули налево — на дорогу, которая ведет к Иордану. Запах жасмина и в самом деле чувствовался, да и огни Иерихона казались совсем уже близкими, готова поспорить, что в бинокль можно было вполне разглядеть израильских солдат. Стали чаще и контрольные посты: каждые два-три километра нас останавливал голубой луч света, затем появлялось пять или шесть фигур с лицами, тщательно скрытыми куфией. Наставив на нас автоматы, они требовали документы. Проверив их, произносили: «Оуйа!» — «Осторожнее!» И, не зажигая фар, мы следовали дальше, подпрыгивая на колдобинах и всех камнях, которые только лежали на этой дороге. Хотя, быть может, это уже была и не дорога, а просто поле; и Абу Абед бормотал: «Завтра же мы должны уехать, понятно? Здесь, как видите, не очень-то безопасно».

Вдруг машина повернула, и огни Иерихона пропали, на небе показалось сначала небольшое облако, предвещавшее скорый дождь, и запах жасми-

на исчез. Мне показалось, что мы уже не ехали по берегу реки, что скорей всего мы приблизились к Мертвому морю. Вдали показалась неясной тенью гряда деревьев. Мгновенно, будто привидения, из пустоты появились две фигуры фидайнов, приказавших нам вылезти из машины и следовать за ними пешком — они нам покажут куда. Свет был неверным, и, может, поэтому мне почудилось, что оба фидайна были совсем молоды. Вот это и есть, подумалось мне, те самые люди, которые почти каждую ночь красят лицо черной краской или просто угольной пылью, те самые, что вскидывают на себя оружие и взрывчатку, те самые, что отправляются навстречу минным полям и готовым ко всему пулеметам. Они и есть те самые люди, что я видела несколько часов назад в госпитале, — один без ступни, другой без руки, третий без пальцев на руке, четвертый слепой. Если ты задавала им вопрос, они отвечали тебе спокойно, рассудительно: «Может, я еще буду видеть, тогда я смогу вернуться на базу». Или: «Может, мне сделают искусственную ногу, и я еще вернусь на фронт, к ребятам». Тогда, в госпитале, я чувствовала к этим парням настоящее сострадание и нежность, я не пыталась прятать от себя самой эту нежность, я спросила лишь себя, что заставляет человека идти на все это. Что делает людей фидайнами?

«МЕНЯ ТОЖЕ РАСПЯЛИ»

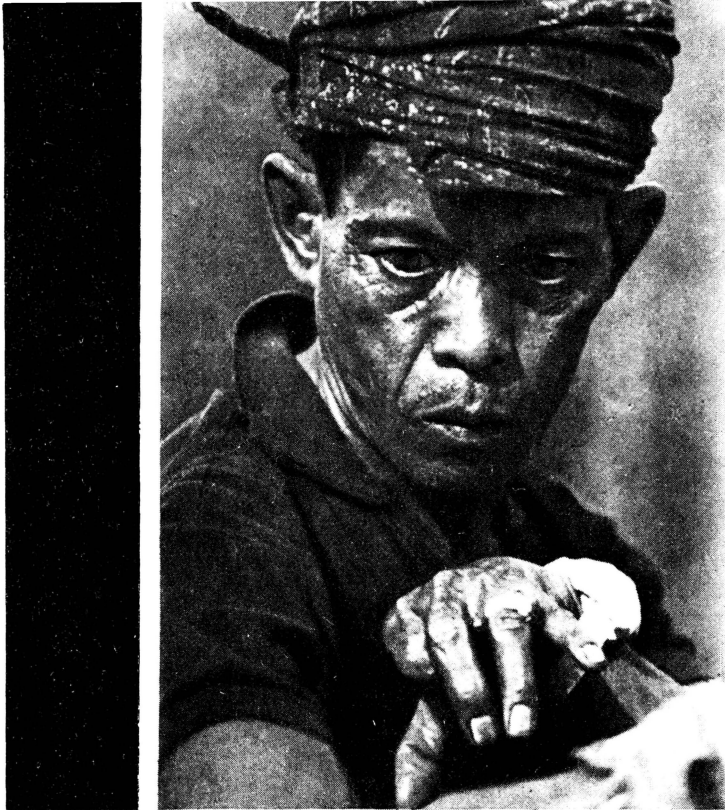
Три дня назад я уже задавала такой вопрос. Это было в тренировочном лагере, расположенном на склонах холмов Аммана, — там как раз происходили маневры, и мне разрешили на них присутствовать. Маневрами руководил офицер, который пересекал границу «по крайней мере четыре раза в месяц», нередко он бывал в Иерусалиме. Его звали Якуб, и он уже издала поражал своим сходством с Иисусом лицом морщинистым и страдальческим, своей рыжей бородой, рыжей шевелюрой. Я не преминула ему это заметить, на что он ответил: «Я тоже Иисус Христос. Меня тоже распяли на

кресте, только я сошел с него и научился пользоваться ружьем, гранатами, минометом — научился убивать». Я спросила, как же может Иисус Христос, сошедший с креста, убивать людей, и он мне рассказал:

«Мы были крестьянами, простыми крестьянами, понимаешь, у нас было немного земли на склоне горы Хеврон. Мой отец получил ее в наследство от своего отца, а тот от своего, и так далее. У нас и виноградники были, и оливковые деревья, так что было и масло, и вино, и фрукты — финики, гранаты, абрикосы. Еще мы делали сыр и пряли пряжу, потому что у нас было тридцать овец и дюжина коз, и мы чувствовали себя счастливыми. Да и почему б нам не чувствовать себя счастливыми, если у нас всего хватало, если у нас было даже три лишние комнаты на тот случай, если к нам нагрянут друзья, а в воскресенье мы всей семьей отправлялись в деревню, чтобы погулять на площади и помолиться в мечети.

Но пришел 1948-й, и все сразу кончилось. Стояло лето, кажется июнь, я это хорошо помню. Мне было тринадцать, моим братьям восемь и шесть. Прилетели самолеты и сбросили бомбы точно на деревню и на поля. Тогда многие погибли, а остальные, чтобы спастись, кинулись в горы. Прошла неделя, и те, кто уцелел, спустились с гор в деревню — думали, что страшное уже позади. Но едва все вернулись в деревню, как снова прилетели нас бомбить самолеты, подключилась и артиллерия. Потом в деревню приехали отряды командос, они выгнали из домов всех, кто уцелел, а сами дома взорвали со всем, что в доме оставалось. Они взрывали их по очереди, и когда очередь дошла до нашего дома, мой отец решил вынести хотя бы самые необходимые вещи, но ему не разрешили. «Убирайтесь! Живее!» — кричали они. Так мы и ушли, не взяв с собой ничего, даже пары ботинок. Там в доме остался и весь наш урожай — шестьдесят кувшинов оливкового масла, почти шестьсот литров. Моей матери не разрешили взять даже платка, закрывающего лицо, хотя они, конечно, знали, что мусульманка не может показаться на людях без платка.

на стр. 51 ▶

Отправлялись мы на Яву с четкой целью: отснять для французского телевидения сцены фольклорных празднеств в традиционной яванской деревне. Однако по прибытии на Западную Яву планы наши изменились. Увиденное высвечивало тему под совершенно новым и никак не ожидавшимся углом зрения. В самом деле, разве могли мы рассчитывать на то, что нам удастся увидеть шамана «в работе». Отснятые нами сцены были показаны затем на маленьком экране, прокомментированы специалистами. Думаем, что удивление и интерес, пробудившийся в публике к предмету нашего рассказа, от этого только возрос. Возникла необходимость не только показать, но и рассказать обо всем подробнее, не ограничивая себя жесткими рамками телевидения.

МЕРРИ ОТТЕН,
АЛЬБАН БАНСА
Фото авторов

СУНДАНСКИЕ ЧАРОДЕИ

СТРАНА В СТРАНЕ

Если, попав на Западную Яву, вы назовете местного жителя яванцем, он не преминет вас поправить:

— Я сунданец.

В Европе мало кто слышал об этой народности,

хотя в Сунде живет почти тридцать миллионов человек. Сунданцы говорят на своем языке, у них сложилась своя оригинальная культура, своя история.

Часть лингвистов считает, что слово «Сунда» происходит от санскритского «зунд», что значит «блестящий», «яркий», «сверкающий». Именно ему,

Движение руки шамана — и находящийся в его власти человек одним махом вспрыгивает на высокое дерево. Издали кажется, что он действительно превратился в обезьяну.

считают они, мы обязаны наименованием всего гигантского архипелага — Зондские острова. Как бы там ни было, сравнительно недавние раскопки в окрестностях Бандунга свидетельствуют, что Сунда существовала уже на заре нашей эры. На картах европейских навигаторов средневековья были помечены зыбкие границы этой страны, по слухам богатой и могущественной. Но знали о ней очень мало. Сунданцы, разбросанные по гористому краю, мало общались не только с внешним миром, но даже с соседями.

Дорога из Бандунга на юг то и дело прижимается к крутым бокам вулканов. Рисовые поля на террасах расходятся словно складки мокрого веера. Зеленые стебли отражаются в похожих на осколки зеркала озерах. Поля соединяются друг с другом бамбуковым водопроводом. Крестьяне следят за ним с большим тщанием — чинить его трудно. Мужчины, неся на плече кто мотыгу, кто коромысло с двумя бамбуковыми корзинами, ступают большими ногами по каменистой дороге. Широкоскулые коричневые лица делают их несколько похожими на перуанских индейцев. Горцы высококолобы, стройны, с почти прямым разрезом глаз, держатся независимо. Всячески подчеркивают, что они сунданцы.

Эта исторически сложившаяся обособленность сохранилась и поныне. К тому же голландцы очень умело использовали ее в колониальную эпоху. Из сунданцев формировали отборные воинские соединения и отправляли их на постой в другие части страны. Да и сейчас дивизия «Силиванги», набранная из выходцев с Западной Явы, на особом счету в индонезийской армии. Именно она сыграла трагическую роль во время событий 1965 года.

СЛЕВА — «ХОРОШИЕ», СПРАВА — «ЗЛЫЕ»

Первым откровением для нас была встреча с «далангом». В буквальном переводе это «кукловод». В действительности фигура эта куда более многогранна. Конечно, прежде всего это мастер; даланг начинает постигать свое ремесло с младых ногтей. В древности юных кандидатов, отобранных из самых смысленных ребят, отсылали учиться к какому-нибудь отшельнику, жившему в пещере или где-нибудь в труднодоступном месте в горах. Обучение длилось почти десяток лет и включало в себя, помимо умения двигать деревянные фигурки, великое множество разных премудростей.

Даланг должен обладать феноменальной памятью. Ведь ему приходится рассказывать наизусть многочисленные сюжеты, созданные по мотивам древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Причем спектакль, который мы видели, начался в три часа дня и закончился только утром следующего дня. Все это время даланг не замолкал. Каждое представление — урок тысячелетней мудрости, воспринимаемый зрителями со всей серьезностью и полной гаммой переживаний.

Популярного даланга часто приглашают выступать в отдаленные деревни; гонорар его очень высок, деньги собирают с каждого дома.

Вот он сидит, скрестив ноги, возле длинного свежесрубленного бананового ствола. В дерево воткнуты стержни, на которых укреплены куклы. В индонезийском театре кукол 172 персонажа. По левую руку кукловода стоят персонажи, олицетворяющие доброе начало, с опущенным взором и скромного вида, а справа, с выпученными глаза-

ми и вызывающими физиономиями, — отрицательные. Чаще всего даланг, мастер на все руки, сам изготавливает своих кукол. Прежде чем начать вырезать из древесины акации фигуры и раскрашивать их, он, как предписывает традиция, «очищается»: не ест и не спит в течение недели. Его работа — акт вдохновения.

Во время представления на даланге традиционный сунданский тюрбан «тотопонг». Когда он склоняется, исчезая за деревом, тюрбан становится фоном. Сюжеты «Махабхараты» даланг дополняет рассказами из истории войн и междоусобиц древних сунданских королевств. Вот начинается придворный бал: даланг ловко переставляет фигуры, заставляя их раскланиваться друг с другом. За его спиной три певицы тягучими голосами аккомпанируют рассказу.

На всех куклах — платья из батика; различаются они прическами и головными уборами. Каждая кукла — носитель какого-нибудь одного положительного качества или недостатка. Переходя от одного персонажа к другому, даланг ударяет ногой по металлическим пластинкам, меняя свой голос. Быстро продевая руку под платье, он поворачивает туловище куклы. Палочки, прикрепленные к запястьям кукол, позволяют далангу виртуозно имитировать сцены боя. Коротких сцен в представлении не бывает, диалоги, полные намеков, длятся до бесконечности.

Иногда даланг расцветчивает традиционные диалоги намеками на недавние события в районе. Представление становится своеобразным рупором общественного мнения: то, что нельзя было бы сказать вслух, произносит в сумерках кукловод. Хотя нет, это говорит его персонажи.

По мере приближения темноты лицо даланга становится все более одухотворенным, глаза начинают сверкать. Это уже не рассказчик, не артист, это жрец, священнодействующий с помощью своих деревянных фигурок...

Перед сценой продолжается жизнь: люди едят, спят, женщины кормят грудью младенцев. Голос даланга, пение, треньканье ксилофонов, запах ладана, блестящие глаза, потрескивание масляных ламп все больше и больше погружают нас в атмосферу волшебства. Сопричастность к истории, развергивающейся на глазах под руками даланга, приобщение к мудрости и храбрости сказочного героя Арджуна захватывают присутствующих. А ритм гамелана (оркестра) словно подстегивает кукол, придавая необходимые краски диалогу.

Традиционный индонезийский оркестр — гамелан не только непременный спутник любого представления или танца, но и активный участник всего происходящего. Именно он создает необходимый душевный настрой как у артиста, так и у зрителей. Гамеланы различаются по месту рождения.

Сунданский гамелан состоит из двух своеобразных ксилофонов — большого и малого. По их медным пластинкам, прикрепленным гвоздиками к деревянному основанию, бьют тонкими палочками. Следующий инструмент — бонанг — на первый взгляд тоже напоминает ксилофон: на деревянную раму натянута струнная сетка, поддерживающая круглые тарелки. Присев на корточки, музыкант ударяет по тарелкам молоточками, обернутыми материей, смягчающей звон.

Кенданги — это большие барабаны, с двух сто-

рон обтянутые кожей: в них бьют руками или пальцами.

Ребаб — инструмент арабо-персидского происхождения, родственник скрипки. Музыкант держит его, зажав вертикально между колен и вода по двум струнам мягким смычком. Позади ребаба, как правило, сидят на корточках певицы, вторящие ему голосами. Два гонга — «мать» и «сын» — висят на вертикально поставленных и богато украшенных рамах; каждый из них не менее метра в диаметре. Чем древнее гонг, тем он дороже — в старину кузнечных дел мастера владели секретом изготовления сплава с особым серебряным звуком.

По сравнению с оркестрами в других частях Индонезии сунданский гамелан скромнее, меньше бросается в глаза. Зато общее звучание у него более резкое.

Гамелан как бы противопоставляет два типа инструментов: с одной стороны, ударные — гонги, кенданги, бонанги; с другой стороны — ребаб и голоса певиц, рассказывающие, не прерываясь, как будто не переводя дыхания, какую-то нескончаемую историю, разматывая бесконечную нить темы, словно идущей из глубины души. Индонезийская музыка не начинается и не кончается — она звучит все время, унося людей в другое измерение. Слушая гамелан, кажется, что ты пьешь, пьешь, не умея угодить жажду и лишь ощущая, как тягучее питье входит в тебя помимо воли, само по себе...

Однако больше, чем представление, нас поразила реакция зрителей. Три четверти суток, не прерываясь, звучал музыкальный рассказ-притча, и деревенские жители, слившись в единую массу, послушно реагировали на все перипетии, забыв о времени. В ключевых местах сами по себе просыпались заснувшие и мгновенно включались в действие. То была особая атмосфера единения актера и зрителя, какое в Европе можно наблюдать лишь на детских спектаклях. По существу, не было зрителей. Шло массовое действие.

ПОЕДАНИЕ СТАКАНА

Повсюду в деревнях Западной Явы особым вниманием пользуется «пенчак» — боевой танец, схожий несколько с борьбой дзю-до или карате. Эти мужские танцевальные состязания тоже протекают под аккомпанемент гамелана. Певицы в этом случае не участвуют, зато в оркестр добавляется еще один инструмент — труба «теромпет». К мундштуку его приделаны два полудужья, которые не дают щекам раздуваться до отказа. Пронзительный, колокий, упрямый теромпет подхлестывает нервы своим неистовством.

Индонезийский танец состоит из фиксированных, сменяющих друг друга поз. Каждое положение ноги, руки, каждый поворот головы или направление взгляда, короче, каждая поза — символ. Этот художественно-музыкальный язык напоминает египетские или китайские иероглифы. Европейский танец — сочетание движений, в ансамбле рождающее пластическую «фразу». В этом смысле движения европейского танца напоминают буквы, приобретающие смысл, только будучи сложенными

в законченное слово. Восточный танец, индонезийский в частности, выражает всё одним символом.

Прежде чем начать, бойцы кланяются по очереди на «восемь ветров», складывая ладони перед носом, потом начинают кружиться по краю насыпанной земляной эспланады. Танцую, они зорко наблюдают друг за другом, готовые кинуться в атаку или, наоборот, уйти в защиту. Теромпет нагнетает атмосферу. Напряжение все усиливается. Охваченная страстью толпа безмолвствует.

Пенчак не требует сложного костюма. На участниках — широкие штаны, перехваченные ярким поясом. Резкие броски, обнаженные тела мелькают в воздухе. Вот борцы сплелись накрепко. Музыка смолкла, оркестр ждет, пока один из соперников не высвободится из объятий другого. Тогда труба вновь взвывается, разрывая воздух.

Поначалу сходятся новички и те, кто помоложе, потом взрослые мужчины; завершает танец дукун. Вот тут мы и видим впервые этого шамана, о котором уже были столько наслышаны.

Весь в черном, перехваченный в талии красным шарфом, он выходит в круг, встряхивая своей пышной шевелюрой. При виде его женщины в толпе начинают шushукаться. Перед нами пока еще не знаменитый колдун. Но его угольно-черные глаза, горящие в глубоких глазницах, мощные руки, запястья которых обернуты полосками тигриной шкуры, и родимое пятно на переносе производят сильное впечатление. Он танцует куда уверенней остальных. Оркестр ритмом акцентирует его резкие движения. Деревенские мужчины выстраиваются перед ним в ряд и вооружаются обручками бамбука. Теромпет безжалостно испарывает воздух, готовый вот-вот разлететься на части. Нервное напряжение зрителей и танцоров достигает предела.

Внезапно в кульминации зрелища гамелан смолкает, сердце вот-вот выскочит из груди, мы жаждем освобождения... Дукун опускает голову, его противники потряхивают тяжелыми палками. И, взревев, с разлета по очереди обрушивают на голову удары: стволы расщепляются с глухим треском. Толпа исторгает крик — крик облегчения. Теромпет вновь взмывает ввысь, танец продолжается!

У дукуна на голове ни малейшей шишки или царапины, похоже, ему абсолютно не больно. Он продолжает танцевать, зорко глядя по сторонам, полностью контролируя танец. Он кружится быстрее, быстрее. Оказавшись перед длинной стеной амбара, он вдруг отходит назад и устремляется к громадной балке, подпирающей крышу. Подпрыгнув, шаман головой вперед с размаха врежется в балку. Потом еще раз и еще! Он не только остается невредимым, но, похоже, действительно не чувствует боли. Публика разражается грохотом аплодисментов.

Но дукун, вперив в присутствующих безумный взгляд, не дает им время опомниться. Он хватает с подноса стакан с чаем, выпивает его в два глотка, а затем... без остатка съедает! Слышно, как стекло хрустает на зубах. Он медленно жует стакан, будто это простой сухарь. Зрители смеются. Скорее всего они знают этот фокус — он составляет часть классического репертуара дукунов.

Однако было бы ошибкой видеть в дукуне только исполнителя цирковых номеров. Это искусство самообладания и поразительное пренебрежение к боли — лишь часть его естества.

...Между двумя бамбуковыми шестами по 18 метров высотой провисает веревка, дукун подходит к основанию одного из шестов, где в половинке кокосового ореха курится ладан и окурок сигары. Он делает жертвоприношение: опускает в скорлупу девять травинок, а рядом кладет гребень и зеркальце. Для исполнения этого номера дукун по традиции перевоплощается в женщину, повязывает голову косынкой, туго стягивает саронг вокруг тела, в руках у него зонтик, даже чуть-чуть помады на губах. Как и перед пенчаком, он поворачивается, шепча заклинания, на восемь ветров. Вступает — пока тихонько — музыка.

Колдун хватается за толстую веревку, свисающую с вершины одного из шестов, и лезет вверх. Повиснув на веревке-перекладине, он подтягивается, ложится на нее спиной и вдруг отпускает руки. Тело его, покачиваясь, как бы парит параллельно земле. Внизу детишки хлопают в ладоши. Наверху чародей принимает позу «лотос», открывает и складывает зонтик, потом обхватывает себя руками за лодыжки — все это свободно балансируя. В заключение дукун уцепился за веревку зубами и повис, раскинув в стороны руки и ноги. Гибкие бамбуковые шесты прогнулись под его тяжестью и почти сомкнулись верхушками. А дукун, постепенно раскачивая их, опускался вниз, к земле, зацепившись за веревку зубами — птица, спускающаяся с неба...

ЧЕЛОВЕК-ТИГР, ЧЕЛОВЕК-ОБЕЗЬЯНА, ЧЕЛОВЕК-ВЫДРА

На церемонию, описание которой вы прочтете ниже, мы попали в маленькой деревушке в горах.

Вся деревня вышла на пустырь, окаймленный несколькими домиками на сваях и длинной стеной дома общественных собраний; женщины и дети по одну сторону, мужчины — по другую. Перед тем как начать, дукун застыл под чашей с фруктами; в ореховую скорлупу вместе с легонько курящейся сигарой он положил несколько зернышек кофе. На голове дукуна — зеленый тотопонг. Это означает, что носитель его поддерживает постоянную связь с миром духов.

Скрестив по-восточному ноги, шаман что-то шепчет, сложив перед лицом ладони. За его спиной начинает играть гамелан, вначале тихонько под сурдинку, а затем все громче; теромпет выделяется со своей любимой темой, которую мы уже слышали во время пенчака.

На сцену выходят танцоры. Они в разных костюмах, многие с украшениями: у одного на шее висит длинная нитка бус, у другого повязана яркая косынка, у третьего половина лица выкрашена в белое, у четвертого на голове красуется тиара с колокольчиками, которыми он звенит в такт музыке.

В центре, дирижируя танцем, выделяется своей черной одеждой дукун. Зеленый тюрбан и красно-белый пояс лишь подчеркивают мрачность его одеяния; на запястьях у него повязаны куски тигриной шкуры и амулеты. Пальцы, унизанные кольцами, испускают блики.

Танцевальные па переходят в прыжки. Мужчины движутся по кругу, тщательно следя за положением рук. Ритм тем временем становится таким стремительным, что зрители и танцоры начинают кричать. Этот крик вырывается разом у всех присутствующих.

Число танцоров постепенно увеличивается, и

самый неутомимый из них — шаман. Избородженное морщинами лицо, с громадными глазами, гибкое тело — невозможно угадать его возраст; колдун источает внутреннюю силу и все больше завораживает присутствующих. Толпа хранит молчание, никто не пошевелится, не кашляет.

Уже на этой стадии церемонии всех охватывает предчувствие необыкновенной развязки. Нам тоже передается возбуждение. Пульсирующий ритм заволакивает нас, дыхание становится прерывистым, острая тревога начинает захлестывать сознание.

Дукун хватает деревянные палки с лошадиными головами, украшенными бубенцами, и «сажает» танцоров на них верхом. Бренчанье бубенчиков вплетается в ритм, еще больше насыщая звучание гамелана. Прыжки танцоров сливаются в галоп, шаман выстраивает всех в цепочку и гонит по краю насыпанной эспланады.

Пока они мчатся, колдун берет маленькую корзиночку с пеллом и рассыпает его по земле, очерчивая четко видимый круг: «волшебный круг».

В руке у дукуна появляется ярко раскрашенная маска. Мягким жестом он прикладывает ее к лицу одного из танцоров. Человек в маске подскакивает и отчаянно крутит головой во все стороны.

Не знаю почему, но прыгающая ярко-красная маска усиливает подспудную тревогу. Она забирается в нас изнутри, и нутро послушно эхом отзывается на звуки гамелана. Ритм, краски, мелькание тревожных лиц — все сливается воедино, придавая церемонии поразительную насыщенность, плотность.

Резким движением танцор срывает с лица маску. И в руках шамана тут же оказывается невесть откуда взявшийся монстр. Это грубый мешок, на который нашиты сверху черные полосы. На верху его качается громадная голова тигра. Танцор тем временем сбросил все украшения, скинул рубаху, его коричневое мускулистое тело лоснится на солнце. Внезапно он ныряет в мешок и начинает бешоваться внутри него. Мешковина отчетливо передает телодвижения, красная маска щелкает жуткой пастью, показывая длинные острые зубы. Человек-тигр бросается на дукуна, тот уклоняется — это настоящая коррида! Танцор в мешке держит маску на вытянутых вверх руках: «зверь» становится громадного роста. Дукун увертывается от бросков своего противника, раз, другой, потом вдруг одним движением руки усмиряет чудище.

Взяв «тигра» за усы, он заставляет его танцевать рядом с собой. Шаман как укротитель дрессирует зверя, подчиняя его своей воле. Однообразие движений, очевидно, имеет одну цель — ввести человека в транс. Тогда он полностью будет во власти «колдовских чар». К концу урока «зверь» движется в том же ритме, что и дукун, коротко бросающий приказания: направо, налево, лечь, встать...

Музыка с каждой минутой все повышает тон. Покружившись в мешке, танцор срывает его с себя.

В коротких штанах, голый по пояс, он опускается на четвереньки и рычит, лицо становится ужасным. Он бьет по воздуху «когтистой» лапой.

Что происходит? Где мы? Нас вовлекли в действие, результат которого нам неизвестен, удивление постепенно сменяется ступором¹. Мы ловим ртом воздух.

¹ Ступор — крайняя степень заторможенности. — Прим. ред.

Шаман кладет руку на голову укрощенному «тигру» и поднимает кверху его гримасничающее лицо. Взгляд колдуна леденеет, мускулы на руках вздуваются от напряжения. Какое-то мгновение только тихо рокочут барабаны; человек-тигр больше не рычит, голова его медленно опускается. Внезапно «тигр» рушится на землю: из транса он перешел в кому¹.

Его недвижимое обмякшее тело переносят под стену дома, ближе к гамелану. Музыка смолкает. Дукун подходит к лежащему и начинает проделывать у него над головой горизонтальные пассы, но экс-тигр лежит в полной прострации, глаза закрыты, конечности бесильно разметались по земле. Колдун склоняется, дует ему в уши, потом подпрыгивает и пронзительно кричит. Человек, только что лежавший перед ним в прострации, послушно встает и вновь начинает танцевать!

После такого эмоционального потрясения хочется перевести дух, проанализировать, постараться понять. Невозможно! Музыка неустанно накаляет атмосферу — церемония еще не закончена.

Дукун танцует, а рядом с ним бывший человек-тигр с лицом, залитым потом, не выказывает никаких признаков усталости или только что перенесенного безумия. Вот колдун испускает крик, заставляющий танцора разом опуститься на четвереньки. Шаман привязывает ему вокруг талии какой-то шнурок, и только что бывший в нормальном состоянии человек вновь впадает в транс, но на сей раз олицетворяя другое животное — обезьяну. Он подпрыгивает, оглядывая присутствующих беспокойно-любопытным взором, словно действительно превратился в обезьяну.

Он почесывает голову и бока. Шаман бросает ему кокосовый орех, который тот ловит, радостно взвизгнув. Затем решительно надкусывает резцами оболочку плода и сдирает зубами кожуру. Рот его набит зеленью. Но человек-обезьяна не останавливается: нужно еще расколоть орех. Вскрикивая, он поднимает двумя руками орех и раскалывает его ударом о голову!

Одним прыжком человек-обезьяна вскакивает на крышу амбара, но шаман заставляет его слезть. Одержимый съедает несколько брошенных ему бананов, затем выскакивает из круга и в одно мгновение вскарабкивается на высокое дерево. Покачавшись, он перепрыгивает с ветки на ветку и вот уже раскачивается на верхушке.

Шаман, оставшись в центре круга, заставляет «обезьяну» вернуться, постукивая колотушкой в маленький барабанчик. Он держит человека в своей власти и на расстоянии!

Это кульминация церемонии; мы с тревогой задаем себе вопрос: что станет с несчастным одержимым, если колдуну не удастся вывести его из этого состояния? «Обезьяна» возвращается в круг, и, как и в прежних превращениях, дукун переводит его из «танца-олицетворения» в кому, а затем — в нормальное состояние.

Возвращение, воскрешение, возрождение человеческого облика воспринимается с некоторым удивлением. Уж очень легко происходят эти скачки. Шаман мнет человеческое сознание словно пластилин.

Вновь музыка. Не знаем, попадают ли оркестранты под чары дукуна или захвачены собственным ритмом, но их глаза, устремленные в пространство, туманятся... Каждый удар гонга отдается внутри, музыка сама становится осязаемой материей. Каждый инструмент затрагивает какую-то струну в наших чувствах: от неистовства барабанов взрываются внутренности, а безжалостный рев трубы леденит мозг. Этому натиску не хватает сил долго сопротивляться. Тело становится тяжелым, вялым и, кажется, существует только для того, чтобы отзываться на этот адский ритм. И разум, не поддержанный телом, начинает мутиться: удивление, страх, тревога и чувство бессилия смешиваются воедино. Полное смятение. Исползволь возникает неодолимое желание кричать, орать, броситься очертя голову навстречу колдуну... Но здравый смысл в последний момент удерживает: «Нам надо посмотреть, чтобы потом все изложить...» Скорей всего то, что у каждого из нас в руках была либо камера, либо магнитофон, либо фотоаппарат, мешало нам впасть если не в транс, то по крайней мере в полное отупление. Мы судорожно цеплялись за технические игрушки — символы нашей собственной цивилизации.

Дукун продолжал свою ворожбу уже несколько часов. Возвратив нормальный облик человеку-обезьяне, он начал новые метаморфозы, на сей раз с двумя танцорами. Схватив двух парней за шею, шаман пронзительно закричал, заставив их прикинуть к земле. Ловким движением повязал вокруг талии «волшебную» веревку.

Юноши неподвижно глядят в землю. Присев на корточки, колдун пристально глядит на них... Оба пригибаются все ниже, следя за подрагивающими пальцами шамана, их лица касаются вытоптанной площадки... и вскоре явственно слышится уробное похрюкивание. Это кабаны! Дукун указывает им дорогу вдоль стены амбара к ископанному полю на краю деревни: по-кабаны перебирая руками и ногами, парни быстро семечат туда.

Поле засажено маниокой; это растение, высотой примерно в полтора метра, глубоко уходит корнями в красноватую рыхлую землю. Дойдя до первых стеблей, люди-кабаны начинают зубами вырывать их. Ничего от человеческих движений — они суются лицом в землю, разрывая корни.

Но вот раздается рокот волшебного барабана: дукун велит возвращаться. Даже в пятистах метрах от охваченных безумием селян он сохраняет полную власть над ними. Люди-кабаны немедленно повинуются: они торопятся в круг, таща за собой в зубах вырванные корни маниоки. Никакой контакт извне с ними невозможен. Их хрюканье отнюдь не настраивает на смех. Оно пугает, оно поражает воображение, вызывает подсудный протест.

Шаман привлек к себе людей-кабанов и развернул их голова к голове... Постепенно их судорожное дыхание успокаивается, бока уже не вздымаются с такой силой. Колдун все ниже пригибает их затылки, а гамелан отчаянно колотится в ворота забвения. Их совместные усилия должны согнать транс с людей-кабанов... И вот они, побежденные, рушатся наземь в глубоком обмороке.

В лежащих с трудом можно различить признаки жизни. Дукуну предстоит вдохнуть в них ее; он развязывает ненужные больше веревки, при-

¹ К о м а — глубокий обморок. — *Прим. ред.*

поднимает головы. Парни в полной прострации, челюсти безвольно отвисли.

Музыка смолкает. Шаман пальцем тщательно очищает им рот от листьев маниоки и комочков земли. Погруженные в небытие существа уже не кабаны, но еще не люди. Дукун начинает свои пассы: разводит руки, прижимает их к груди, кружится на месте, опускается коленом на землю, протягивает руки навстречу ветру. Его отточенные движения насыщены силой; видно, как они действуют на присутствующих. Шелест проходит по толпе. Колдун возвращается к лежащим парням, приседает рядом на корточки и растопыренными пальцами касается их лиц. Дрожь пальцев передается лежащим в беспмятстве танцорам. Он дует им в уши: медленно освобождаясь от гипноза, люди открывают глаза и узнают мир.

Но шаман сыграл еще не на всех струнах своей волшебной арфы. Предстояло еще превращение людей в выдр. Эта церемония происходит у пруда.

Заколдованные трусят к воде. Настоящие выдры — они в точности имитируют их свист. Покрытые грязноватой озерной водой, «выдры» роются «лапами» в зарослях лотоса в поисках рыбы, а колдун, войдя в воду по пояс, внимательно следит за ними. Пока один из них, нырнув, не схватил зубами трепещущую рыбу, шамана не отпускала тревога.

После того как замороженные «выдры» поймали по рыбине и, зажав их в зубах, вылезли на сушу, дукун барабанной колотушкой призвал их назад в «волшебный круг». Рыбины трепыхались у них во рту.

Как и в предыдущих случаях, дукун погрузил их в глубокий обморок. Затем, проделав обычную порцию пассов, он попытался вырвать у них добычу, но сведенные челюсти не желали разжиматься, хотя головы безвольно мотались во все стороны. Тихонько подергивая рыб за хвост, шаману удалось вытянуть их. Затем он припал губами ко рту «выдры» и вытянул набившиеся туда воду и ил.

Для возвращения к жизни объятых «бесовской» страстью людей колдун воспользовался на сей раз крисом — отточенным кинжалом с волнообразным лезвием. Вода им легонько вдоль позвоночника от затылка до поясницы, он вызывал дрожь в неподвижных телах. Зрители в волнении ждали, когда сознание односельчан всплывет из тьмы, в которую погрузил их всевластный шаман.

Если не считать признаков легкой усталости (что не мудрено после такого путешествия), на лицах экс-тигров, обезьян, кабанов и выдр никак нельзя было прочесть ничего необычного. Похоже, случившееся с ними не оставило следа в сознании. Они улыбаются и занимают свое место среди деревенских зрителей...

В ЭТО ВЕРИТЬ?

Откровенно говоря, там, на месте, все увиденное не казалось чем-то из ряда вон выходящим. Церемония великолепно вписывалась в кадр окружающей обстановки сунданской деревни.

Что касается транса, то его проявления одинаковы на всех широтах, и в этом смысле выступление, скажем, Джонни Холлидея или любого другого идола поп-музыки на сцене «Олимпиады»¹ не-

¹ «Олимпиада» — крупнейший концертный зал в Париже. — Прим. перев.

многим отличается от танцев шамана или одержимости средневековых европейских «бесноватых». Неистовство, охватывающее как зрителей, так и выступающих, проявляется здесь немного в иных формах.

Этнографы подтверждают, что в разной степени все этнические группы на земле знали феномен транса. В первобытной общине танец-транс выполнял роль жертвоприношения окружающей природе. Человек покидал свою оболочку, перевоплощаясь в животное, чтобы слиться с окружающим его миром. Очевидно, воплощение зверя должно было привлечь других зверей. И речь, конечно, не идет о том, что он «опускается» до животного состояния. В представлениях древних перед природой все равны — и человек становится равным зверям. Отголоски этих верований мы находим почти во всех народных сказках, где звери и люди свободно разговаривают между собой на общем языке.

Индонезия задолго до ислама и даже до проникновения индийского влияния знала шаманство.

Ислам — официальная религия, но мировоззрение индонезийского крестьянина в Сунде, да и в других районах Индонезии определяет не только он¹. Тысячелетние верования и представления не так легко поколебать. Мы могли убедиться в том, какую роль играет дукун в жизни деревенской общины.

Испокон веков шаман врачевал, «предсказывал» будущее, «насылал порчу», был судьей в запутанных делах. Его никоим образом нельзя поставить на одну доску с муллой из деревенской мечети. Тот скорее чиновник, призванный следить за соблюдением предписаний ислама. Верующие легко уживаются с подобным дуализмом — к официальной религии они относятся как к догме, а дукун воспринимают как часть реальной жизни. Эта вторая сторона духовной жизни индонезийцев исключительно многообразна, и на нее оказывает воздействие множество факторов².

Главная функция шамана состояла в том, чтобы совершать путешествия в «мир духов». Владея в транс, шаман на глазах у всех терял свою обычную, «человеческую оболочку», прерывая контакт с окружающим. Считалось, что дух его покидал

¹ Крупнейшие религии мира — индуизм, буддизм, ислам и христианство последовательными волнами распространяли свое влияние на островах архипелага. Однако они существенно трансформировались в условиях Индонезии. Так, от индуизма, основанного на жестокой кастовой системе, здесь остался, по существу, только ареопаг богов и богинь. Ортодоксальный ислам тоже должен был приспособиться к определенному уровню общественного развития. Столкновение с пережитками матриархата привело к тому, что положение женщины в Индонезии намного свободнее, чем в других странах, где господствующей религией является ислам. Деревенская жизнь регулируется неписаным сводом «обычного права» — адатом. — *Здесь и далее примечания кандидата исторических наук Ю. В. Фельчукова.*

² Свообразие природных условий сыграло немалую роль в том, что среди народных масс оказались живучи древние анимистические верования и культы. Действительно, индонезийский крестьянин, живущий на склонах вулкана, который может в любой момент прорваться, понимает, что его благополучие и сама жизнь зависят от огнедышащей горы. Поэтому, будучи мусульманином или буддистом, он тем не менее свято чтит заповеди предков, предписывающие поклоняться духу горы. Таким образом «духи» реки, вызывающие наводнения, «духи» леса, которые могут погубить человека, заведя его в чащу, гораздо ближе для него, чем заповеди официальной религии. В этой связи дукун, «общающийся» с духами, пользуется большим влиянием. Ему приписывается способность насыпать порчу, так называемую «гуна-гуна».

тело, впадшее в обморочное состояние. По возвращении шаман повествовал об увиденном и сообщал мнение предков — вместилище опыта и знаний — по различным животрепещущим вопросам.

Разумеется, подобные способности наделяли шамана властью над людьми общины: считалось, что он умеет летать, укрощать огонь, исцелять больных, насылать на расстоянии порчу на врагов, говорить со зверями и перевоплощаться в них.

На Западной Яве, в Сунде, мы стали свидетелями необычного варианта шаманизма — здесь колдун не сам впадал в транс, а совершал перевоплощения с помощью третьих лиц — деревенских жителей. Чем это можно объяснить? Скорей всего проникновение современной технологии в традиционную общину изменило взаимоотношения человека и природы. Шаманство во многом потеряло свой практический смысл. Но его власть над разумом, над рассудком еще осталась. Для ее поддержания

во время церемоний дукун раздвигает рамки видимого мира, стремясь внушить мысль о существовании «потустороннего». И заодно — о своей власти как посредника между этим и тем миром¹.

Прежде почти в каждой сунданской деревне был свой дукун. Теперь подобную церемонию можно увидеть редко. Это умирающая традиция, и нам довелось стать, быть может, одними из последних ее свидетелей.

Перевел с французского М. БЕЛЕНЬКИЙ

¹ Роль дукун в жизни деревенской общины, как правило, отрицательна. Это видно и в описываемых здесь «действиях», уничтожающих личность человека, объективно унижающих его, это в полной мере проявилось и во время массовых убийств прогрессивных деятелей после переворота 1965 года. Реакция использовала дукун, чтобы натравить темные, отсталые массы крестьян на передовую часть индонезийского народа, прежде всего на коммунистов.

В чем секрет сунданских чародеев?

Чудеса, одно поразительнее другого, промелькнули перед нами на только что прочитанных страницах. «Чем их можно объяснить?» — задают авторы закономерный вопрос.

Все описанные «чудеса» можно разделить на две группы: кое-что следует отнести к области цирка, например, балансирование на провисающем канате лежа и в позе «лотос», поедание стакана (что скорее всего ловкий фокус иллюзионистов). Вторая, более обширно и впечатляюще представленная здесь группа явлений должна быть отнесена к области гипноза и внушения, к воздействиям, оказываемым на психику. Об этом мне, как специалисту, редакция и предложила сказать несколько слов.

Мысль о том, что в основе многих внешне столь поразительных фактов, издревле порождавших и укреплявших веру в «потусторонние» силы, лежат явления естественные, а именно явления гипноза и внушения, не нова. К этому заключению в 1843 году пришел английский хирург Джеймс Брэд, которому и принадлежит само слово «гипноз» (от греч. «гипнос» — сон), как название своеобразной формы нервного сна. С того времени гипноз и другие с ним связанные явления (рапорт, внушение, самовнушение) много и тщательно исследовались учеными разных стран. Наиболее всесторонним и экспериментально обоснованным пониманием гипноза явилось то, что предложили И. П. Павлов и его последователи. Они установили, что состояние гипноза возникает под влиянием совершенно определенных условий, а именно таких, которые оказывают тормозящее, усыпляющее действие на большую часть массы мозга, — во-первых, и возбуждающее, активизи-

рующее воздействие на какой-то один, остающийся изолированным участок его — во-вторых. Павловское понимание гипноза вкратце можно сформулировать так: гипноз — это частичный, неполный сон, при котором на фоне в массе своей спящего мозга сохраняется очаг нервных клеток неуспавших, бодрствующих. Этот двойственный характер гипноза и определяет всю оригинальность поведения загипнотизированных людей.

В описанных автором обрядовых церемониях сунданцев (точно так же, как и в мистических обрядах других племен и народов, с иными религиозными верованиями) легко обнаружить оба основных вида воздействия на психику. Первый вид — воздействие, призванное усыпить разум, одурманить желания и чувства участников, погасив восприимчивость человека ко всему окружающему, вплоть до потери ощущения самого себя, собственного тела, исказить восприятие пространства и времени.

Что же сохраняет крупную сознания? Это второй и притом самый главный вид воздействия на психику. Оно рассчитано в данном случае на то, чтобы разжечь воображение, наполнить участников слепой верой в возможность свершения чуда. Они, собственно, уже пришли сюда с этой верой, «подготовлены» к вступлению в контакт с «иным» миром или, по крайней мере, хотя бы увидеть, как это делает дукун. Его главная роль, как верно пишут авторы репортажа, и состоит в том, чтобы изображать посредника между миром всемогущих «духов» и миром смертных, дело которых ждать указания «свыше». Вот для того-то, в частности, так ярко, так впечатляюще наряд дукун. Его увенчивает зеленый тотопонг, символ высокой миссии. Символ его силы и ловкости — украшения из тигровой шкуры на запястьях. Цирковые трюки тоже рассчитаны на то, чтобы поразить воображение зрителя.

Своего рода «кульминационное доказательство» его «приобщенности к неземным силам» — поразительное равнодушие к боли. Самообладание, пишут авторы... Нет, это не самообладание, это действительно полная невосприимчивость к боли. Нечувствительность эта давно уже установлена как одна из характерных особенно-

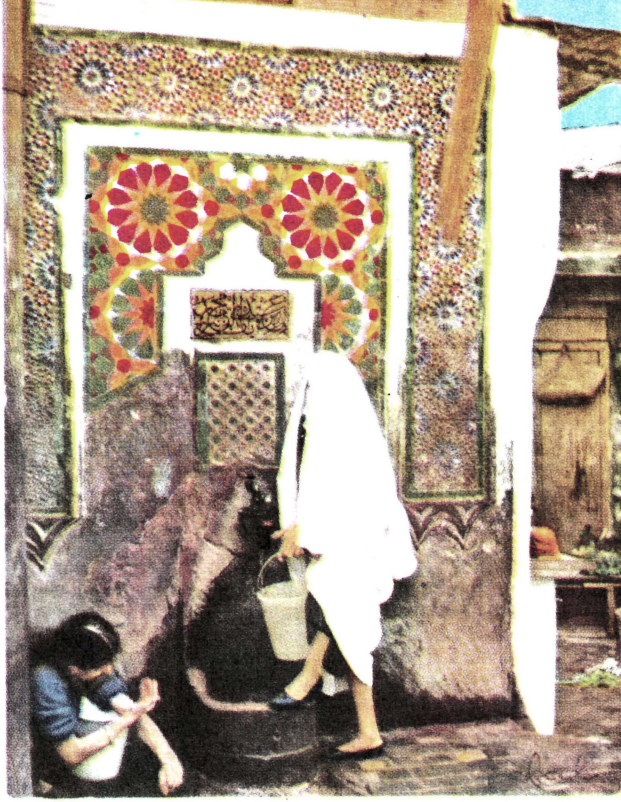
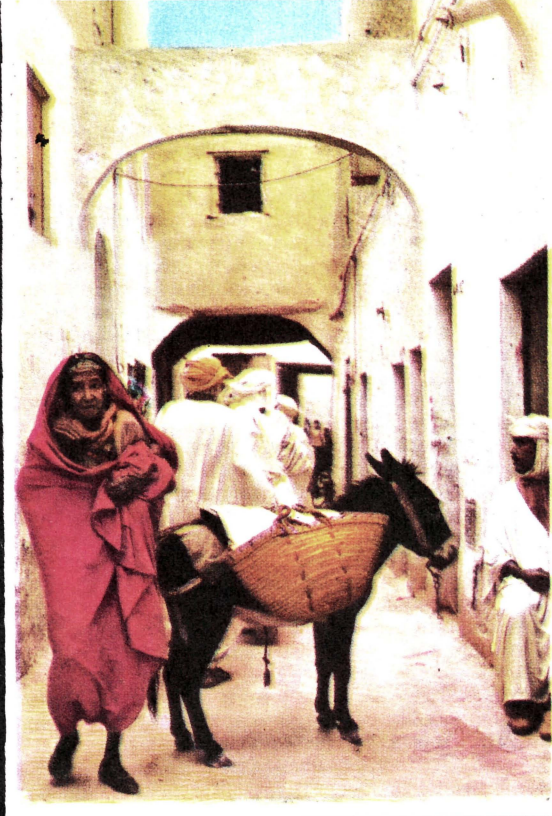
стей глубокой стадии гипноза (так называемый сомнамбулизм) и носит название аналгезии. Она зарегистрирована объективно многими исследователями-гипнологами (в частности, и мне пришлось получить одну из таких записей с помощью методики, регистрирующей реакцию кровеносных сосудов), и чуда здесь никакого нет. Вот дукун склоняет голову перед своими соплеменниками, а те руют на него удары бамбука и потрясены его бесчувственностью — результатом самогипноза. Аудитория подготовлена. Дукун протягивает одному из особо податливых к воздействиям на психику (зоркий глаз дукун, всегда неплохо психолога, давно уже наметил его в толпе) полосатый мешок и маску, и тот послушно, с недюжинной театральной правдоподобностью играет роль тигра. Повадки зверя он давно, как и все его собратья, хорошо уловил и сознательно и интуитивно. И вот сейчас все это тонко воспроизводит.

Восприимчивость к словесному или иному эмоциональному воздействию на психику — свойство, присущее всем людям. Одним в большей степени, другим — в меньшей. Это зависит от врожденных особенностей нервной системы, а также от условий жизни, места, времени. Гипноз характерен тем, что он это свойство в огромной степени усиливает, и чем глубже самогипнотическое состояние (а оно имеет много вариантов, форм и стадий глубины, это не одно состояние, а целый ряд), тем степень внушаемости загипнотизированного увеличивается.

Авторы очень обоснованно пишут в своем репортаже, что подобные обрядовые явления с использованием гипноза известны на всех широтах и во все времена человеческой истории. Обстановка обряда бывает разной, но суть остается прежней. Усыпить разум. Разжечь воображение. Устремить все желания и чувства к одной-единственной цели — ожиданию чуда. И оно «свершается»! Свершается потому, что зрителями движет вера, слепая вера в существование потусторонних властителей земного мира, в дар отдельных личностей творить «чудеса». Другими словами, вера ложная, мистика.

В. Е. РОЖНОВ, доктор медицинских наук, профессор

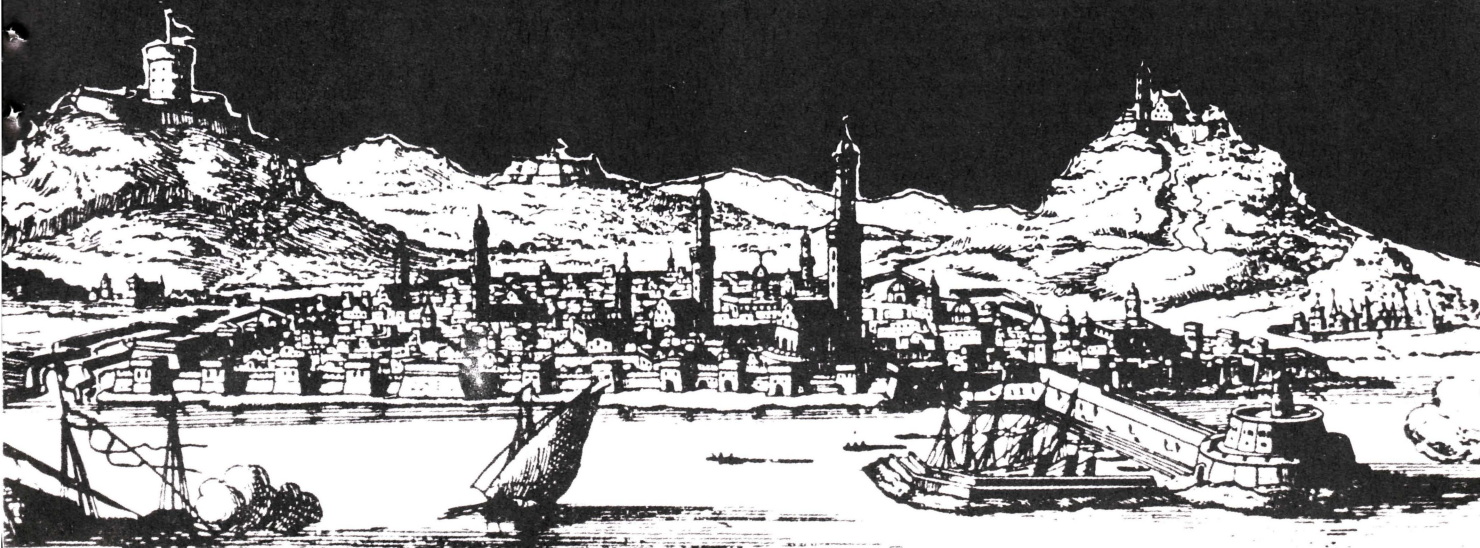

Т. ПУТИНЦЕВА,
кандидат искусствоведения

Вверх, по ступеням Касббы

Кубики — белые-белые, — катятся в беспорядке, налетая один на другой, а внизу, как бы для того, чтобы не скатились они в море, на сотни метров раскинулась белая колоннада набережной. Это Алжир.

Под колоннадой — резкий спуск к порту. Естественно, отсюда, с этого места, и начиналась история Алжира. Море сказалось на судьбе города. Приходили с моря римляне, основавшие здесь свою колонию Икозиум, приходили вандалы, ви-

зантийцы, арабы, испанцы, турки. Возле берега в давние времена выглядывало несколько клочков земли. Благодаря им город и получил свое название — «Эль Джезаир», ставшее впоследствии «Алжиром», — и означает оно — «Острова»...

Пират Хайр эд-Дин Барбаросса, высадившись на этих островах, соединил их дамбой с материком, выставил из бойниц триста пушек и создал таким образом укрепленную гавань Алжира. Не случайно она в свое время завоевала себе славу неприступного логова морских пиратов: одиннадцать раз пытались взять его с моря, и каждый раз безуспешно. Но это дела давно минувших дней. Сейчас здесь далеко в разные стороны раскинулся порт, большие океанские теплоходы входят в гавань, подошла к порту железная дорога, берега живут шумной деловой жизнью современного города.

Отсюда мы и направимся в Алжир так, как шла сама история. Только сначала остановимся у небольшого буфета с трогательным названием «Casse-une-croûte», что означает «Замори червячка», съедим несколько палочек жареной тут же на углях баранины, тарелку креветок и гроздь фиников, а затем пойдем по ступенькам вверх. Направо уже виднеется старый город, налево — новые кварталы. Если повернуть направо, мы очутимся на площади, которая именуется сейчас площадью Мучеников.

На этой площади продавали в рабство пленных, а их было множество. К началу XVII века в Алжире насчитывалось более 25 тысяч рабов, что в те времена являлось признаком экономического благосостояния города. Запряженные вместо мулов в повозки, они возили камни для построек, гребли, прикованные к веслам, на галерах. Отсюда в гаремы местных владык отправляли наложниц. Можно к случаю вспомнить и красивые легенды, посвященные женщинам старого Алжира. Однако в жизни все было реальнее и суровее. Власть янычаров, жестокость местных деев, безудержный разгул морских пиратов — все это создавало в городе атмосферу вечной вражды, алчности, кровопролития. Много крови видели эти камни, здесь было место казни и экзекуций. Сожжения, колесования, крючковакия — все это было будничным делом.

Именно сюда, на эту площадь, в 1575 году привели капитана испанского королевского флота Мигеля Сервантеса де Сааведра с чугунным ядром на ноге — знаком рабства. Хорошо известно, как будущий великий писатель, захваченный в плен пиратской галерой арнаута Дали Мамаи, пять лет мужественно преодолевал все ужасы рабства, устраивал побеги — себе, но прежде всего другим, снова попадал на каторгу и снова пытался бежать — и так до тех пор, пока «отцы искупители» не выплатили за него положенные дукаты...

Религия соседствовала с насилием. И как бы в доказательство тому, площадь Мучеников окружена старыми мечетями. Самая древняя из них — Большая мечеть, или Джамаа эль-Кебир, воздвигнутая в 1069 году на месте римской базилики. В ней сохранились основные черты мусульманской культовой архитектуры Северной Африки — Магриба: благородство и простота форм, подковообразные зазубренные арки, соединяющие несколько параллельных нефов, двускатная черепичная кровля, держащаяся на открытых деревянных стропилах, высокий квад-

ратный минарет, внутренний дворик с мраморными водоемами.

В колониальную эпоху центр площади занял памятник герцогу Орлеанскому. Герцог восседал на лихом коне. Кстати, автор скульптуры Марошетти допустил какой-то просчет в уздечке лошади и в страхе перед гневом герцога покончил с собой. Восемь лет назад живая история Алжира стерла следы печально известного «дюка». Правда, все еще торчит постамент, покрывшийся травой и плесенью.

А среди этих декораций истории бурлит уже утренний Алжир, удивительнейший город, вобравший в себя такое разнообразие лиц — смуглых, черных, белых, город-перекресток арабского мира, Черной Африки и европейского Средиземноморья, город, нашедший место и для ампирических домов, напоминающих парижские авеню, и для мавританских арок, и для новых громадин, и для линий Ле Корбюзье, вписанных в приморский пейзаж. Все это создает удивительно уютную атмосферу давно обжитого города, прочно пустившего корни.

Долго можно бы рассказывать об Алжире. Однако сегодня наша цель — Касьба¹.

Колоннада набережной и площадь Мучеников как бы служат основанием архитектурного треугольника, который уходит отсюда вверх на сто двадцать метров. Это жилые кварталы Касьбы, старой берберской крепости, перестроенной в XVI веке в мусульманский город. Сама природа сделала Касьбу неприступной. К тому же пират Хайр эд-Дин обнес ее высокой крепостной стеной, построил несколько фортов, окружил земляным валом. И время почти не тронуло ее.

До наших дней облик старого города остался практически в прежнем виде, если не считать кое-каких разрушений, произведенных пожарами и обстрелами колониальных войск. В Касьбе нет площадей, разве что на окнах, а жилища не только лепятся друг к другу, но и причудливыми сводами перебарщиваются над узенькими переулками, закрывая небо. Ширина большинства переулков Касьбы не превышает полутора-двух метров, что делает их похожими на подземные переходы или теснины ущелья; кое-где и рук нельзя развести в стороны. Единственный транспорт, на котором здесь перевозят поклажу, это ослики. Но вот один из них, демонстрируя свое легендарное упрямство, остановился посреди улицы, и уже не пройти никому.

Большинство улиц, тянущихся от моря, представляют собою лестницы. Выше, выше — всего более четырехсот ступенек. Прямых улиц нет вовсе, все под острыми углами переходит одна в другую, извиваются, образуют зигзаги, заводят в тупики. Без ступенек вверх подняться нелегко, ноги скользят по гладким, сточенным подошвами камням.

Неуловима Касьба, она как бы играет с тобой в прятки. За каждым поворотом вновь и вновь те же дома; лабиринт. Но приглядитесь. Вот на самом верху стены застыли странной формы выступы, подпертые снизу деревянными консолями, вот барельеф с рукой Фатьмы, призванной уберечь живущих в доме от козней дьявола, а вот тяжелая подкова над низкой дверью, обитой деревянными

¹ На русском языке встречается также написания «Касба» и «Казба», но сами алжирцы произносят название старого города именно так — Касьба. — *Прим. автора.*

гвоздями с широкими головками. (Мы бы подумали: на счастье, но вполне возможно, подкова иллюстрирует древнее арабское изречение: «Если под этой крышей ты скажешь что-нибудь необдуманное, то твой мул копытом раздробит тебе челюсть».)

Вот фонтаны. И самый знаменитый из них — фонтан Н'Фиссы, с яркими росписями персидского фаянса. Впрочем, фонтанами в нашем понимании их назвать трудно. В Касьбе нет воды в домах, как и не было до последнего времени канализации. Поэтому из фонтанов берут воду для хозяйства. Где-то я видела такую форму фонтана, с такой же плоской задней стенкой... Вспомнила! Это же наш знаменитый Бахчисарайский фонтан! Только здесь нет каскада для «слез», а вода идет живо, весело, словно радуясь красочным узорам.

Чем знаменита Н'Фисса? О, это очень трогательная легенда. А может, и не легенда. Были у алжирского дея Гассана две дочери — Н'Фисса и Фатьма. Оберегая дочерей от посторонних взглядов, дея держал их в полном заточении. Даже в гости девушек возили в закрытой карете в сопровождении янычар. В доме дея (том самом, где сейчас Музей народного искусства) окна очень маленькие, но через них девушки однажды увидели белокурого юношу, проходившего мимо. Юноша не сказал ни слова, но потом прошел еще один раз, и еще... С тех пор сестры ждали его каждый день и каждый час. Но он больше не появился. И тогда они покончили с собой, сначала Н'Фисса, за ней Фатьма...

Когда это было? Вчера? Все как будто по-прежнему в этом странном, таинственном городе, показывающем чужим только глухие стены. Его описывали множество раз, каждый по-своему, чтобы прийти в результате к единому мнению: Касьба — постоянная, вековая, неповторимая — воспринимается всякий раз в зависимости от настроения человека. Один рисовал ее мрачным очагом убийств и преступлений, другому ее крикливое оживление, гомон, ярмарочный дух представлялись радостной и даже торжественной экзотикой. Альфонс Доде пугал читателей: «Настоящий разбойничий притон этот верхний город: узкие темные переулки карабкаются между двумя рядами таинственных домов, крыши которых сходятся, образуя туннель, низкие двери, немые, печальные окна с решетками... Направо и налево кучи темных лавчонок, где свирепые турки с разбойничьими лицами, сверкая зубами и белками глаз, курят длинные трубки и тихо шепчутся между собой, как будто замышляя что-то недоброе». Правда, эти страсти-мордасти, быть может, понадобились Доде для придания необходимого «антуража» повествованию.

А вот Мопассан любил ее лестницы, переулки, любил ее людей. Но как бы то ни было, иностранцев последние сто лет непременно предупреждали, что заходить в Касьбу опасно.

Я очень любила приходить сюда одна, без провожатых, особенно вечером. Ребята играют, догоняя друг друга. В ущелье переулки застыл вратарь, готовый взять мяч. Девочки бегут за водой к водоёмам с пластмассовыми ведерками всех цветов. Кипит на улице торговля, товар не уместается в маленьких лавчонках; мясники разделяют бараньи туши; кустари и ремесленники тоже вылезли навстречу прохладе из своих душных мастерских, и тут можно посмотреть на процесс

производства во всех нюансах — как ткут ковры, лудят медные изделия, инкрустируют деревянные столики. И кофе пьют тут же на улице, тот самый кофе, который еще в далеком прошлом называли «черным как ночь, горячим как ад и сладким как любовь». А вот парикмахер поставил посреди переулка свое кресло и, сыпя прибаутками, шелкает ножницами. Правда, пройти по переулку в результате невозможно, но это уже «детали».

А стены, кстати, вовсе не глухи. Они умеют очень чутко слушать. И говорить. На многих, будто свежие, сохранились надписи: «Да здравствует наша родина!», «Да здравствует свобода!» Касьба во время долгой трудной борьбы за независимость была главным оплотом патриотов столицы. Не раз сюда в поисках оружия или «подозрительных» врываются французские парашютисты. Но пока их башмаки грохотали по каменным ступеням, улицы безлюдны, а обыски ничего не давали, слишком много здесь укромных уголков, переходов с крыши на крышу, тайников, известных одним только старожилам Касьбы... Но война есть война. До сих пор грудой развалин лежит взорванный оасовцами дом, где скрывались алжирские патриоты. А старым улочкам, носившим зловещие названия «улица Дьявола» или «улица Тигра», присвоены ныне имена погибших героев.

Однако что же скрывается за стенами домов Касьбы, четырехугольных кубиков без окон, с плоской крышей? Я попыталась робко заглянуть внутрь, не желая показаться назойливой. Но одной из особенностей мавританской архитектуры является то, что вся внутренняя жизнь спрятана от пешеходов изломом передней, так называемой скифи. Иногда здесь стоят даже скамейки — для приема тех, кто пришел по недолгому делу. В лучшем случае над дверью небольшая форточка, закрытая решеткой, то, что раньше служило «глазком». И действительно, меня тут же увидел мальчик лет двенадцати, появившийся в дверях. Он улыбнулся: «Мама хочет зайти в дом?» Перед таким радушием нельзя устоять.

Передняя—скифи остается позади, и я оказываюсь в очаровательном внутреннем дворике, по-арабски «эль-усте», что означает «середина» (по типу испанских патио). Керамические полы, мытые до блеска, поражают разнообразием и изяществом рисунка, журчит небольшой домашний фонтанчик, стоят цветы в кадках. Вот здесь только и начинаешь понимать все своеобразие стиля. Каждый дом, как крепость, рассчитанный на полную изоляцию от улицы, живет своей жизнью. Дворик обнесен с четырех сторон галереей, витые колонны ее поддерживают подковообразные аркады. На верхнем ярусе, более нарядном, расположены основные комнаты. Дневной свет проникает сюда из дворика. Лишь в одной верхней комнате, выходящей к порту, бывает небольшой проем: раньше отсюда наблюдали, как возвращаются с добычей пираты. Еще одна «жилая площадь» в домах — это крыша; плоская, широкая, она может служить и верандой и местом для прогулок. С нее открывается вид на нагромождение

Три яруса внутреннего двора типичного для Касьбы дома. Фото М. РЫБАКА.

Послушать прибаутки уличного торговца собираются все окрестные жители.

таких же плоских крыш, на которых сушатся белье, они сползают к морю, открывая уголки порта, где белыми чайками сидят на воде подочки...

Основная дворцовая часть Касьбы — квартал Дженина, где жил дей со своими приближенными, за годы войн, пожаров, внутренних междоусобиц, хозяйничанья французов была разрушена. Лишь одна из улиц сохранила это старинное название — Дженина. В Касьбе насчитывается около десятка бывших резиденций алжирских деев. Однако по внешнему виду их очень трудно найти. За редким исключением, они так же не приметны снаружи, как и остальные жилые дома. Недаром арабское слово «дар» означает одновременно и «дом» и «дворец». Вот, например, Дар Мустафа-паша, как бы притаившийся в глубине узенького переулка: подковообразная арка дверного проема опирается на две невысокие колонны пониженного ордера. В отличие от обычных домов его вестибюль-скифи более обширен, разделен несколькими двойными колоннами, украшен фаянсом и гипсовыми зубцами арок. В глубине — портик, где дей принимал визитеров. И в четырехугольном дворике все как обычно, только опять-таки фаянс побогаче — недаром его везли для этого дворца из Сицилии и Голландии, мраморные колонны посolidнее — из Италии. На галерее второго этажа деревянная балюстрада отличается тонким геометрическим орнаментом. С 1835 года по инициативе французских ученых А. Бербрюмера и О. Маэ дом был занят под собрание книг по истории Северной Африки. Над дверью виднеется красивая надпись «Национальная библиотека». Однако связанная с домом легенда о том, что под ним зарыты сокровища паши, явно мешала его спокойному существованию: в нем постоянно производились раскопки; в результате обнаружались подвалы, подземелья, тайные ходы, связывавшие Касьбу с портом.

Или вот знаменитый дворец Дар-Азиза. Тонкий рисунок изразцов, колонны с витыми каннелюрами, двойные портики верхней галереи, деревянная резьба балюстрады — все это сохранилось и напоминает об удивительном мастерстве арабских художников XVI века. Я вспомнила здесь о разговоре со старейшим алжирским архитектором Абдеррахманом Бушамы, который вдохновенно рассказывал мне об искусстве конструкции арки. «Каждую арку, — говорил он, — нужно рассчитать по ее пропорциям так, чтобы она пела. Ошибешься на один сантиметр, — и она сфальшивит или промолчит вовсе». Идеал мавританских арок — это, конечно же, знаменитая Альгамбра в Гранаде. Стремлением возродить секрет конструкции ее арок, создать в новом Алжире прекрасную архитектуру, объединяющую в себе «пение» Альгамбры, величие Айя-Софии и торжественное изящество Тадж-Махала, и одержим Абдеррахман Бушамы, сидящий в своем скромном кабинете недалеко от площади Мучеников. На прощание он подарил мне свою книгу, которая так и называется — «Поющая арка».

После разговора с ним начинаешь понимать, сколько трудов и усилий придется вложить алжирским строителям и архитекторам, чтобы возродить свои национальные памятники. В этом смысле район Касьбы ставит перед современным Алжиром несколько сложных проблем. Первая — в том, чтобы несколько разрядить его чрезмерную населенность, предоставить большей части его жителей новые квартиры. Вторая проблема — чисто

художественная: Касьбу необходимо сохранить как город-музей, целостный архитектурный ансамбль XVI века.

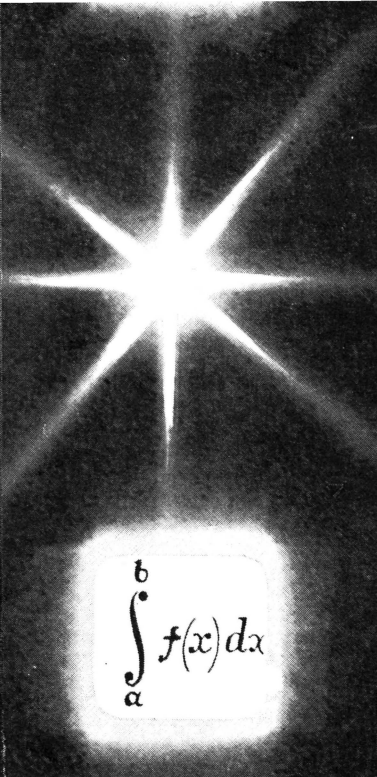
Сейчас значительная часть дворцовых помещений Касьбы находится в аварийном состоянии и, по существу, недоступна ни для местных жителей, ни для туристов. И это прекрасно понимают ведущие архитекторы Алжира, уже приступившие к осуществлению генерального плана реконструкции Касьбы.

В кабинете Андре Раверо — главного архитектора Алжира, ученика Ле Корбюзье, одна стена превращена в огромную сделанную с вертолета фотографию Касьбы. Все дома и переулки после детального изучения и исследования отмечаются здесь синим, зеленым и красным цветами. Это означает, что одни памятники следует сохранить в неприкосновенности, другие реставрировать, третьи, как не представляющие никакой художественной ценности, снести вовсе. Андре Раверо чрезвычайно занят многими, еще более насущными задачами — строительство новых жилых районов, создание проектов административных зданий, оказание помощи оазисам, расположенным в долине Мзаб, которым угрожает катастрофа: исчезает вода. И тем не менее он говорит мне, что внимание его неизменно приковано к реконструкции Касьбы. К этому делу он привлекает все новых и новых людей, и прежде всего молодых алжирских архитекторов и искусствоведов. Ставка на молодежь не случайна: молодая республика готовит кадры «с перспективой». Порою даже странно узнавать, что какой-нибудь совсем молодой специалист возглавляет целую фирму или учебный центр, другой, совсем еще мальчик, руководит новым драматическим театром, третий в двадцать с небольшим — ведущий режиссер алжирского телевидения...

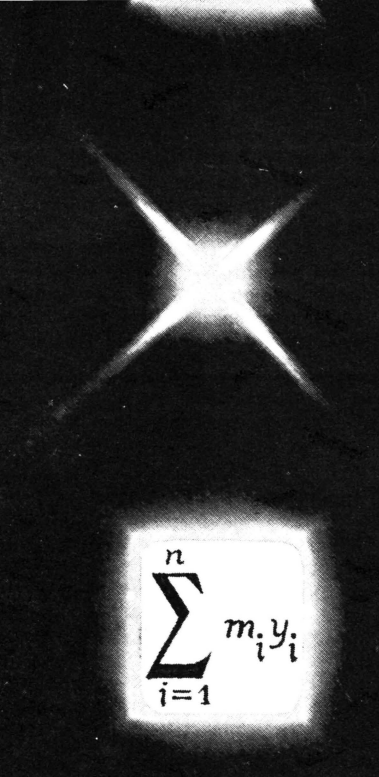
Надо сказать, что обособленное положение Касьбы все-таки облегчает задачу реконструкции. Границы мусульманского города определены очень четко. Новыми, современными сооружениями он не застраивался. Таким образом, можно надеяться, что постепенно, в буквальном смысле переходя от дома к дому, архитекторы вернут Касьбе ее первоначальный облик. Начало уже положено. К Всеафриканскому фестивалю культуры, проводившемуся в Алжире летом 1969 года, великомерно реставрирован Дар-Бакри, бывшая обитель уже известной нам принцессы Н'Фиссы. В здании с большим вкусом размещен Музей народного искусства с замечательным собранием художественных ремесел Алжира. На очереди — Дар Мустафа-паша. Затем верхний дворец деев и так далее, вплоть до всех этих отдельных домов, которые помечаются на «фотокарте» Андре Раверо синим, зеленым или красным цветами.

Процесс сложный, он требует максимума знаний, увлеченности, любви к собственной истории. Но ведь это, наверное, и прекрасно — страна впервые может заняться своей историей, памятниками своей национальной культуры.

В огромном Алжире, раскинувшемся на двадцати тысячах гектаров и насчитывающем около миллиона жителей, Касьба, конечно, кажется районом небольшим. Но значение ее не измеряется квадратными метрами и количеством улиц. Идя по ступеням старого города, я все время реально слышала шаги истории, видела живые следы ее, которые, как в сказке, сами хотели рассказать о том, чему были свидетелями эти стены, камни, минареты.

$$\int_a^b f(x) dx$$

$$\sum_{i=1}^n m_i y_i$$

$$\frac{1}{\sqrt{2x}} \int_{-\infty}^{t-\frac{x}{2}} e$$

ИЗ ОТ ЛИТИНЕЦКИЙ,
кандидат технических наук

НУЖНЫ ЖИВОТНЫЕ — РАБОТНИКИ

Узнав о способности некоторых муравьев улавливать ультрафиолетовое излучение, французские астрономы прошлого века братья Анри однажды поручили этим насекомым наблюдение за звездным небом. Коробка с муравьями была приставлена к окуляру телескопа, который астрономы направили на участки небосвода, где предполагалось существование незримых для глаза и фотопластинок «ультрафиолетовых звезд». Вскоре насекомые засуетились — они «обнаружили» звезду. Опыты повторялись неоднократно. И всякий раз, когда муравьи начинали суетиться, это означало, что ими «обнаружена» новая, неведомая астрономам звезда. Все заявки братьев Анри, поданные на открытие новых звезд, были подтверждены более поздними аппаратными наблюдениями.

...Казалось бы, что с развитием науки и техники использование животных в практической деятельности человека неуклонно сокращается. И действительно, значение животных как источников двигательной силы, столь важное еще столетие назад, в промышленных странах сошло почти на нет. Но мало-помалу стали выясняться такие способности животных, которые все более и более побуждают человека привлекать их для выполнения разнообразных, подчас очень сложных и ответственных работ, что

ведутся порой на самом переднем крае научно-технического прогресса.

«ПОЛУЖИВОЙ» ПРИБОР

В некоторых странах горняки и по сей день берут с собой на работу белых мышей, чтобы те своевременно улавливали появление рудничного газа. И у подобного метода, как выяснилось, есть будущее. Не так давно американский ученый Роберт

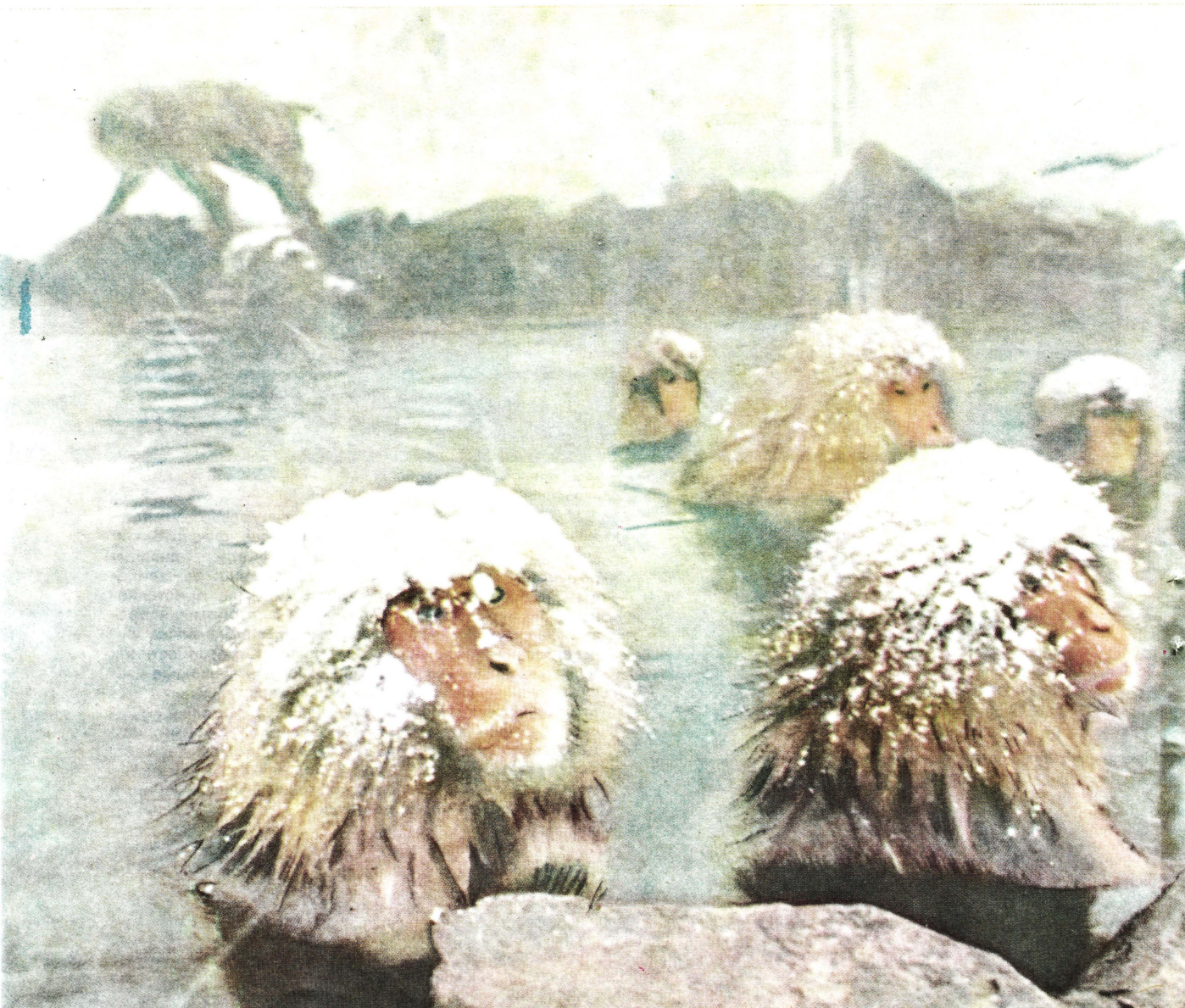
СНЕЖНЫЕ ЧУДАКИ

Нет, не перевелись еще на земле оригиналы. И не только среди людей, но и среди наших «братьев меньших» — зверей. Взять хотя бы обезьян. Как известно, обезьяны обитают в тропических лесах, носятся по ветвям и лакомятся бананами. Словом, ведут нормальный обезьяний образ жизни. Но есть среди них полсотни «чудаков», которые своим постоянным местом жительства

выбрали северное побережье японского острова Хонсю.

Трудно сказать, чем прельстило оно небольшую стаю макаков. И климат вроде бы мало подходящий — морозы до минус десяти градусов зимой. И окрестный пейзаж глаз особо не радует — голые скалы, продуваемые всеми ветрами. Да и с пропитанием не густо — тут уж не до бананов, если земля два месяца

в году покрыта глубоким снегом. Казалось бы, обезьянам здесь просто не выжить. Однако ученые Киотского университета и Японского центра по изучению обезьян, вот уже два десятилетия наблюдающие за «оригиналами», с удивлением констатируют, что макаки сумели прекрасно приспособиться к суровым условиям. По их мнению, это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, макаки постепенно настолько закалились, что легко переносят даже моро-

Кей создал биоавтоматическую систему, в которой «запахоуловителем» рудничного газа служит... живая муха! К головным ганглиям — нервным узлам, которые заменяют мухе мозг, ученый присоединил микроэлектроды. Даже от незначительного присутствия в воздухе ядовитого газа в нервных узлах мухи возникают характерные импульсы. Эти сигналы снимаются электродами и поступают в усилитель, потом в анализатор, а затем в исполнительное устройство, которое включает звуковую или световую

систему оповещения людей. Так обоняние мухи помогает обнаруживать в штреках незначительные концентрации опасного для человека газа.

Подобное сращивание электроники с живыми организмами не курьез, не экзотика, а одно из перспективных направлений развития бионики. Современная техника требует все более и более совершенных средств анализа, контроля и управления. Многие живые существа обладают весьма и весьма чувствительными миниатюрными и экономичными

зы. А главное, «спартанцы» научились быть весьма нетребовательными к еде. Зимой их меню ограничивается веточками, очищенными от коры, почками, различными корешками и луковичками, если их удастся выкопать из-под снега, да водорослями и ракушками, которые они собирают на берегу. Ни одна нормальная обезьяна такую еду и в рот бы не взяла, а «снежные макаки» уплетают за обе щеки.

У необычной колонии нет писаной истории, но, как считают

ученые, она тем не менее насчитывает не одно столетие. Когда-то климат северного Хонсю был значительно мягче, и здесь обитали многочисленные стаи макак. Наступившее похолодание постепенно вытеснило их на юг. Лишь несколько десятков «чудаков» сохранили верность «земле предков». Главную роль тут, видимо, сыграл горячий источник, скрашивающий жизнь обезьян. Закаливание закаливанием, но погреться в нем, когда трещат морозы, все-таки приятно. Чтобы

не было давки и ссор, вожак стаи строго поддерживает раз и навсегда установленный порядок. Сначала теплую ванну принимают мамы со своими чадами, затем отцы семейства и только потом проказливая молодежь. Правда, для себя вожак делает исключение и просиживает в источнике все три смены подряд, благо есть и предлог: на месте легче следить за дисциплиной.

Так и живет эта любопытная колония обезьян за 38-й параллелью.

органами чувств — именно теми устройствами, которые столь необходимы технике. Иные из них мы пока даже не можем воспроизвести. Особенно это относится к анализаторам запаха. Здесь природа вне конкуренции. Так, самец тутового шелкопряда с расстояния десяти километров улавливает сотысячные доли миллиграмма того пахучего вещества, которое выделяет самка. Задача фантастическая для современной техники! Но и зрительный аппарат животных также представляет значительный интерес. За рубежом сейчас ведутся, например, серьезные работы, цель которых — приспособить кошку для управления малогабаритными ракетами. По мнению исследователей, кошку можно научить следить за телеэкраном и таким образом реагировать на изображение, что ошибка пилотирования практически исключается. Не исключено, это электроника, «сращенная» с живым организмом, лучше справится с управлением, чем простая автоматика.

В качестве «запахолокаторов» ныне начинают все чаще и чаще использовать собак. Например, в тех случаях, когда нужно обнаружить место утечки газа в подземной магистрали. Даже рентгеновские снимки не всегда легко выявляют повреждения, особенно если они невелики. Вот тут-то на выручку газозвщикам и приходят собаки, которые обладают прекрасным обонянием и очень быстро обнаруживают течь в газопроводах. В частности, для этих целей работники управления «Таллингаз» отобрали в 1968 году несколько умных, сильных и выносливых восточноевропейских овчарок. Лучшая из них, Динго, после трехмесячной учебы стала высококвалифицированным работником. Ее очень ценят. Она официально зачислена в штат управления «Таллингаз», на ее содержание выплачивается 20 рублей в месяц, под ее контролем 23 улицы Таллина протяженностью 5713 метров, и на магистрали всегда порядок. Точно так же добросовестно несут службу наблюдения за газовыми сетями собаки-овчарки в Польше, ГДР и других странах. Газовики считают, что никакой прибор не может сравниться в этом отношении с нюхом овчарки.

Эту изумительную способность наших четвероногих друзей — очень точно улавливать и различать разнообразные запахи — недавно решили использовать геологи. Инициатива обучения собак новой профессии в нашей стране принадлежит доктору биологических наук Г. А. Васильеву. В Петрозаводский научно-исследовательский институт геологии привезли несколько собак. Их учили отыскивать тщательно спрятанные камешки — серный колчедан.

Потом задания усложнялись. Ведь главное, для чего тренировали собак, — это разведка рудных месторождений, помощь человеку в составлении подробнейшей геологической карты. Собак учили запоминать запахи разных руд, ходить по маршруту, отличать одни полезные ископаемые от других. Пройдя успешно «курсы рудоискателей», овчарка по кличке Мурат позпрошлым летом удивила всех. Начали бурить скважину. Мурат подошел, покрутился немного, а затем направился в сторону. Прошел метров пятьдесят, остановился и залаял. На этом месте разведчики обнаружили залежи серного колчедана!

Практические опыты показали, что хорошо натренированная собака может, например, найти серный колчедан, лежащий на глубине семи и более метров!

Известен случай, когда в Финляндии овчарка за обнаружение больших месторождений руды была «удостоена» даже государственной премии.

Авиапочта, телеграф, телефон, радио, казалось бы, должны были заставить совершенно отказаться от услуг древней голубиной почты. Этого, однако, не произошло. В годы второй мировой войны только английский военно-воздушный флот располагал полумиллионной армией крылатых связистов. Голуби доставляют донесения прямым путем и не дожидаясь очереди. В некоторых случаях это имеет определенные преимущества. Совсем недавно в Югославии были организованы «гонки», в которых участвовали автомобиль, телеграф, телефон и почтовые голуби. Стояла задача как можно быстрее доставить депешу из Загреба в Люблян на расстояние около ста тридцати километров. Первым сообщение доставили на автомобиле — за 1 час 32 минуты. Затем прибыли почтовые голуби, показав время 2 часа 49 минут. Телеграмма пришла через 2 часа 50 минут, а телефонное сообщение удалось передать только через 6 часов! Не удивительно, что редакции больших газет в Японии, например, и по сей день содержат около трехсот воздушных связистов для срочной передачи с мест корреспонденций и фотографий.

Но в последнее время голуби получили и совершенно новую «должность». Все началось с того, что одна американская фирма, производящая электронную технику, в течение длительного времени терпела значительные убытки. Изготавливаемые ею дорогостоящие приборы быстро выходили из строя. Заказчики негодовали и, разумеется, требовали компенсации. Нужно было спасти репутацию...

Проведя анализ, специалисты пришли к выводу, что приборы приходили в негодность из-за мельчайших трещин в покрытии некоторых деталей. Но и после этого положение несколько не улучшилось — контролеры пропускали брак, так как дефекты покрытия было чрезвычайно трудно различить. В качестве консультанта фирмы пригласили профессора Колумбийского университета Камминга. Профессору было известно, кто может справиться с такой работой наилучшим образом. В свое время доктор Верхв из Сан-Франциско решил использовать голубей, обладающих большой остротой зрения, в качестве контролеров на фармацевтических заводах. Когда голуби обнаруживали облатки и пилюли, отличавшиеся по размеру или цвету от стандарта, они тут же отбрасывали их.

И вот у конвейера, по которому двигались капризные детали электронной аппаратуры, поставили клетку с голубем. В ней находились две стеклянные пластинки, соединенные с системой электрической сигнализации. Голубь приступил к исполнению своих «контролерских обязанностей». Если проплывала мимо доброкачественная деталь, голубь клевал ту из двух пластинок, которая включала сигнал «Все в порядке». Но стоило на конвейере появиться детали, чем-то отличавшейся от нормальных, птица клевала пластинку, указывающую на то, что идет брак. Тренировку вели долго. Обнаружение бракованных деталей поощряли, как водится, просяными зернами, и постепенно голубь превращался в высококвалифицированного контролера. Сначала он замечал дефекты явные, позже — трудноразличимые и, наконец, совершенно неразличимые человеческим глазом. Обучение продолжалось 50—80 часов, в зависимости от способности «ученика». Профессор подсчитал, что голубь не замечает дефектов только в одном случае из ста.

Голуби-контролеры хорошо работают и у нас. Инициатором этого нововведения явился заместитель главного технолога одного из московских машиностроительных заводов А. М. Быков. Вместе с товарищами по работе — инженером-конструктором С. К. Лапшиной и начальником лаборатории А. С. Пантелеевым — Быков решил использовать голубей для визуального контроля шарикоподшипников. Голубь — чуткая птица, и повозиться с наладкой «голубиногот ОТК» пришлось изрядно, но в конце концов дело пошло на лад. И вдруг произошел непредвиденный случай. Крылатые контролеры стали браковать все шарики подряд, без разбора! Не помогло ни удвоенное вознаграждение, ни улучшенное освещение. Причина оказалась совершенно неожиданной. Голуби замечали даже следы пальцев на зеркальной поверхности и отправляли шарики в брак... Стоило предварительно их протереть, как все стало на свое место, и работа наладилась.

Интересно, что голубь, получая вознаграждение только за бракованные детали, никогда не «жульничает», чтобы получить лишнее зернышко.

В различных отраслях промышленности десятки тысяч людей выполняют функции контролеров. Занимаясь профилактикой брака, они хотя и принимают участие в общественно полезном труде, но практически ничего сами не производят. Конечно, во многих случаях используются автоматические системы контроля. Но техника эта бывает сложной и, следовательно, дорогой в изготовлении и эксплуатации. Голубь же птица неприхотливая, на ее содержание требуются мизерные средства. И там, где контроль зрительный, голубь может справляться с разными функциями. Зрительный аппарат голубя обладает большой избирательной способностью. Любопытно, что от распознавания одного типа дефектов к распознаванию другого птица переходит сравнительно легко и быстро. На переучивание иногда бывает достаточно двух-трех часов. «Пропускная способность» крылатого контролера — 3—4 тысячи деталей в час. Работать он может, как показали опыты, несколько часов подряд, не обнаруживая признаков усталости и не снижая качества контроля. Некоторые исследователи считают, что голуби могут найти себе работу в služбах технического контроля на предприятиях радиоэлектроники, приборостроения, машиностроения, на галантерейных фабриках, консервных заводах, фруктовых и овощных базах и даже в банках.

Да, да, голуби, возможно, могут работать бухгалтерами и кассирами! Сотрудник Стэнфордского университета доктор Сонтаймер задался целью обучить голубей... грамоте. Стаи из 26 голубей обучаются грамоте по весьма своеобразной системе: каждый голубь должен запомнить только одну определенную букву алфавита. Такие стаи собираются разместить в отделах крупных банков. Получив чек и «прочитав» фамилию лица, его подписавшего, голуби должны отстучать поочередно все буквы этой фамилии на клавишах специального автомата, который затем переправит чек для оплаты в автоматизированную бухгалтерию.

Аналогичным образом голуби могли бы заниматься на почтамтах сортировкой писем. Представьте себе, что мы посадили у конвейера 33 голубя — по числу букв русского алфавита. Каждый «сортировщик» знает только свою букву. Увидел, скажем, тринадцатый голубь букву «Л» (условный индекс одного из почтовых районов) — клевок — згмкнут

контакт сбрасывающего устройства — письмо ложится в соответствующее отделение.

Разумеется, для такой работы голуби должны безошибочно различать и буквы и цифры самого разнообразного начертания. Можно думать, что они и с этим справятся: удастся же им после тренировки безошибочно различать даже незаметные для человека царапины в выпускаемых деталях!

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ МОРЯ

Хотя о дельфинах в последние годы написано очень много, обойти их в нашем рассказе мы не можем.

Еще две тысячи лет назад Плутарх пришел к выводу, что «...дельфины — единственные из животных, которые любят человека так же, как и самих себя». В своей книге «Разум животных» великий мыслитель писал: «...дельфины — единственные существа, нашедшие великий философский принцип — дружба не за вознаграждение». Тем не менее еще лет 15—20 назад никому и в голову не приходила мысль о возможности будущего сотрудничества человека и дельфина.

Сейчас, как известно, положение резко изменилось.

Профессор зоологического института в Базеле А. Портман сопоставил умственные способности отдельных представителей живого мира. Он составил шкалу, исходя из результатов исследования различных участков мозга, заведующих теми или иными функциями организма. Конечно, такая шкала весьма условна, она многого не учитывает и не является в полном смысле показателем интеллекта животных. Тем не менее данные заслуживают внимания. Высший балл, естественно, оказался у человека — 215. А следующий получил дельфин — 190 пунктов. Он совсем немного отстал от человека. Дальше идет одно из крупнейших травоядных — слон (150 пунктов); у ближайшего нашего родича обезьяны число пунктов равно лишь 63, у зебры — 42, у жирафы — 38, у лисицы — всего 28 (вот тебе и «самый хитрый зверь!»). Самым «глупым» оказался гиппопотам — 18 пунктов.

Сейчас ученые разрабатывают интересные, порой граничащие с фантастикой, планы использования «интеллигентов моря». И такой подход к нашим «младшим братьям по разуму» вполне оправдан. Мозг, которым они обладают, видимо, имеет огромный запас «интеллектуальной мощности». Очевидно, его можно использовать для чего-то большего, чем беспорядочное плавание и еда. Первые практические шаги, сделанные в этом направлении, уже принесли весьма обнадеживающие результаты.

Примером может служить дельфин по имени Туффи, ставший одним из главных участников проводившихся в 1965 году у берегов Калифорнии глубоководных экспериментов в морской лаборатории «Силэб-11». В этих опытах Туффи исполнял обязанности связанного между людьми, находившимися на поверхности океана (на судне «Беркон»), и гидронавтами, которые 15 дней жили под водой в батискафе на глубине 62,5 метра. В его обязанности входила также охрана подводной лаборатории от акул (дельфин — единственное морское животное, которого боятся акулы). Кроме того, если бы кому-нибудь из гидронавтов грозила опасность, дельфин должен был как можно быстрее доставить его на спасательное судно. Каждый день Туффи доставляли на вертолете к месту эксперимента. Здесь на него на-

девали специальную упряжку, заканчивающуюся шнуром (за который могли ухватиться попавшие в опасное положение гидронавты), и спускали в воду. Ежедневно дельфин совершал около двадцати прогулок между судном «Беркон» и подводной лабораторией «Силэб-11», подносил исследователям необходимые инструменты. Однажды, когда один из исследователей сделал вид, будто сбился с пути в непрозрачной воде, Туффи подплыл к нему и проводил к подводной базе.

И сейчас Туффи не бездельничает. Он работает на военную машину Пентагона. Дело в том, что при запуске ракет в море падают сложные и дорогие телемеханические «устройства расцепки». Мутная вода и ил на дне исключают всякую возможность найти их с помощью водолазов-аквалангистов. Вот тут-то и воспользовались удивительными способностями дельфина Туффи. К каждому устройству перед стартом ракеты стали прикреплять миниатюрный излучатель ультразвука. В воде этот излучатель дает ультразвуковые сигналы, которые легко и на больших расстояниях улавливаются дельфинами. Туффи устремляется к источнику сигналов и без труда находит его на дне. А следом за дельфином на дно ныряет аквалангист с тросом. Туффи оказался выгодным работником. Уже в первые четыре месяца он сэкономил ракетному полигону 70 тысяч долларов.

Дельфины ведут организованный образ жизни. Их стаи имеют своих вожakov, наделенных рядом важных обязанностей и большими полномочиями: они выслеживают рыбу, возглавляют ее преследования, руководят окружением рыбного косяка. Известный американский исследователь Дж. Лилли даже уверяет, что дельфины, морские свиньи и киты не только лучше человека умеют ловить рыбу, но даже пасут ее! Во всяком случае, в Японии, где уже давно работают над проблемой создания подводных пастбищ, ученые начали грядиться над проектом использования так называемых «бурых дельфинов» в качестве наблюдателей за движением косяков рыбы.

Не так давно в зарубежной печати появилось сообщение о том, что сотрудником Морского научно-исследовательского института в Гонолулу удалось настолько приручить дельфина, что, выпущенный затем на свободу в море, он возвращался по зову человеческого голоса, усиленного через установленный на шлюпке мегафон. Этот опыт повторился неоднократно в течение дня, причем дельфин послушно сопровождал шлюпку, направляющуюся к берегу, до самой пристани. Достигнутые результаты считаются весьма ценными и полезными для проведения дальнейших подводных изысканий. Ученые надеются, что, приучив дельфинов, можно будет проникнуть с исследовательской аппаратурой в глубинные районы морей и океанов, до сего времени недоступные человеку. И тогда дельфины смогут «рассказать» людям о залежах полезных ископаемых, о неизвестных видах растений, о захваченных морем городах и о многом, многом другом...

НЯНЬКИ, СТОРОЖА, «ИНЖЕНЕРЫ» — А ДАЛЬШЕ!

Итак, в мире животных человек находит себе все больше и больше помощников. Обезьян кое-где приучили работать няньками. Они же работают сборщиками кокосовых орехов. В Сиднее сторожами магазинов все чаще «назначают» змей. В Павлодарской области бахчевод Шульга приспособил к охране плантаций беркутов, которые надежно огражда-

ют их от полевых мышей и птиц. Соколы отгоняют от аэродромов чаек, чьи стаи создают опасность для самолетов. Рыбы белый амур и толстолобик очищают Амударью и Каракумский канал от растительности. Этот способ оказался эффективней механических и химических средств борьбы с зарастанием водоемов.

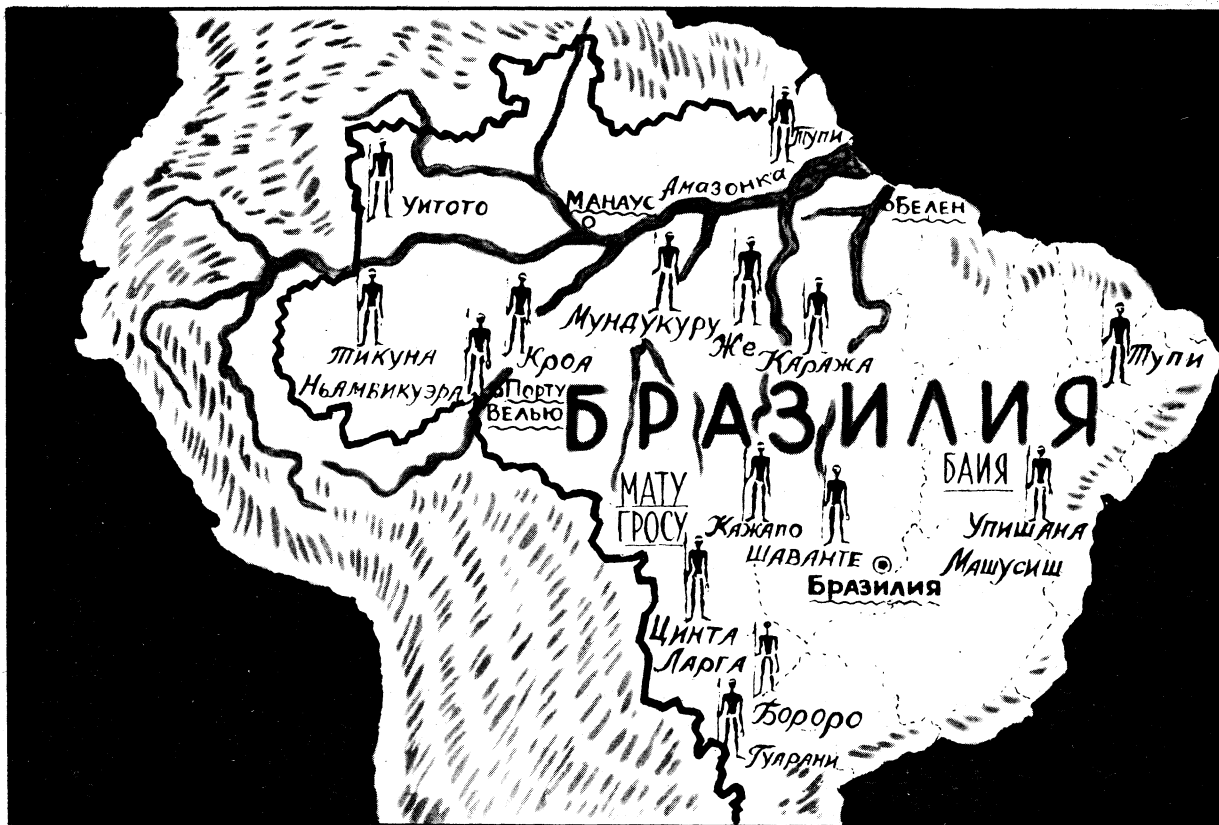
Перечисление можно продолжать и продолжать. Вернемся, однако, к тем случаям, когда животные участвуют в работах, так сказать, переднего края научно-технического прогресса.

Выяснилось, что выбор оптимальных трасс оросительных каналов можно осуществлять не только при помощи инженерных расчетов и дорогостоящего проигрывания моделей на электронно-вычислительных машинах. В ряде случаев работа ускоряется и становится более эффективной, если к ней привлекаются... ослы. Да, да, мы не оговорились. Эти животные в условиях бездорожья безошибочно выбирают кратчайший путь между двумя точками. Этого мало: выбранный ими кратчайший путь имеет самые минимальные из всех возможных вариантов спуски и подъемы. А ведь именно это и требуется для прокладки оптимальной трассы — при кратчайшем расстоянии минимум отклонений от горизонтали!

Давно известно, что многие животные очень чувствительны к переменам погоды. Некоторые виды японских рыбок заранее и безошибочно реагируют на ее изменения; за их поведением в аквариуме пристально следят не только рыбаки и крестьяне Страны Восходящего Солнца, но и капитаны океанских лайнеров. Хорошим барометром является и наша серая ворона: к ненастью голос у нее звучит глухо, а к ясной погоде, наоборот, приобретает звонкий, металлический тембр.

Казалось, можно было ожидать, что с появлением метеорологических спутников и автономных метеостанций, с усовершенствованием средств прогноза погоды интерес к «живым прогнозистам» снизится. Этого, однако, не произошло. Наоборот, способности животных предвидеть погоду становятся объектом все более пристального изучения. Ничего удивительного, если в недалеком будущем некоторые животные будут использоваться в качестве синоптиков и на современных станциях. Или их тонкие устройства будут разгаданы и воспроизведены современной техникой.

Сейчас мы убедились в том, что чем тоньше становится исследовательская аппаратура, чем больше появляется машин, механизмов, чем совершенней делаются методы расчета, тем шире для разных технических нужд используются самые различные животные. Парадокс, казалось бы, но парадокс мнимый. Накопление знаний ставит нам на службу все новые и новые силы природы, в том числе и живой. Могли бы мы использовать тех же голубей в качестве контролеров, когда не существовало науки о поведении животных — этологии и бионики, исследующей органы зрения с позиций, так сказать, инженерии? Вряд ли. Буквально в последнее десятилетие мы узнали много нового и о поведении животных, и о «конструктивных особенностях» их органов чувств. Это-то и помогает нам использовать их способности во все новых сферах. С другой стороны, они не только несут разную и порой тонкую техническую службу, но и обогащают науку, изучающую принципы действия и устройства «живых аппаратов», помогают создавать новые приборы и устройства.

ПИСТОЛЕРОС — КОММИВОЯЖЕРЫ СМЕРТИ

Журнал «Вокруг света» уже писал о систематическом истреблении индейцев в Бразилии, к которому причастны и официальные власти (№ 1 за 1966 год и № 9 за 1968 год). В последнее время в мировой печати появились новые факты, рассказывающие о трагической судьбе коренного населения этой страны.

«**Н**а небольшом суденышке, вроде баркаса, мы пробирались вверх по Риу-Уруэна. Когда человек падает в тамошний зеленый ад, ему хочется только одного — повернуть назад. Но с таким начальником, как наш Чико Луис, не поспоришь: этот парень вообще не признавал слова «нет» и чуть что хватался за автомат. Нам потребовалось немало дней, пока мы доплыли до Серра-ду-Норти. Там спрятали лодку и углубились в лес. Прошло еще пять дней, когда наконец мы заметили вдали вьющийся дымок. Значит, «дичь» близко. Не доходя до деревни,

На карте из еженедельника «Вохенпост» (ГДР) — расселение индейских племен, подвергшихся истреблению.

сделали на ночь привал. Перед рассветом полком, метр за метром, стали пробираться через густую поросль, пока не оказались у самых хижинок. Там и стали дожидаться солнца.

Ни свет ни заря индейцы уже были на ногах и принялись достраивать свои конуры — видно, они совсем недавно перебрались на это место. Чико поручил мне выследить вождя и взять его на себя. Я заметил, что один из индейцев сам ничего не делает, а стоит у большого камня и отдает распоряжения. Скорее всего это и был их предводитель. Я показал его Чико, и тот ответил: «Вот и займись им, а остальных предоставь мне».

ЕЩЕ РАЗ О...

Я попал ему в грудь первым же выстрелом, но Чико для верности полоснул по нему еще из автомата, а затем уложил остальных. Нам осталось только добить раненых... Земля по всей деревне была забрызгана кровью, как на бойне. Мы побросали трупы в ручей и отправились в обратный путь».

Этот деловитый отчет, опубликованный в бразильской газете «О Глобо», не исповедь раскаявшегося преступника. Атайде Перейра дос Сантос, участвовавший в зверской резне в джунглях штата Мату-Гросу, и не считает себя таковым. «Я лично, — сообщил он широкой публике, — не имею ничего против индейцев. Но ведь эти индейцы сидят на ценной земле и не знают, как извлечь из нее пользу. Поэтому их надо заставить уйти отсюда силой». Вот Перейра вместе с другими пистолерос — наемными убийцами — и выполняет эту «работу». Конечно, ему бы и в голову не пришло распускать язык, если бы посредник из Куябы, обещавший заплатить за «работу», не надул его.

Признания обманутого пистолеро вызвали в Бразилии грандиозный скандал. Под давлением общественности власти начали расследование, которое, увы, — а кто ожидал другого? — так ни к чему и не привело. Пока бюрократическая машина не спеша набирала ход, непосредственные исполнители бесследно исчезли. Кое-кто все-таки «утонул во время рыбной ловли», другие затерялись где-то в бескрайних дебрях Амазонии. Что же касается нанимателей пистолерос, то их фамилии вообще были вычеркнуты из обвинительного заключения ввиду «недоказанности согласия на учиненную резню». Однако, несмотря на стремление властей замять дело, в ходе расследования на свет выплыли потрясающие факты.

За каких-нибудь сто лет Бразилия пережила несколько приступов лихорадки более губительной, чем любая тропическая болезнь, — лихорадки стяжательства. В лесах Амазонии, где раньше обитало 2—3 миллиона индейцев, к началу нынешнего века из них уцелело не больше 150—250 тысяч, причем за последнее десятилетие эта цифра упала до 50—60 тысяч человек. Золотоискатели, серингейрос — сборщики каучука, гаримпейрос — добытчики золота — все приложили руку к страшной статистике. То, что не успели сделать они, сейчас довершают крупные компании и спекулянты земель.

Целых 700 миллионов гектаров, покрытых почти непроходимыми девственными лесами, занимает бассейн Амазонки. Проследить за поисковыми топографическими партиями, намечавшими трассы будущих автострад и железных дорог в этом бескрайнем зеленом море, было очень и очень трудно. Тем более что все работы велись втайне, чтобы раньше времени не вздуть цены на землю. Однако не успевали трассировщики обработать и сдать свои отчеты, а в ультрасовременных офисах столицы Бразилии уже оформлялись купчие на приобретение — конечно же, за гроши, раз речь шла о «дикой» территории, — громадных участков. Каким-то непостижимым образом дельцы, и местные бразильские, и налетевшие из-за границы, ухитрялись заранее узнать районы, выбранные для прокладки дорог.

Когда слухи о начавшемся необычном ажиотаже с «гиблыми местами» просочились в прессу, земельный бум достиг таких масштабов, что превзошел и золотую и каучуковую лихорадку. Страсти еще больше подогрела прокладка через тропические дебри первого большого шоссе от столицы Бразилии до города Белена. В течение короткого времени в районы, где пролегло оно, нахлынуло 400 тысяч переселенцев, которые были вынуждены втридорога платить за участки тем самым, преимущественно североамериканским, спекулянтам, что успели прибрать к рукам 67 тысяч квадратных километров лучших земель.

Согласно опубликованным сообщениям, автострады и железные дороги должны были быть проложены также к Манаусу и Порту-Велью. Земельные грабители и тут не опоздали и окказались на трассах еще до прибытия строителей. Однако здесь они натолкнулись на неожиданное препятствие — на индейцев. Статья четвертая бразильской конституции гарантировала индейцам «постоянное владение теми областями, где они проживают». Именно этому параграфу, принятому в свое время ради защиты индейцев, суждено было стать роковым в их судьбе.

Социологи зарегистрировали рождение в Бразилии новой профессии: лоббиста-крючкотвора, называемого «грилеро». За соответствующую приличную мзду (ведь грилеро приходится делиться с властью предрезающими) он проводит через официальные инстанции решения, объявляющие те или иные местности «свободными от индейцев» и, следовательно, разрешенными к продаже частным лицам. Затем наступает последний, самый трагический этап сделки. Поскольку индейцев все-таки необходимо действительно устранить с проданной земли, для «очистки» высылаются специальные банды наемных убийц — пистолерос, о методах которых достаточно красноречиво поведал на страницах газеты «О Глобо» один из них.

Власти осведомлены о том, что творится под пологом тропического леса, не хуже, чем о мошеннических проделках грилерос. Как это ни странно, в массовом истреблении индейцев замешаны и некоторые чиновники «Службы по охране индейцев» (СПИ). Подобные акции получили у них даже особое название — «борьба с вредителями». Чиновники, получив взятку, не только закрывают глаза на рейды пистолерос, но порой и сами подсказывают координаты индейских поселений. Согласно данным специальной комиссии по расследованию в провинции Рондония полностью истреблены индейские племена суриу, нямбикуара, пака нова, «мешавшие» прокладке шоссе дорог. В районе Боа-Виста из десяти тысяч индейцев упишана и ма-шусиш в живых осталось не больше трехсот человек. В штате Байя по вине чиновников СПИ исчезли два племени паташо. В целом же из 90 тысяч индейцев, находившихся под опекой службы, уцелело каких-то 20 тысяч. Остальные были уничтожены самым зверским способом или же загнаны в непригодные для жилья районы. «Еще 10—15 лет, — предсказывает бразильский этнограф Рибейра, — и индейцев в нашей стране не останется».

С. БАРСОВ

ПОЧЕМУ ОНИ ФИДАИНЫ?

▼ со стр. 28

Нашей соседке они разрешили войти перед взрывом в дом, чтобы взять своего трехмесячного ребенка. Женщина была так перепугана, что по ошибке схватила пустой куль — ты, может, знаешь, что у нас новорожденных всегда завязывают в такие толстые одеяла. Это было ужасно. Когда она поняла, что куль был пустым, дом ее уже взлетел на воздух... Она сошла с ума.

Мы шли целый день и остановились в какой-то пещере лишь потому, что я совсем сбил себе ноги. Да и не только я, многих тогда выгнали из домов босиком. Наконец мы пришли в Вифлеем, где был устроен специальный лагерь. В этом лагере и умер мой отец — я не мог тогда понять причину его смерти, ведь он ничем не болел. Отец ничего не ел, он совсем не спал, а все только плакал и без конца причитал: «Почему, почему... Что мы им сделали плохого, мы же всегда жили с евреями дружно... Что же случилось с ними? Я не верю, не верю всему этому...»

Лагерь стал для нас домом. Сначала мы все четверо жили в палатке, потом в бараке. Там я и вырос и научился делу — стал шофером. В двадцать три года я женился на девушке из лагеря, мы знакомы были с ней с самого детства. Она была племянницей той женщины, что, помнишь, оставила в доме своего ребенка. Нам удалось получить комнатку. У нас родились дети, ведь жизнь должна продолжаться, правда ведь? Мы уже смирились с нашей новой жизнью и почти не вспоминали о жизни старой, нормальной. Но однажды ночью — была обычная ночь, такая, как все, — я проснулся и, оглядев нашу комнатку, все увидел новыми глазами. И вдруг я понял, что потерял все: дом, тот прежний прекрасный дом в Хевроне, и свое достоинство. Тогда я понял, отчего умер мой отец: от стыда; тогда я понял, что нужно бороться, если хочешь вернуть себе дом и достоинство.

«И ты начал свою борьбу, Абу Якуб?»

«Нет, не сразу. Это произошло позднее, уже в 1967 году, когда Израиль занял остальные палестинские земли и захватил второй берег Иордана. В то время я работал шофером в Аммане. Помню, я доехал до моста Алленби, там меня остановили. Тогда я бросился в реку, чтобы вплавь попасть на другой берег. Под пулями я выбрался на землю и вскоре уже был в нашем лагере. Он был разрушен бомбежкой. В нашей комнате я никого не обнаружил. Весь день проискал я жену и детей, пока случайно не нашел их в католической школе «Святая Земля». Жена рассказала мне, что израильская артиллерия несколько часов обстреливала лагерь. Очень многих убило, а она с детьми успела убежать в эту школу, ведь ее бомбить не будут, она под защитой церкви Христа, которая стоит тут же рядом со зданием школы. Но пока она мне все это рассказывала, в церковь врезалась напалмовая бомба. Сразу же загорелась и школа. Я все равно не хотел уходить, потому что уже знал, чем все это кончится, я не хотел повторять ошибки своего отца. Но мне пришлось все же уйти, жена ужасно кричала, и она была, конечно, права: тогда было не время говорить о гордости — нас могли в любую секунду убить. В той школе пряталось множество детей, не меньше пятидесяти — без отцов, без матерей. Священник, который там был, советовал построить их всех в колонну, только так, говорил он, можно их спасти. Я их выстроил, и мы пошли к мосту Алленби. Мы шли два дня без еды, воды. Мы шли, пока в полдень на нас не спикировали два самолета, пока они не начали нас расстреливать. Нет, скажите мне, почему им надо было расстреливать пятьдесят детей? Ведь они видели, что это были дети!

Мы перешли по мосту Алленби на другой берег — они свободно пропускали всех, кто покидал Палестину, но обратно в Палестину они уже никого не выпускали. Мы пришли наконец в Амман, и только там я обнаружил, что с собой мы не взяли ничего — ни одежды, ни

одеяла, ни пары ботинок. И я снова почувствовал себя беспредельно униженным, потому что во второй раз мне пришлось бежать со своей родины, из своего дома, оставив в нем все. «Хватит, — сказал я тогда своей жене, — так больше нельзя. Я разыщу свой грузовик, вернусь домой и привезу сюда хотя бы вещи».

У того же моста меня остановила полиция. От меня требовали пропуск, которого у меня, конечно же, не было. Я им сразу же об этом сказал: пропуска у меня нет, но я могу дать вам свое честное слово, я ведь только съезжу за вещами и тут же вернусь. Израильтянин сплюнул на землю: честное слово араба, ха! И ударил меня по голове прикладом автомата. Тут как раз подошел другой израильтянин, увидел кровь на моем лице и принялся ругать того, кто меня ударил. Он даже извинился передо мной и сказал: «Езжай, езжай!» Я ехал домой, и меня раздражала ненависть к тому, кто ударил, и признательность к тому, кто за меня вступился. Наконец я приехал в лагерь, вошел в свою комнату... она была пуста. Из нее вынесли все! Я вернулся к мосту и уже не чувствовал никакой симпатии к тому израильтянину, что вступился за меня. Я чувствовал только ненависть и еще боль в разбитой голове. Я вел грузовик и думал: так дальше жить нельзя, сионисты не изменятся, они так и будут двигать вперед, если мы их не остановим. Я вспомнил, что мне говорили о фидаянах, вспомнил, что их лагеря находились вроде в Сирии, и когда подъехал к развилке, то выбрал дорогу не на Амман, а свернул налево, на ту дорогу, что ведет к Дамаску. Вечером я уже был в городе. Я спрашивал у встречных, где здесь принимают в фидаяны. Мне долго не отвечали. Наконец кто-то сказал: «Езжай по этой дороге, когда выедешь из города, тебя остановят». Меня действительно остановил патруль. «Что тебе здесь надо?» — спросили они меня. «Я хочу стать фиданом», — ответил я. «Зачем?» — спросили они. «Чтобы вернуться домой», — ответил я. Так я стал фиданом...»

Перевел с итальянского
И. ГОРЕЛОВ

ЗА КРОКОДИЛАМИ В ОРТИГОСУ

В. СИНЮКОВ

Из кубинского блокнота

Воздух застаивается в мангровых зарослях, как в старом, гнилом погребе. Только река Сантьяго прорезает в зарослях узкий коридор. Ветви деревьев с темно-зеленой, глянцево-листой поднимаются прямо из воды.

Мы движемся по течению реки в старой лодке, она пропускает воду и при каждом ударе весел скрипит, будто вот-вот рассыплется. Хозяин лодки, наш старый друг Петронило клянется, что эта развалина забыта Колумбом при его первом посещении Кубы. Колумб, утверждает Петронило, высоко ценил судоходные качества нашего челна.

— Сомневаетесь? — с нарочитым удивлением спрашивает он. — А зря, — его беззубый рот растягивается в улыбке. Он произносит горлом «хе, хе!» и налегает на весла.

Резкий гниющий запах преследует нас повсюду. Вода в реке желтая, как в болоте, и почти не движется. Конец августа, температура перевалила за 30°. Влажность такая, что в легкие вместо воздуха проникает липкая, густая масса, явно не содержащая кислорода. Рубашка, пропитанная солью, прилипла к спине, но стоит ее снять, невидимое солнце начнет безжалостно утюжить плечи.

Мы разместились в лодке вчетвером — Петронило, его сын Пабло, ленинградец биолог Виктор и я.

Виктор занимается морской фауной, я гидрохимик. Мы уже год работаем в гаванском Институте океанологии. Год этот промелькнул незаметно, так много было работы. Вроде бы совсем недавно нас встречали в аэропорту имени Хосе Марти, и вот пора уезжать.

С Петронило мы познакомились уже в первые дни на Кубе. Он пригласил нас в гости в Ортигосу, но мы все никак не могли выбраться, а потом надо было ждать охотничьего сезона. И вот теперь плывем по Сантьяго.

«Владения» Петронило, густо поросшие манграми, ограниченные с одной стороны морем, а с двух других реками, тянутся километров на десять. От Гаваны до Ортигосы километров сто.

Обязанности у Петронило самые разнообразные: он и лесник, и охотник, и проводник, нередко помогает океанологам, что проводят работы в заливе. Но, пожалуй, самая интересная его миссия — надзор за крокодилами, которые живут в многочис-

ленных речушках этой болотистой местности.

Я сначала не понял, что это за «надзор за крокодилами». Оказалось, что в недавние времена крокодилов на Кубе чуть не поголовно перебили. Природа, создавая это в общем-то малопривлекательное животное, снабдила его толстой и красивой шкурой. Когда в начале нашего века появилась мода на туфли, сумки, портфели и прочую кожгалантерею из крокодильей кожи, охота на несчастных земноводных приобрела такие размеры, что во многих странах они исчезли. Но на Кубе им все-таки удалось сохраниться в труднодоступных болотистых местах. Охота на них теперь допускается лишь в определенный сезон по специальным разрешениям. Так что первая задача Петронило — не допускать браконьерства. Вторая — отлавливать молодых животных и собирать яйца, которые самки откладывают в песок. На Кубе созданы специальные фермы, где разводят крокодилов. Потом шкуры и изделия из них идут на экспорт. На эти фермы Петронило и поставляет крокодилят. Кроме того, в сезон Петронило охотится сам и принимает шкуры у других охотников.

Петронило сосредоточен и молчалив. То вслушивается в тревожные звуки тропических зарослей, то настораживающе поднимает палец вверх, и мы замираем, не догадываясь еще, в чем же причина...

Наша лодка идет против течения.

На веслах Пабло, в этом деле он большей доки, мне и Виктору лучше не мешать ему. Да и получается у нас неважно. Слишком хлопаем по воде, а надо идти беззвучно.

Петронило торопит:

— Быстрее, быстрее, — и вдруг поднимает палец. — Слушайте?

Раздался странный гортанный звук, напоминающий кваканье старой лягушки.

— Крокодил, — утвердительно кивнул головой наш проводник. — Иногда они устраивают веселые концерты.

Русло реки сужается. Весла задевают за кусты. Перехватывая руками ветки, проталкиваем лодку в самую гущу зарослей. Но крокодилов и след простыл... В манграх крокодилы проделывают настоящие лазы, а в период дождей умудряются переползать по заболоченной низине из одной реки в другую.

Петронило предлагает попытаться счастья в соседней речушке. Мы соглашаемся. Отец и сын заговорщически переглядываются и хитро улыбаются.

— Пабло, пожалуй, оставим на берегу, — говорит Петронило, — справимся и без него.

— Если наши трофеи будут такими же многочисленными, как теперь, то, конечно, справимся, — замечает Виктор.

— Хе, хе, трофеи! — наш главный охотник широко улыбается. — Крокодилы нас уже ждут.

— Как же, — саркастически соглашается Виктор. — Здесь тоже ждали. Да, видно, не дождалось.

— Хе, хе! Здесь... Сейчас увидите, — словно испытывая наше терпение, весело продолжает Петронило. — Мы будем вытаскивать их руками... Да, да, руками!

Петронило круто разворачивает лодку и причаливает к манграм.

Виктор первый замечает в зарослях веревку, соединенную со стальным тросиком, уходящим под воду.

— Это еще что за штука?

Петронило потирает руки и ухмыляется. Жестами показывает нам то на фотоаппарат, то на воду. И молчит. Мыжимаем плечами, не совсем понимая его восторг.

Петронило возится на носу лодки. Наконец цепляется за хрупкие ветки и осторожно тянет веревку.

— Есть, есть! — радостно кричит он.

Мы хватаем фотоаппараты. Веревка натягивается, из воды показывается раскрытая пасть. Маленькие зеленые глаза зло смотрят на нас. Крокодил! Живо крокодил!

— Хе, хе! Готов! — кричит счастливый Петронило.

Крокодил висит в метре от воды, бьет хвостом, буйствует, но прочная леска крепко держит его. Фотографируем. Я не успеваю менять выдержку. Снимаю как-то неловко и торопливо.

Стальная леска крепко держит животное, и крокодил уже не кажется таким грозным и сильным, как на свободе. И все же это крокодил. Настоящий, живой трехметровый крокодил в родной стихии! Не меньше полчасика держал его на весу Петронило — крокодил должен обессилеть. Затем на него набросили веревку, крепко связали пасть и втащили в лодку. Килограмм на двести, пожалуй, потянет.

Виктор потуже затянул веревки, но мы все же стараемся держаться подальше от зубастого трофея.

Петронило между тем рассказывает нам о своем методе лова. Этот способ применялся, оказывается, еще в глубокой древности. Крокодилы, как и акулы, хватают все подряд, а потому поймать их на крючок сравнительно легко. В качестве наживки используется в основном птица. Крокодил незаметно подплывает под водой, хватая наживку и... Можете вытаскивать вашу добычу.

Петронило время от времени дергает за леску, крокодил открывает глаза, полные слез, и грустно смотрит на нас, подтверждая, что все сказанное случая правда. Именно так поपालся он, по своей нелепой крокодильей жадности. Его собратья, не отличаясь большой смекалкой, наверно, уже тоже висят на других крючках, поставленных два дня назад.

В этот день улов оказался весьма солидным. Петронило был прав, крючки штука надежная. Мы сняли еще трех крокодилов. Лодка с трудом выдерживала такой груз, захлебываясь при каждом сильном ударе весел. Вот, оказывается, почему Пабло остался на берегу...

Смеркается. Надо поторапливаться. Густая и тяжелая от влаги темнота не сулит ничего хорошего запоздалым путникам. Видно, поэтому Петронило так крепко налегает на весла.

Выбираемся на берег у дома Петронило уже в полной темноте. Самый молодой из четырех наших пленников отправится на ферму. С остальных мы снимем шкуры.

Ночью спать не придется. Керосиновый фонарь еле светит. Тяжелое это, оказывается, дело — свежевать крокодилов! Наконец приспособились, и работа пошла.

Эрнестина — жена Петронило — разожгла костер и возится с ужином.

— Вы такого еще никогда не пробовали, — уверяет она.

Мы пожимаем плечами. Виктор называет несколько известных ему кубинских блюд, но, увы, он далек от истины. Эрнестина в конце концов открывает секрет. Угощать нас будут не чем иным, как бифштексами из крокодилов! В пищу идет только хвост, поэтому из громадной туши набирается от силы килограммов двадцать мяса.

Бифштексы почти готовы... Вот теперь мы с Виктором чувствуем, как голодны и как ужасно устали.

— Ну что? Попробуйте, — советует Эрнестина.

Мы нерешительно смотрим друг на друга. Жареный крокодил, не слишком ли? Проглываем по большому куску жареного мяса и облизываем пальчики.

— А знаешь, вкусно, — говорит Виктор, — немного, конечно, жестковато, но ничего. Что-то вроде старой говядины.

— Или молодого слона, — добавляю я.

После ужина — снова за работу. К утру нужно успеть снять и засолить шкуры.

Несмотря на ночную прохладу, мы взмокли от пота. Ужасно устали пальцы, шкуру приходится постоянно натягивать и подрезать. Наконец приступаем к последней туше и в ней обнаруживаем пять яиц. Обычная скорлупа, белая и тонкая. По диаметру яйца как куриные, но более продолговатые, похожи на коконы тутового шелкопряда.

Каждое весом 80—100 граммов Петронило укладывает их в корзину с илом — тоже на ферму. А пару яиц протягивает Виктору.

В нашей лаборатории мы создали нехитрые условия — при помощи песка, ила и настольной лампы. И вот, хотя в успех мы несколько не верили, через несколько недель на свет появились два очаровательных крокодильчика. Малыши обладали прекрасным аппетитом и быстро набирали силы. Через полгода их перевезли в Ленинград, и они неплохо акклиматизировались на новом месте. Сейчас они живут у Виктора, на набережной Фонтанки, в большом старом доме.

„РА“ С Н О В А В О К Е А Н Е

В середине мая из Сафи (Марокко) к берегам Америки вышла в Атлантику «Ра-2». Перед стартом наш корреспондент Л. Жданов попросил ее капитана Т. Хейердала рассказать о целях нового плавания и его маршруте.

ТУР ХЕЙЕРДАЛ: Цель этого плавания — окончательно исследовать мореходные качества древней папирусной лодки и доказать, что в принципе древние мореходы Старого Света могли на папирусных лодках достичь Америки. Это исследование нужно довести до конца, чтобы развеять сомнения в возможностях папирусных лодок преодолеть океан. Незавершенность первого плавания отчасти объяснялась тем, что в конструкции «Ра-1» были допущены просчеты, обнаружить которые можно было только в плавании.

Это прежде всего относится к конструкции кормы, весел и рулевого устройства. В прошлогоднем плавании, если вы помните, корма была слишком слаба и волны довольно быстро справились с ней.

Папирус в новой «Ра» увязан в более толстые связки, что сделало прочнее корпус судна. Под кокауту на палубе постелены маты. Груз размещен с учетом уже «знакомых» ветра и волн. Кстати, мы пригласили на этот раз для строительства лодки индейцев с Титикака в Южной Америке, которые славятся как лучшие знатоки «папирусного кораблестроения».

Маршрут нового путешествия в начале плавания будет несколько изменен. Если вы помните, в прошлом году мы неделю шли вдоль западного побережья Африки, поглядывая на восток — не выбросит ли нас на камни. В итоге мы обогнули Канары с юга. Теперь мы попытаемся пройти к северу от них. Но в целом же наш маршрут определяется теми же течениями и ветрами, что и в прошлом году и... тысячу лет назад.

Меня часто спрашивают, намереваюсь ли я обобщивать возможности обратного плавания на подобных лодках — из Америки в Старый Свет. Пока еще трудно говорить об этом — но, учитывая направление течений, нельзя отрицать, что в принципе такое путешествие возможно.

ИГОРЬ МОЖЕЙКО, наш спец. корр.

МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Летом Надя Старкова приехала из интерната в Моршечное. Теперь от Моршечного и следа не осталось, балаганы рассыпались, сгнили, огороды скрылись под зарослями кустарника, и даже рыба в речке забыла об отцовских сетях.

Бабка собиралась в лес, подвешивала к поясу поверх трикотажной кофты берестяные чумашки для ягод и корешков, звала Надю с собой. Высокие травы здоровались с бабкой, ягоды выглядывали из-за листьев, чтобы бабка их не упустила, птицы трещали, болтали, сообщали бабке новости.

Когда сажались перекусить, бабка отделила пицци для духов, одетых в листву многочисленных родственников плодового Кухте, а Надя смеялась, вспоминала, что у бабки есть спрятанная иконка.

— А твой бог не рассердится, когда узнает, что ты Кухте кормила?

— Бог дома. В лесу Кухте. А ты его не увидишь, он тебе не покажется.

Бабка помнила сказки и песни, которые все остальные в Моршечном уже забыли. Она пела о птице-рыбе по имени Митт и о хозяине зверей, который жил в облаках и гремел громом. А однажды рассказала Наде сказку о том, как одного ительмена злые люди посадили в бочку и пустили плавать по морю. Но ительмен не погиб, а добрался до острова, где жила красивая девушка.

— Эту сказку написал Пушкин, — сказала Надя с категоричностью молодости.

— Эту сказку мне давно рассказывали, — не сдалась бабка. — Хочешь дальше слушать?

Бабка знала и понимала лес, владела в нем тайнами, доставшимися ей от сотен поколений лесных жителей. О них еще в XVIII веке писал путешественник Стеллер: «Они имеют колоссальные познания в области ботаники... Обычно им известны все туземные растения как по их именам, так и по их свойствам». И когда жители маленького Моршечного переселились к морю, в село Ковран, бабка тосковала по лесу, и в этом ее не могло утешить ни кино в новом клубе, ни больница, ни радио, столь привычные и нужные для молодых.

Но тогда Нади на Камчатке уже не было. Она уехала в Ленинград, поступила на факуль-

тет народов Севера. Отец опасался сначала — куда в такую даль поедет девушка?

Потом сам говорил: «Хорошо, что поехала, не испугалась». Надин отец, в гражданскую ставший на сторону красных, человек уважаемый и серьезный, кончил лишь четыре класса церковноприходской школы еще до революции. Тогда это было много, очень много для ительмена. И он хотел, чтобы дети стали образованными. Надя вернулась на Камчатку с дипломом, историка, она учительствовала в школе. Потом переехала во Владивосток, где стала работать в секторе этнографии и антропологии Дальневосточного филиала Академии наук: и это случилось потому, что она встретила с человеком по фамилии Сэм. Он помог определить Наде ее стремления.

Юрий Александрович Сэм лишь половина тандема. Многочисленные статьи, что можно встретить в сборниках или научных журналах, посвященных Дальнему Востоку, часто подписаны сразу двумя Сэмами: Ю. А. и Л. И. Юрий Александрович — этнограф. Лидия Ивановна — филолог. Юрий Александрович едет в экспедицию к нивхам, найцам, удэгейцам изучать их историю и материальную культуру. Лидия Ивановна едет в ту же экспедицию и занимается топонимикой, составляет словарь и сравнивает диалекты малых народов. Если послушать, как говорят о Сэмах немногочисленные пока этнографы Владивостока, можно прийти к выводу, что разговор идет о старых и мудрых вождях племени. «Сэм сказал», «Сэм посоветует»...

А Сэмы в жизни не лишены чувства юмора, молоды, подвижны. И может быть, потому на их счету несколько десятков статей, докторская диссертация, лежащая у Юрия Александровича в столе, и много лет экспедиций.

Юрий Александрович сидит перед машинкой со списком вещей, крайне нужных к предстоящему полевому сезону. За окном ослепительное весеннее солнце Владивостока, корабли в бухте и голые пока деревья бульварчика, сбегającego круто к причалам.

— Я очень обрадовался, встретив Надежду Константиновну Старкову, — говорит он. — В на-

шем деле нет более полезных ученых, чем представители малых народностей Дальнего Востока. Они знают язык, отмирающие обычаи. А с Надеждой Старковой этнографии просто повезло. Пришла она к нам лаборанткой с твердым желанием заниматься историей и культурой родного народа.

Лаборантам положено исполнять вспомогательную работу. Лаборант — низшая ступенька на научной лестнице, и далеко не все находят в себе силы и возможности шагнуть на следующую. А лаборантка Надежда Старкова с первого дня работы знала, что шагнет. Характер у нее достаточно упорный. Уехала ведь в свое время в Ленинград. А теперь была уверена, что станет рано или поздно первым этнографом среди ительменов. И пока училась. В старинных застекленных ящичках каталога библиотеки Географического общества разыскивала карточки, где мелким каллиграфическим почерком с «ятами» значились фамилии Крашенинникова, Стеллера, Иохельсона, Гапановича, Кенана — всех тех, кто побывал на Камчатке и писал о маленьком народе ительменов.

Первым был Владимир Атласов, пятидесятник из Анадыря, закончивший дело Ермака. В 1696 году со ста двадцатью казаками он ушел на Камчатку. «Пошел он, Володимер, из Анадырского острога на службу великого государя, для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя руку вновь неясных людей, которые под царскою высокодержавною рукою в ясачном платеже не бывали».

Два с половиной года ходил Атласов по камчатской земле. Он не только осваивал полуостров и собирал дань, а записывал то, что видел, и «сказка» его — первый по времени источник о населении Камчатки, его обычаях и составе. Говорится там и о многочисленных «камчадалах», населявших большую часть полуострова. Жили камчадалы в больших полуземлянках, выбираясь оттуда наружу через дымовое отверстие, а летом переселялись в легкие балаганы, стоявшие неподалеку. В полу-

землянке жил весь род, человек до двухсот, а балаганов было множество, по двадцати на землянку.

Вслед за казаками приехали кушцы, чиновники, миссионеры. Первые русские крепости были построены еще при Атласове, а в 1740 году на Камчатку привезли крестьян-переселенцев из России. Еще через десять лет архимандрит Хотунцевский, глава духовной миссии, крестивший ительменов, донес в Петербург: «Все камчадалы, кроме самых изменщиков коряк, в дальности от Камчатки с места на место переезжающих, благодатью божьей, святым крещением просвещены». Донесение было лживым, ительмены почти ежегодно восставали.

Первый ученый появился на Камчатке через несколько десятилетий после казаков. Но в этом Камчатке повезло — ученым был Крашенинников, и он создал «Описание земли Камчатки». Описание издавалось неоднократно и до революции и после нее; оно породило множество научных трудов и исследований, и трудно отыскать в XVIII веке книгу столь точную, подробную, добросовестную и так ярко написанную.

Крашенинников застал ительменов уже покоренными, хотя и не покорившимися окончательно, сильно уменьшившимися в числе и волей-неволей перенявшими у пришельцев многое и в языке и в обычаях.

Крашенинников первым записал и попытался объяснить название этого народа — ительмены. «Камчадалы как северные, так и южные называют себя ительмен, житель... корни сих слов... остались в языке камчадалов, которые живут между Немтиком и Моршечной».

Объяснение слова «ительмен» претерпело за последующие годы ряд изменений, ибо изменился и язык народа. Этнографы и филологи объясняли его по-разному. И все-таки, вернее всего, Крашенинников был прав. Согласно с ним и Надежда Старкова. Ительмен — значит местный житель.

Лаборанту можно и желательно участвовать в экспедициях. Но лаборант не может уехать в собственную экспедицию. Каждый уважающий себя бухгалтер скажет на такое предложение: «Помилуйте, у нас средства ограничены, все хотят ехать в поле, опытным людям

отказываем в дополнительных деньгах, а тут девушка, вчера из института, поедет сама по себе за тридцать земель». В общем, бухгалтер прав, хоть это и обидно.

Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук пока невелик. Этнографов, археологов и филологов в нем единицы. А Дальний Восток необъятен, и путешествие от Владивостока до Северной Камчатки дольше и труднее, чем путешествие через всю Европу.

Бухгалтеры правы, но если лаборантка прочла все, что можно прочесть о своем народе, если она знает все, что сделали до нее другие, то пора сделать следующий шаг — продолжить их дело. А ведь наступает лето — то было лето 1963 года — угол комнаты, где стоит стол лаборантки Старковой, заполняют палатки и спальные мешки. Сэмы запирают шкафы с топонимическими карточками и рисунками орнаментов, шаманскими идолами-бурханами и поделками из дерева нанайцев и удэге. Все собираются в поле. Лишь лаборантке Старковой опять оставаться в дождливом летом городе.

И тут пришел к Старковой Сэм и сказал:

— Вот деньги. Их немного, но хватит на билет до Петропавловска и обратно. И на то, чтобы не помереть с голоду. Согласно ехать?

— Как же я помру с голоду дома? — ответила вопросом на вопрос Надежда. — А откуда деньги?

— Деньги «нелегальные». Нет, не бойся, никакого преступления за ними не скрывается. Мы тут подумали вместе с археологами и решили, что сможем немножко выделить из наших экспедиционных средств.

И Надежда Старкова поехала в экспедицию на Камчатку. В единственном числе.

Надежда не была дома несколько лет. А когда приезжала раньше, просто возвращалась домой, окуналась в домашние проблемы и заботы, занималась с сестрами, которые тоже решили стать специалистами. Одна — врачом, другая — учительницей.

А теперь все изменилось. Мать ругала дочку почти всерьез:

— Другие приезжают в гости, отдыхают, гулять ходят. Одна ты все воскресенье с бумажками сидишь, пишешь, фотографиру-

ешь. И почему ты одна такая несчастная?

Экспедиция Старковой началась с села Ковран. Здесь было легче — ее знали. Здесь было и труднее. И потому, что вещи, раньше обычные и примелькавшиеся — и бабушкины чумашки, и старые торбаса, закинутые за ненадобностью в кладовку, и нож, которым дед когда-то, еще в Моршечном, расщеплял стебли кипрея, — вдруг приобретали особый, отделенный от их повседневной жизни, этнографический смысл. Они становились памятью о прошлом народа.

Было трудно и потому, что село Ковран не похоже на Моршечное, на старинные ительменские острожки. Оно стоит на широкой безлесной равнине, и прямые улицы его упираются в реку. И дома его, и детский комбинат, и школа, и больница, и электростанция, — все это ничем не напоминает полуземлянки, балаганы, избенки, раскиданные в беспорядке среди лесов. И увидеть прошлое, угадать его следы и то, что осталось от него в повседневной жизни ительменов, не так легко.

Исследователи не могут прийти к согласию, сколько было ительменов на Камчатке. Но в любом случае — более десяти тысяч. В отличие от коряков, чукчей, долгое время сохранявших хотя бы частично независимость, ительмены жили оседло и не могли откочевать в тундру. Океан привязывал их. Сборщики ясака безошибочно находили дорогу к острожкам. Восстания, бунты племен подавлялись царскими властями быстро и жестоко. После каждого восстания число ительменов уменьшалось. Уничтожали народ и болезни. Долгое время прожившие в изоляции, на полуострове, ительмены не имели иммунитета даже против простуды, не говоря уж о туберкулезе, оспе. От гриппа вымирали целые деревни. Водка, которую привозили торговцы, довершала дело истребления народа.

Камчатка помнит и людей, искренне заботившихся о судьбе ее жителей. К ним относятся, например, капитан Завойко, герой обороны Петропавловска против английской эскадры во время войны 1854—1855 годов. Были врачи, учителя, чиновники, старавшиеся облегчить участь ительменов. Но таких в дореволюционной истории Кам-

чатки меньшинство. Гораздо больше было среди администраторов царского правительства самодуров вроде Бухарина, о котором — и его собратьях — с горечью отзывался исследователь Камчатки Гапанович.

К началу XX века ительменов осталось меньше тысячи. После революции, когда стало возможным учесть и переписать камчатское население, ительменов насчитывалось около пяти-сот человек.

Старкова приходила в дом, здоровалась, говорила о разных разностях — о жизни, заработках, о планах на будущее, фотографировала комнаты, такие же, как комнаты в домах русских, посуду на кухне. Потом начиналось более трудное. А как было раньше?

Быт кочевых народов, оленеводов, идущих за стадами, сохраняется и по сей день многие черты, необходимые именно для этой трудной жизни. Быт таежных охотников — нанайцев, удэгейцев, орочей — так же приспособлен к долгим странствиям в тайге, так же устойчив, и когда в него приходит новое, то черты, связанные с исконным национальным промыслом, — одежда охотника, лодки и так далее — доживают до наших дней и отлично соседствуют с достижениями современной цивилизации.

Ительмены уже более двухсот лет назад попали в условия, им несвойственные и трудные. Они были рыболовами, хоть и знали отлично тайгу. Их заставили платить ясак мехами и сократили рыболовство. Они поклоня-

лись духам лесов и морей, жили большой семейной общиной — христианские проповедники словом и делом заставили их расселиться в худые избенки, где болели и взрослые и дети. И когда после гражданской войны, окончившейся на Камчатке лишь в 1923 году, к ительменам приехали первые врачи, учителя, обнаружилось, что народ находится на грани вымирания, полного исчезновения.

С тех пор прошло полвека. Сегодня ительменов на западном побережье Камчатки более тысячи человек, там есть интернаты, клубы, национальный колхоз. Но многого в материальной культуре народа, подорванной сотни лет назад, ныне не вернуть. Каждый предмет, да и не только предмет, но название его, память о нем доставались Надежде Старковой с трудом и после долгих розысков и бесед.

Это ушедшее и уходящее на глазах не всегда есть нужда возвращать в быт современных поселков. Ибо иные приметы прошлого твердо связываются у людей лишь с бедностью и грязью прошлых лет. Но этнографам необходимо знать все, да и не только этнографам. Вещи, быт, предания, оружие, орудия труда ительменов — все это крайне важно для воссоздания истории Сибири и Дальнего Востока, для понимания сложнейшей истории азиатских народов.

Первая же экспедиция оказалась не только этнографической. Она была и попросту спасательной. Пожалуй, этнографии повезло, что в экспедицию отправилась ительменка. Знание язы-

ка позволило не только беседовать со стариками и даже порой поправлять их, когда они старались вспомнить название того или иного предмета, но и составить первый очень важный словарь, включающий термины повседневной жизни ительменов.

Прошло пять лет. Пять экспедиций. Старкова побывала во всех ительменских селах, поговорила буквально с каждым стариком, привезла во Владивосток горы исписанной бумаги, рулоны пленки, модели предметов, которых уже не осталось, и образцы вещей, которые можно было еще отыскать. Прошло еще полтора года. И бывшая лаборантка, отправленная столь недавно в полулегальную экспедицию товарищами, защитила диссертацию «Материальная культура ительменов» — первый в мире сводный труд, рассказывающий о жизни маленького народа, местных жителей полуострова Камчатка.

А сейчас снова весна. Снова в залитых солнцем маленьких комнатах отдела истории и этнографии сложены в зеленых чехлах палатки и спальные мешки. Собираются в экспедицию на Амур, Сучан, Уссури этнографы и археологи.

— А что дальше, Надежда Константиновна?

— Дальше — духовная культура ительменов. Кое-какие материалы собраны в предыдущих экспедициях. Кое-что придется разыскивать на месте. Ведь спроси у кого-нибудь из молодых ребят, кто такой дух Кухте, — ни за что не скажут. Откуда им знать. Надо работать. Время не ждет.

Последние из юри?

Еще в декабре 1968 года в колумбийских тропических лесах между реками Какета и Путамайо пропал без вести охотник Хулиан Гиль, отправившийся из маленького юго-восточного городка Ла Педрере в очередную экспедицию за шукурами ягуаров. Несколько недель спустя на поиски его был снаряжен большой отряд. И неподалеку от одного из мелких притоков реки Какета отряд наткнулся на затерявшуюся в тропических лесах крошечную деревушку, о существовании которой не подозревали прежде даже проводники охотников, следопыты-индейцы. Несколько десятков жителей этой деревушки говорили на совершенно неизвестном охотникам языке и обрабатывали свои крошечные плантации при помощи... каменных ножей...

Поисковая экспедиция, впрочем, пробыла там недолго — отряд продолжал поиски пропавшего без вести охотника, — но в июле прошлого года деревушку посетил французский журналист Берже. Все его попытки установить с местными жителями контакт потерпели неудачу — они не говорили ни на одном из известных репортеру, не первый раз отправлявшемуся в джунгли, индейских наречий. Проведя там несколько дней, записав свои впечатления и захватив «на память» каменный топор, журналист вернулся в Ла Педрере...

Найдено поселение племени, еще не вышедшего из каменного века — в этом у ученых, изучивших сообщения охотников и Берже, сомнений нет. Однако что это за племя? В сообщениях прошлого века между тем изредка встречаются упоминания о том, что примерно в этом же районе некогда обитало большое индейское племя юри. В течение уже многих десятилетий ничего о нем не было известно, исследователи полагали, что оно полностью вымерло. По мнению известного американского этнографа Роберта Карнейро, изучившего сообщения из Колумбии, месторасположение деревни свидетельствует о том, что найдены последние индейцы племени юри. Об этом же, согласно предположению этнографа, говорит и тот факт, что эти индейцы не понимают ни одного из индейских диалектов. До настоящего времени дошли несколько коротких списков слов юри, составленных еще в прошлом веке путешественниками, изредка посещавшими этот район непроходимых джунглей. Насколько могут судить исследователи на основании этих слов, язык юри действительно не был связан ни с одним «соседним» языком... «Однако, — утверждает американский этнограф, — чтобы ответить на вопрос точнее, нужна специальная антропологическая экспедиция. Колумбийские тропические леса на юге страны почти непроходимы. И кто знает, когда «последние люди» каменного века встретятся лицом к лицу с учеными?..»

И. ЮРЬЕВ

ИВО АНДРИЧ,
ЮГОСЛАВСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

У СВЕТЛОГО ОХРИДСКОГО ОЗЕРА

Неясный воглас, которым рыбаки перебрасываются от лодки к лодке, вытаскивая сеть. Что-то вроде «а-а...» или «о-о...», но скорее неопределенно слитное из двух этих звуков. Это стусок ночи среди светлого дня над незыблемо ровной и сверкающей поверхностью озера.

Простое междометие, поразительное и самой скромностью, а в односложности и целесообразности своей достойное сравниться с каким угодно ярким и значительным словом. Единственный растянутый слог из песни, что вся — и до него и за ним — выражена в немом и древними канонами освященного труда и деянии. Высокий звук, порождаемый и изменяемый потребностью, но и ограниченный ею; всегда одинаковый и никогда не повторяющийся, как и улов на серебристом дне сети. При каждом ее вытягивании он — необходимый звуча-

щий миг в безмолвном труде, и колеблется в воздухе ровно столько, сколько нужно, а затем обрывается где-то в мокрых завитках уложенного невода и скрученных веревках, чтобы при новом забрасывании сети вновь прозвучать в нужный момент и в нужном месте.

Поистине завидная судьба — быть в огромном жизненном оркестре человеческих слов и звуков лишь необходимым и верным сигналом, кратким, но красноречивым. Быть только таким и потому с завершением долга — исчезать.

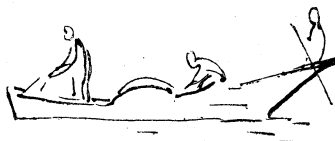
Если вы, купаясь солнечным днем в Охридском озере, вынырнете, резко рассекая воду над собой, вокруг вас на гладкой светло-голубой поверхности появятся прозрачные серебряные пузырьки, большие и маленькие. В любом из них двойственно отразится солнце, как в неравных линзах. Прильнув к какому-нибудь большому пузырьку и затаив дыхание, чтобы он не лопнул, вы, как в кривом зеркале, сумеете разглядеть в нем свое лицо, мокрое и улыбающееся. И как яркая звезда, над вашей головой каждый раз позиснет большое отраженное солнце.

Все это длится мгновения, как и всякая красота, а повторится бесконечно.

На том берегу гигантская — от неба до земли — белесо-серая завеса льющегося вдали дождя. Перед ней все явственнее вырисовывается радуга, возникающая у самой глади озера. Она утончается кверху, не дотягиваясь и до середины небесного свода, как кривая турецкая сабля. Чуть поодаль от нее — со стороны внешнего изгиба сабли, как ее отблеск, — вторая радуга, точно такая же, но короче, тоньше и слабее, а за ней — третья, едва заметная.

Поразительна игра этих воздушных невинных мечей.

В охридской церкви святой Софии и рядом с ней ведутся реставрационные работы и раскопки. Внутри, под самыми сводами, затерявшимися в сплетении строительных лесов, несколько молодых людей терпеливо и медленно удаляют со старых фресок штукатурку, которой их покрыли турки в то время, когда эта церковь служила мечетью. Работая, юноши поют — то кто-нибудь один, то сразу несколько, каждый — свое. Пев-

цы невидимы, а негромкое их пенье усиливается чудесным многократным отзвуком. Поют своды. Мелодии скрещиваются, но не смешиваются, поглощая одна другую, а сопровождаемые эхом лабиринтов, создают звуковое слияние, где несколько мелодий, каждая по-своему, стекают в море тишины, льются, как несколько потоков, еще обособленных, но уже связанных близостью единого устья. В эхе сводов гулко зарождаются и быстро гаснут ноты отрешения и очарования минувших верований, переплетенные с мелодией земных желаний и любви, с настойчивостью и надеждами наших дней. А глубже под ними я, кажется, различаю глухие обрядовые тона языческих храмов, чей мрамор поработан в толще стен этого святилища, служившего столетиям эпохам и поколениям.

Время от времени какая-нибудь из этих мелодий гаснет и прерывается, но и тогда я знаю, что она не перестает струиться — только где-то вне досягаемости моего слуха, и что он еще уловит ее, неожиданно, но обязательно, может быть, вот сейчас...

Пространство, образуемое темно-зеленым плодородным полем близ города и голыми горными откосами вокруг него, быстро становится близким человеку и привязывает к себе. Все же и глазам и разуму нужно время, чтобы совершенно разобраться в этих просторах и сродниться с ними. Под светом солнца это поле, обильное влагой и плодами, приятно для глаза, как благодать земная и дело рук человеческих, а лилово-розовые откосы, в чьих уступах краснеют крыши скученных селений, окрашены в цвет ткани женских передников и яблоч, заалевших под добрым сентябрьским солнцем. Все выглядит ясным и понятным. Но чуть только солнце зайдет за горные цепи на другой стороне озера, эта местность меняется, тотчас становясь недоступной и загадочной, и необходимы новые усилия, чтобы постичь и понять тихую ее речь. И когда ночь и тишина (а ночь здесь — поистине ночь, и тишина — подлинная тишина!) окутывают этот край, я долго еще в своем разговоре с ним отыскиваю причины зарождения и жизни каждого возделанного клочка земли и каждого уголка человеческих селений.

Удивительно, что по извечному закону противоположностей в этом крае тишины живут буйной жизнью звук и мелодия. В лодке, далеко на озере, кто-то тихо должен петь, совсем что-то приглушенное и невнятное. До меня долетает только предчувствие мелодии, я больше задумываюсь о ней, чем слышу ее, и, однако, она — прочно во мне, она и во сне останется со мной, и я не утеряю ее, пробудившись.

Мелодии здесь старятся и исчезают, но не умирают; они не рождаются, а воскресают.

Совсем нетрудно заметить одну из характерных черт здешнего человека. Это огромная его собранность и способность сосредоточиваться и полностью отдаваться делу, которое он выполняет. Его внимание не блуждает, и руки его не знают сомнений. Он не думает о себе, о положении, которое займет, и о впечатлении, которое оставит, но только — и единственно — о конечной цели своей работы, о плоде, который должен принести одновременный труд его мыслей и рук. А мысль не сбивает его и не рвется к цели преждевременно. Он весь, без остатка, присутствует и в малой толике своего труда. Крестьянин, хлопотущий около своего ослика, рабочий, обтесывающий камень на стройке, рыбак, тянущий сеть, — все они молчаливы, полны достоинства и погружены в свой труд, как бы согревая его и дыханием и кровью. Редко где в нашей стране можно увидеть человека, который бы настолько сросся и слился с делом, которое выполняет, как здесь, на берегах этого озера.

Взбираюсь и взбираюсь крутыми улицами все выше; от этого подъема обливаешься потом, дыхание перехватывает, а оглянешься — горизонт все никак не раскроется. Нет ни плодородной равнины, ни озера, оставленного внизу, чтобы лучше увидеть его с высоты. Взбираюсь вверх среди строений, что, как сестры в многодетной семье, все похожи друг на друга, а ни одно не повторяется полностью. Все круче и тяжелей путь, но горизонт не хочет открыться. Наверное, смысл здешнего градостроительства таков: улицы существуют лишь затем, чтобы по ним можно было добираться

до дома, а о человеке, у которого нет дома и который остается на улице, не стоит и беспокоиться. Улица — это напряжение и однообразие, а дом — отдых и блаженство. Только когда войдешь в дом и поднимаешься по лестнице, сможешь увидеть с террасы или из высокого окна то, что, думается, и составляет главную цель этой архитектуры и дает людям все им необходимое — воздух, и солнце, и прелесть вида на озеро и ближние пределы.

Взбираюсь по беспощадному булыжнику среди запертых ворот и белых стен. Изредка, как помотришь вверх, охватывает сомнение в том, что этот путь завершится, а крутизна улочек сливается в затуманенном зрении в водопад голубых и огненных искр. Да есть ли тут вообще конец и выход?

Пока вдруг не полыхнет горизонт, весь прозрачен и светел, пред чьей красотой немеешь. И это самое лучшее. Не говорить ничего — ни вслух, ни про себя. Любое изумление надо оставить для менее значительной и менее необычной красоты.

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

Я стою и гляжу, и тягостно мне лишь от сознания, что должен буду уйти отсюда, спуститься. Но сейчас, когда вижу, какой неповторимый кругозор разверзается перед каждым окном любого из этих ветхих строений, я понемногу начинаю разбираться в фантастической азбуке этих вытянутых домиков и необычно выступающих террас. Тому, кто вскарабкался выше, кто лучше смог и сумел вознестись и оторваться от других, досталось больше красоты. И здоровья. Может быть, и уважения.

Здесь очевидны потребность и стремление любым способом, любой ценой завладеть своей долей воздуха и света и более запахнутым кругозором. Оттого-то эти дома — будто любопытные зеваки, что подчас, глаза на какое-нибудь празднество, налегают друг на друга, наступают на ноги, тянутся на дыпочки и соревнуются меж собой в высоте, насколько им позволяют прочность материала, характер почвы и законы притяжения и равновесия. (Иногда мне кажется — и вопреки этому.) А временами эти дома выглядят так, будто они

столкнулись в бурном подъеме, расхватывая самые лучшие места с как можно более широким кругозором. На одном дивном месте стоят три дома: каждый отличается друг от друга и сделан из иного материала, но они так поразительно срослись, переплелись и вдались один в другой, что представляют собой до некоторой степени и архитектурное чудо и чудовище. Будто три разделившихся и рассорившихся брата строили их. А всему причиной — борьба за свое место и свой горизонт. Лишь сумерки помешали мне

ПОХЛЕБКА ПО-УВЕЙСКИ

Остров Увеа, выглядывающий из океана в двух тысячах миль к востоку от Австралии, создан природой по типовому проекту большинства коралловых атоллов Южных морей: тихая лагуна, отделенная рифами от шумного дыхания океана, долгий песчаный берег, дрожащие на ветру хохолки пальм. Приметы современной цивилизации здесь символизируют два жандарма, по очереди спящие в «дежурном помещении» (та же хижина, только с французским флагом над входом), дощатая почта с расстрескавшейся пустой чернильницей да прохладная церковь, куда забредают после полудня ошалевшие от жары белые островитяне. Здесь, в церкви, превратившейся в своего рода клуб, парижский кинооператор Марсель Изи-Шварт, приехавший на Увеа снимать фильм о коралловом рифе, и услышал о местных ныряльщиках-змееловах.

— Эти полинезийцы откусывают им голову. Раз — и нету, — отдуваясь, сказал ему местный доктор.

— Позвольте, как это — раз? — заволновался француз. — Ведь это морские змеи, самые ядовитые. Ядовитей, чем кобра!

— Все правильно, — подтвердил доктор. — Только яда они выделяют при укусе так мало, что смертельных случаев почти не бывает. Да и вообще эти змеи без крайней надобности не кусают.

— Даже когда им начинают откусывать голову?

— Э-э, это надо видеть, — махнул рукой нечувствительный к сенсациям доктор.

А ведь это была самая настоящая сенсация, не сомневался Изи-Шварт. Кадры с морскими змееловами стали бы украшением его картины. Ему уже доводилось снимать филиппинцев — охотников за осьминогами. Те тоже, выхватив небольшого спрута из-под камней, кусали его между глаз, чтобы тот, лишившись «вакуума», не смог присасываться щупальцами к телу. Но то были в общем-то нестрашные осьминоги. А здесь речь шла о змеях. Причем не о безобидных черно-белых змейках, которых полным-полно повсюду в Океании. То были толстые, в полтора метра длиной рептилии, серовато-стального отлива.

читать вновь и вновь бесконечные эти истории и заставили возвратиться.

Пешая тропа от Горицы до Охрида близ самого озера. Крепчает юго-западный ветер, и обычный день близится к концу.

Справа от меня ровное заболоченное пространство, на котором участки, возделанные под бахчи, чередуются с болотами, заросшими густой осокой. У одной бахчи, где желтеют из-под листьев спелые дыни, стоит под

соломенным верхом шалаш на четырех колышках. Перед ним старик сторож, одинокий и удрученный, печет на углях два больших перцовых стручка. Рядом с ним хлеб и соль.

А слева — огромный простор беспокойного озера, в бурном ритме доплескивающего до самой тропы невысокие, но резкие и размашистые мутно-белые волны. Одна из них выбросила на берег сломанный цветок. У ног моих лежал бледно-алый георгин, растрепанный и истертанный, как утопленник.

Я стою меж стариком и рас-

кинувшейся бахчой, с одной стороны, и цветком и озером — с другой. Еще мгновение — и под шум волн в предвечерней тишине трогаюсь дальше утоптанной тропой среди двух различных и неразрывно связанных пределов. А подниму голову — предо мною древний Охрид, как огромное, прислоненное к южному небу полотно, полное сокровенного значения, которое с каждым шагом становится мне все ближе и понятней.

Перевел с сербскохорватского
Е. МИХАЙЛОВ

— Неужели так-таки зубами?

— Именно. Здесь, на Увеа, есть трое самых выдающихся «змееедов» — Бонго, Батист и Каноноэль. Виртуозы. Их стоит посмотреть в деле...

На следующий день один из виртуозов — коричневый гигант Каноноэль — согласился стать киногероем уникального фильма Изи-Шварта. Особенно долго его упрямить «положить змей в воде» не пришлось. Он только взял свое снаряжение — японские ласты, маску и... алюминиевую кастрюлю (назначение последней выяснилось позже). Француз приготовил свою камеру для подводных съемок, и оба, отплыв в лодке от берега, погрузились в океан, который солнце успело нагреть к тому времени до теплоты бульона.

В складках коралла лениво извивалось с десяток змей. Без лишних церемоний ныряльщик ухватил одну из них за хвост, и, стремительно работая ногами, пошел к поверхности. Руками в это время он делал «мельницу», не давая змее изогнуться и укусить. Вырвавшись на поверхность, он как бичом хлопнул рептилией по воде, на секунду оглушив ее.

Тут-то все и произошло: сверкнув белоснежными зубами, Каноноэль — цап! — отхватил змею голову, и та обвисла у него в руке, словно обрывок веревки. Как видите, ничего сложного.

С берега их окликнул Бонго, в несколько взмахов он присоединился к съемочной группе. К сожалению, поднялся ветер и начал швырять брызги в аппарат, так что надводные кадры у Изи-Шварта вышли расплывчатыми. Очень жаль. Не то было бы видно, как слаженно работают Бонго с Каноноэлем. Шлеп! Шлеп! — раздавалось над водой. Вскоре в лодке скопилось уже добрая вязанка обезглавленных змей. Внезапно над водой показалась голова Каноноэля, который спокойно изрек:

— Укусила.

Француз от волнения чуть не выронил камеру. Боже! Что делать? Но Каноноэль вел себя со стоическим спокойствием. Крепко перехватив руку powyше укуса, он сидел в лодке, ожидая, покуда не заберется Бонго. Тот выбрал одну из валявшихся змей и изо всех сил стал хлестать Каноноэля по укушенной руке выше крохотной ранки. Похлестав так минут пять, он прекратил курс лечения.

— Все, — промолвил он.

— Как то есть все?! Немедленно к доктору! — завопил испуганный Изи-Шварт.

Полинезийцы рассмеялись.

— Доктор, он спит сейчас... А у нас уже змей достаточно.

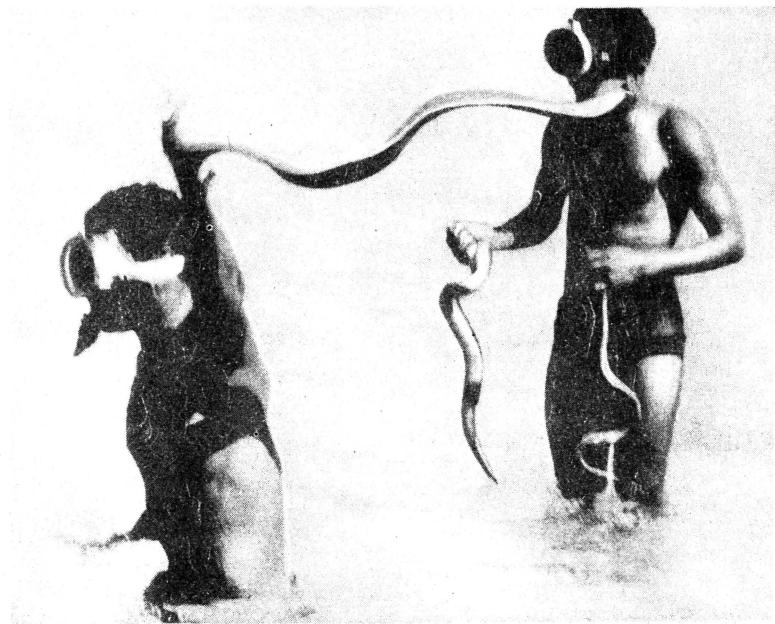
Достаточно для чего? Оказалось, для супа (помните — алюминиевая кастрюля? Этот кухонный агрегат, оказывается, нужен только для этих целей).

На берегу ловцы быстро разожгли костер, сложили в кастрюлю свои трофеи и стали варить. Кроме основного «морепродукта», похлебка по-увейски включала перец, лук и какие-то травы. Через полчаса, по мнению Бонго и Каноноэля, снявших пробу, фирменное блюдо можно было подавать. Француз, как гостю, предоставили право открыть трапезу.

«Мне уже приходилось есть жареную змею, — рассказывает Изи-Шварт, — когда я добрался до индейцев мейянос в бассейне Шингу, в Бразильской Амазонии, и это было вполне приемлемо. Так что я храбро поднес кусок ко рту... Что вам сказать? Представьте себе аппетитный вкус хорошо проваренного канцелярского листика. Но мне было неудобно обижать моих героев, и я выхлебал свою чашу до дна.

Все обошлось без последствий. Если, правда, не считать, что, когда я показывал эту сцену на первом просмотре в Париже, мой режиссер чуть не упал в обморок...»

Ип. ДОЧКИН

АНАТОЛИЙ
ОНЕГОВ

Заонежские зарисовки

ПУСТОШЬ, ШИЛОВО, ЧЕРНАЯ ЛАХТА

Местные жители здесь, в заонежском лесу, дают воде, камню и дальнему выпасу простые, сочные и живые имена: Шилово, Сухой мыс, Черная Лахта, Концезерье, Пустошь, Долгий ручей... Шилово означает острый, как шило, мыс на том берегу, где стоит деревня, куда возвращается рыбак после долгого и трудного промысла на таежных озерах. Выходя из леса, рыбак по первому безлесному месту, по Пустоши, определяет, что до дома теперь совсем близко. Лодка ждет рыбака в конце озера, в Концезерье. Потом послушное суденышко минует глубокую Черную Лахту — залив, огибает Сухой мыс, длинную, поросшую тростником отмель, и человек, прокоптившийся в курной избушке, уставший от многих дней волны и ветра, наконец видит свой дом. Дома ждет тепло, баня, чай и чистая постель. День, другой, третий — рыбак наводит порядок в хозяйстве и

снова собирается в тайгу, где остаются избушка, утлая лодочка и где на этой лодочке можно отправиться еще дальше по какому-нибудь Долгому или Кривому ручью...

В лесу ручей называют «ручий». Если сразу же после снега

пойти по лесной тропке, пойти тогда, когда богатая от весны вода поет звонче и ярче, то ты поймешь, как легко, как поэтически-образно входит мир леса в твоё сознание, и почувствуешь, что эта образность, непосредственность восприятия окружающего и создали столь радующие тебя особенности в языке жителей здешних мест.

Ручий, а не ручей — было понятно мне. Сложней приходилось с именами небольших лесных озер. Каликино, Красово, Гусельное — я долго всматривался в берега и глубины их загадочных вод, все больше и больше убеждаясь, что других имен этим озерам и нельзя было придумать.

Красово — задумчивое красивое озеро. Высокий еловый берег плавной дугой обводит его ярко-черную воду. Каликино же захудалое, неудачное озерко, прижившееся у низких болотистых берегов. Зато Гусельное действительно может петь. Светлые легкие берега не мешают лесной песне подняться и поплыть над тайгой.

Рисунки В. НЕМУХИНА

Не знаю, может быть, человек, давший имена этим озерам, думал совсем по-другому, но имена пришли к стати.

Имена выпасов, выкосов, пашен живут долго. Иногда за временем они могут терять свой основной смысл, и тогда тебе приходится старательно восстанавливать прежнюю историю каких-нибудь Новин...

Когда-то Новины были новыми, недавно отвоеванными у леса выгонами для скота. Но сейчас Новины уже постарели, и дальше за ними лежат в тайге более молодые полосы — Угольные... Малое и Большое Угольные имеют свои истории. Здесь сеяли овес, сюда выходили по ночам медведи полакомиться сочными метелками, здесь нередко раздавались выстрелы, и не один охотник знал на этих полянах удачу.

Это был последний, далекий участок владений человека в лесу, последний дальний угол его хозяйства. По углу можно было и объяснить происхождение названия поляна, если принять к сведению, что первоначальщик почему-либо недосмотрел и поставил в названии полян ударение на первом слоге. Но, слыша раз от разу «Угольное», мне захотелось оправдать того человека, которого я поспешно обвинил в неграмотности. А что, если этот человек обладал тем тонким чувством звучания, которое помогло назвать ему лесной ручей ручием, а конец озера Концезерьем? А что, если он не мог согласиться, что рядом с Красовом и Гусельным будет жить в лесу такое не поэтическое слово — «угольный»? Даже угловые избы в лесу называют крайняя изба, крайняя баня, крайнее окно.

СЕВЕРИК, УГОЛ И ЛАПА

Северик — это северный ветер. Он срывает с берез последние листья, ломает ветки осин, разметает птичьи стаи, загоняет в берлогу зверя, приносит ледовитые холода и выдувает избу, и северик зол и несговорчив, опасен и силен. И наверное, именно поэтому стал северный ветер героем лесной сказки...

Было у отца три сына, и послал их отец валить лес и рубить новые избы. Валите лес так, сказал отец, чтобы деревья вершинами на юг падали, а толстым да крепким концом северик

встречали — не взять северику дерева с крепкой стороны, и дом теплый будет... Подошел отец к старшему сыну, видит, лежит его лес вершинами на юг, подошел к среднему и видит, понакидал тот свой лес во все стороны, а самый младший, поди, ошибся и повалил лес так, что справиться с ним северику, — обернул лесины комлями в южную сторону.

Посмотрел отец, подумал и сказал сыновьям: «Быть твоему дому, старший сын, ладному и теплому, ставь его на высоком, светлом месте — не страшен тебе северик. Руби дом в два этажа — вверху летом отдыхать будешь, а внизу зиму переживешь... А ты, средний сын, разбери лес. Те деревья, что к теплу валил, оставь для зимней избы, а те, что к холоду упали, для летнего дома. И руби себе рядом два дома да поставь их по-за старшим братом — все он тебя от ледовитого ветра прикроет. Ну, а ты младший да недогадливый, жить тебе в холодном доме, если наверху поставишь. Поди вози лес к ручью за горой — все как зиму переживешь. А что две, что одну избу рубить — все одно будет».

Поставил себе старший сын двухэтажный дом на веселом светлом месте, а за ним построил и средний — хоть и больше работы ему вышло, а дом все равно жилой получился. Порадовался на них отец и пошел проведать младшего сына. Видит он: сидит младший сын и отпиливает углы у дома... Покачал головой отец и говорит: «Позавидовал ты братьям, хотел свою избу хоть в темном месте да красивой сделать, отпилил углы у дома, да зря — в лапу, а не в угол теперь у тебя изба рублена, совсем холодно тебе будет, ровный край у твоего дома, да пустой — в лапу северик заберется, в угол нет — всякую щель мхом заткнешь...»

Стоят по лесным деревням и крепкие высокие избы в два этажа, стоят и дома из двух половин: из летника и из зимовника. Стоят эти дома, рубленные в традиционный угол, на высоких красивых местах, и в каждом есть свой смысл и своя прелесть. В больших просторных домах всегда светло и весело, всегда много места для песен и праздника. Зато, в маленьких низеньких зимовочках уютно и задумчиво. В таком домике иногда очень хочется погасить элект-

рическую и зажечь керосиновую лампу и рядом с редким потрепыванием фитиля долго слушать тихую и простую лесную сказку или лесную историю. И, как правило, в таких уютных зимовках встречались мне мечтательные старики сказочники, которые бережно хранили мудрость своего народа.

ОГОРОДЫ, УЛИЦЫ, ОТВОДЫ

Если долго бродить от одного лесного поселения к другому, а потом взять карандаш и на лист бумаги нанести все известные тебе дороги, тропы... то невольно отметишь, что перед тобой лежит план сложного и мудрого хозяйства и что это лесное хозяйство чем-то напоминает хозяйство городских людей.

Вот площадь — одна-единственная площадь твоего лесного города, его центр, собравшиеся вместе деревянные домики. От площади в разные стороны расходятся магистрали. Магистрали — это дороги, ведущие к другим лесным поселениям. Рядом с дорогами разбегаются в тайгу радиусы троп. Тропы кочуют в поисках ягоды, гриба, рыбы, зверя, где-то дальше между двумя тропами прокладывается третья, и тогда человек, ушедший в лес, может вернуться по новой охотничьей тропе.

Возвращаясь в деревню, перелезая через огород. Огородами в лесу называются длинные высокие изгороди, собранные из стволов сосен, берез и елей. Обычно около каждого лесного поселения существует три полосы таких огородов. Первая полоса огораживает непосредственно деревушку: дома, дворы и усадьбы с картошкой, ячменем и репой. Ее назначение — огораживать усадьбы от скота. Первая оборонительная полоса выполняется искусно, жерди подбираются одна к другой, старательно складываются в диагональный рисунок, и такая изгородь нередко являет собой впечатляющее архитектурное сооружение.

Вторая полоса огорода немного отступает от деревни и окружает широкое кольцо пашен. Это оборонительное сооружение выглядит грубей, жерди положены ближе друг к другу, подчас просто навалены, — его основное назначение сдерживать скот

на выпасах, которые начинаются сразу за второй полосой огорода. За выпасами, отрезая, отсекая владения человека от тайги, ограживая эти владения и закрывая коровам дорогу в лес, тянется по болотам, ельникам, березнякам, сосновым борам и осинникам третья и последняя полоса заграждений.

Иногда последний, третий огород называют осеком. Жерди в осеке редко положены так старательно, как в первом и во втором огородах. Такое ограждение больше походит на завал, и его не городят, а валят, секут, снося топором растущие тут же деревья. Перебраться через такой завал можно не везде. Иногда долго идешь вдоль заградительного сооружения, идешь вдоль границы человеческого жилья и леса, находишь на суковатых жердях клочки летней медвежьей шубы и как-то особенно остро осознаешь, что там, за осеком, начинается территория другого хозяйства, имя которого — тайга.

Улицы в лесу бывают не только в деревне между домами. Две изгороди, отстоящие друг от друга на ширину улицы, длинными извилистыми коридорами поднимаются на холмы, спускаются в низины, петляют по зарослям ольхи и возвращаются обратно в деревушку, принося строгому рисунку северных лесных заграждений веселые линии...

Коридоры улицы устроены для стада. Они выведут коров из деревни, приведут обратно и не допустят к пашням и выкосам. Вот улица выбралась из деревни и остановилась около первого огорода. Путь прегражден высокими воротами из жердей. Ты отводишь в сторону ворота, идешь к следующему огороду, снова встречаешь ворота, снова отворишь их, а когда наступает срок миновать последний, третий огород, ты опять встречаешь ворота, опять вынужден отвести их в сторону и уже тут очень хорошо понимаешь, откуда взялось в лесу это название ворот — отвод.

РЫЖИКИ, ОВОДЫ И СТАНОК

Не каждого человека нанимают в пастухи. Да в пастухи в лесной деревне и не нанимают, а рядят, уговаривают посу-

лами, ждут отказа и снова уговаривают. Потом наступает день первого выгона. Он наступает добрыми словами пастуху, напутствием Буренкам, Пестронькам, Ракетам и Планетам и, конечно, колобом, знаменитым колобом пастуху от лица деревни, в знак уважения и авансированной благодарности. Колоб вкусный, он готовится из толокна и масла, и получить такой подарок не совсем последняя оценка твоей работы за прошлый год. И эти уговоры, этот колоб и добрые слова, произнесенные старательно, с расстановкой, — преддверие той легкой тишины, которая окружает мир лесного пастуха.

Стадо добралось до Щучьего ручья и разошлось по низине. Пастух поднимается выше, к еловому острову, вешает на сук сумку с хлебом и бутылкой молока и просто сидит, прислонившись к березовому стволу. Внизу озеро и мирное покачивание волн о песчаную косу, рядом голубой шумок березняка, шепот тонконогих осинки, мудрое покачивание елей и малиновые голоса редких колоколов на шеях телушек...

«Динь-динь» — там, «динь-динь» — слева и сзади. И уже не колокола, не металл, а чей-то голос мягко и ласково плывет над водой вместе с белыми облаками. Спокойная тишина. Но рядом с этой тишиной — тайга, где таятся опасности и беды для пастуха и стада...

Первая беда — рыжики, замечательные северные грибы. Стоит корове попробовать появившийся в лесу рыжик, как удержать ее не смогут не только богат пастуха, но порой и достаточно прочные огороды. Ни мягкая трава под богатой росой, ни собаки — коровы идут туда, где появились грибы, идут в лес, и искать их там пастуху придется всю ночь.

Вторая беда — жаркий день. Стоит солнцу подняться над выпасом, как появляются полчища слепней. Слепней здесь почему-то называют оводами, именно оводами, а не бводами. Овода сваливаются на стадо и доводят его до буйного помешательства. Сначала по бокам, по спинам животных начинает пробегать нервный тик. Хвосты поднимаются трубой, стадо срывается с места и мчится леший знает куда.

Но главная беда подстерегает пастуха осенью. К осени короче

дни, темней вечера, и вот тут-то и могут пошлать со стадом волки... Когда стадо спускается к озеру, пастух идет в лес поглядеть на мокрой дороге: не проходили ли сегодня волки. Волки могут и совсем не подойти к стаду, но они есть... Вчера за озером снова подала голос волчица. Попадались следы волчьей семьи, да и коровы, зашедшие слишком далеко, не раз поспешно возвращались обратно к пастушьему станку...

Станок пастуха — нехитрое сооружение. Несколько березовых или осиновых стволочков положено на пенки, да иногда такая же березовая спинка, как у лавочки. Станок всегда устроен там, откуда можно слышать по колоколам все стадо. У станка под вечер разводится огонь. Огонь невеликий — только для того, чтобы вскипятить чай да еще посмотреть на медленные язычки небольшого пламени...

Волчьих следов на дороге не оказалось. Прошел еще один день, прошел тихо.

ГНИЛА, ТРЕСТА, УТИЧЬЯ ТРАВА

Попу́ги, шелк, треста́, шольги, гни́ла, утичья трава — одно за другим эти слова приходят в рассказ Николая Филипповича, принося с собой голос озерной волны на отмелях, мягкий теплый свет песчаных кос и немного пряный, сыроватый запах водорослей. Рассказ идет о рыбной ловле, и в этом рассказе не одни лишь местные названия глиняного дна — гни́ла, тростника — треста́ и водяной гречи́хи — утичья трава. В нем большой таинственный мир воды, откуда из века в век предки Николая Филипповича «доставали» на уху, на рыбники, на сушилки и на соления окуней, шук, лещей и язей.

Пожалуй, только названия рыб живут на этом озере в общепринятом звучании. Щука осталась щукой, лещ лещом, и лишь плотва именуется здесь по-другому — сорогой, да маленький шустрый окурек величиной с палец зовется палечником.

Палечники обычно бродят по зарослям кувшинки, тростника и только в редких случаях опускаются на большую глубину. Глубину старый рыбак тоже называет своим именем — креж. Каждая отмель переходит в глу-

бину, в крещ, крутым свалом, стомиком, и по этому стомику не так-то просто опустить на крещ калиги...

Калиги — это сети. Вслед за калигами упоминаются тетерюшки, камешки, хобот, шуйка, полка... Ты слышишь разговор колхозных рыбаков, и тебе кажется, что все эти загадочные имена появились здесь как будто для того, чтобы ревностно оградить древний мудрый промысел еще одной тайной и не сразу допустить к нему чужого человека.

Мысль о тайнах, которыми окружает свой промысел старый рыбак, приходит ко мне каждый день — уже в который раз старик умудряется улизнуть от меня и уехать опустить свои калиги в одиночестве.

Домой старик возвращается уже поздно вечером, мы пьем чай, и как будто ничего не произошло, степенно договариваемся о том, что завтра утром Николай Филиппович разбудит меня и мы вместе поедем поднимать сети. Договор подкрепляется молчаливым согласием хозяина, но наступает утро, и старик умудряется проснуться раньше и незаметно ускользнуть на озеро.

Подняв сети, рыбак возвращается домой не торопясь, просит меня помочь вывести на берег лодку, жалуется на непогоду и долго разбирает свои сети.

Николай Филиппович скрывает «свои» места от постороннего взгляда, хранит их, как хранит в своих рассказах поэзию северного озера. Но сегодня наконец мое упорство победило, и я слеую за стариком туда, где по глиняному дну, по гниле, разгуливают леши, где в утичьей траве затаились шуки, где под самым крутым стомиком на креще стоят огромные стаи окуней.

Сети опущены. Заповедные места старика, оказывается, я знал и раньше. Мы оставляем лодку с другой стороны острова и возвращаемся домой пешком. Перед дорогой старик достает из кустов легкий батожок и называет батожок другом, говорит: мол, друга взять надо, с другом легче — и шагает впереди меня по тропе. На вершине холма он останавливается, смотрит на закат, на воду и батожком что-то показывает мне внизу. Внизу тихая вечерняя вода, на воду осторожно легли краски северного заката. Я гляжу на эти краски, гляжу на воду и вдруг замечаю узкую полосу волны,

которая медленно идет к нашему острову.

Это мертвый вал, волна без ветра. Откуда взялась она, зачем пришла? Старик недовольно посматривает на небо, старается узнать что-то и нарекает, предсказывает на завтра грозную или встречный вал. Встречный вал — это сильный ветер, который завтра с утра понесется навстречу сегодняшнему мертвому валу. Грозовая? Грозовая — громкая, долгая гроза.

Наш дом уже близко, но Николай Филиппович сворачивает с тропы, ведет меня к двум муравейникам и облегченно вздыхает: «Грозовой не будет — жди встречный вал. Перед грозой муравей за день, а то и за два под землю убирается...» И тут же забывает мертвый вал, который мучил его всю дорогу, и так, между прочим, рассказывает сказку о том, как появилось здесь сразу два муравейника. «Один дом у них раньше был, да рассорились муравьи и поделились, разошлись по разным половинам...» Я не слышу последних слов старика, но не хочу и переспрашивать, почему рассорились муравьи, — мы уже дома. Николай Филиппович прислоняется к двери свой батожок и, поглаживая встретившую нас кошку, негромко причитает: «Подружка-то, подружка-то у меня...»

КУНИЦА

Вчера вечером в печи «не стрелило» полено. Если из печи в ночь перед охотой с треском не вылетит уголь, то выстрела по кунце — так говорят охотники — может и не быть. Правда, кунцу часто берут в дупле живой, и живая кунца, принесенная домой, — это все равно что удачный выстрел.

Вчера вечером печка не обещала нам удачу. Сегодня утром, еще перед голубыми тенями на снегу, мы топим ее наскоро, но жарко. Жар струями течет по стенам избушки, облизывает окно, и со стекла все ниже и ниже опускается лед, оставшийся с ночи.

Жар в избушке нужен перед охотой не меньше, чем котелок с супом и густой чай. Жар должен напарить помещение, выставить его теплыми половницами и ждать нас, чтобы встретить и обрадовать. К ночи мы должны вернуться. Мы идем только на

день по небольшому кругу, круг замыкается на нашей избушке.

С вечера повис мелкий, сухой снежок. Он медленно опускается на старые следы, и под лапы сегодняшней кунцы легла к утру новая рыхлая дорожка. Ночью мы выходили в мороз, глядели в беззвездное небо, радовались сухой пороше и очень хотели, чтобы к утру все-таки появилось солнце.

Солнце встретило нас уже в лесу. До солнца мы прошагали добрых пару часов к реке Индоманке, остудили ноги, не встретили ни одного куньего следа и ни разу не курили. Курить на ходу на морозе плохо. Но стоять долго нельзя — уйдут ноги, уйдут в холод. Ноги в резиновых сапогах. Резиновые сапоги зимой, в тридцать градусов мороза? Но без них нельзя — под снегом болота. Снег лег в этом году на мокрую землю и не пустил к толям мороз, и теперь болота будут жить весь промысел и закроют путь человеку в валенках. На лыжах тоже нельзя — лыжам не развернуться в завалах, не перекачать через бурелом.

О кунце обычно знаешь еще с лета по рябчикам и глухарям. Кунца давит этих птиц, и там, где поселится зверек, выводки порежены, побиты хищником. Летом узнаешь о кунце и по помету и по лаю собаки. Собака в лесу всегда с тобой и всегда скажет, что кунца есть за Красовым озером или у Кимболота. К осени, укладывая подалеже летнюю снасть, так, между прочим, вспомнишь, что ценный зверек есть и у Сокольего болота, есть и за Лучным озером — и в каждом месте своя оседлая кунца. А с первой скованной морозом тропой уже знаешь, куда идти.

Сегодня мы шли к реке Индоманке. Река впереди. Снежок лежит чисто и ровно, но следа пока нет. Мы ищем по крайкам болот, по дуплистым осинникам, по ельникам, где в утреннюю рань не преминет побывать кунца... И вот лай собак.

Кунца! Мягкие легкие следы — две сведенные вмятинки-канавки легли у пенька, обошли его, сыпали ледяную крошку с упавшего ствола и добрались до завала. Потом вынырнули обратно и пошли к кустам. Кунца жировала, искала пищу. Собаки нашли след, узнали знакомый запах, подняли зверька на дерево и залаяли. Остались по-

зади дорога по болотам, желанье сесть покурить, снег по пояс, по грудь, сугробы на голову, на плечи с еловых лап. И только лай собак.

Зверек узнал собак и уходил по вершинам елей. Кот! Самец! Это можно узнать по следу, по размеру лапок — развод канавок на снегу у кота шире, размашистей. Собаки шли за кунницей все дальше и дальше. Мы уходили за собаками, зная, что кунница или отыщет дупло, где ляжет, затаится, или ее удастся обойти на ходу и остановить выстрелом при прыжке с дерева на дерево. Только бы успеть к ночи!

Лай собак гас в еловых вершинах, тонул под снегом, порой не доходил совсем. Но ты знаешь, чувствуешь, где должны быть собаки.

Последний частый лай ожил уже к заходу солнца. Осина торчала над снегом седой колонной, высокая и мертвая без сучьев. Внизу сидели псы. Дупло видно, но оно далеко. Рубить осину!

Топор сносит лед, кору. Дальше дерево прочней, топор ложится со звоном. Топор в руках у одного. Другой в стороне с ружьем — если выскочит и пойдет верхом, тогда стрелять, не ждать нового дупла — уже поздно, гонять некогда, надо брать, хотя после ружья не чище шкурка... Топор, топор, топор. Дерево должно упасть чисто, отверстием дупла вверх...

Ствол рухнул, осел снег, но vareжка уже успела... Теперь курить. Мягко опущены курки ружья. И стоим без шапок, горячие. Снег и сутулый огонек спички...

Дупло вскрывают узко, только для прута. Глубокая щель даже через мороз дышит прелью. Прут уходит туда и ищет. Ищет мягкий комочек. Потом прут загонит зверька в угол, и тут же щепка, она шире прута, прочней, прижмет кунницу и никуда не пустит. Дальше: нож вскроет осину, вскроет осторожно, из-под vareжки, и рука, тоже в vareжке, нащупает кунницу. И ты еще раз проверишь свою догадку: конечно, кот, самец, крупней, шире кошки...

Но кота пока нет. Прут ищет глубже, дальше, беспокойней. Визжат собаки. Хочется отогнать их, крикнуть. Нельзя — собаки обидятся и могут не пойти завтра на охоту. Нельзя кричать, за-

махиваться, надо успокоить собак... Но где кот?

Уже вскрыто дупло, вскрыто широко, уже знаешь, что нет кунницы, но vareжка еще остается на стволе, еще закрывает отверстие. Vareжка — как последнее, что еще держит тебя с верой не в пустой день.

Наверное, вчера звезда охотника все-таки не взшла... Подвели собаки, подвел хитрый кот. Кот запал в дупло, осидел его, оставил после себя густой запах, но ушел, издали узнав собаку. Собаки схватили запах только что оставленного дупла, погорячились, забыли поискать вокруг и все потеряли... Потеряли не от плохой работы, не от неумения — наверное, у псов тоже бывает усталость к концу трудового дня. Погорячились и мы, сразу поверили собакам, не искали вокруг следов...

БАНЯ, ЧАЙ, БЕСЕДА

Каждая трудовая неделя оканчивается в лесу хорошей, жаркой баней, долгим рассудительным чаепитием и неторопливой беседой.

Беседа (не беседа, а именно беседа) — разговор по душам, необыденный, особый разговор.

Беседа может состояться в любой день, когда выпадет свободный вечер; она может проходить и без чая, но после бани и ритуального чаепития беседа течет искуснее и душевнее.

Каждая настоящая баня начинается с воды. Лучшая вода называется легкой.

Легкая и тяжелая вода, вода сладкая и гнилая, вода бодрая и пустая — все это было ясно, когда речь шла о кружке чая или берестяном черпачке, наполненном в ручье. Но когда женщины шли за водой для мытья не в озеро, на берегу которого стояла баня, а за две-три сотни метров к речушке, я не очень понимал, зачем это. Воду можно разделить на жесткую и мягкую, вспомнив основы неорганической химии. Жесткую и мягкую воду знали и здесь, называя одну мылкой, другую немылкой. Но хорошей бане требовалась легкая вода... Вода действительно могла быть легкой. Что определяло это замечательное качество воды? То ли ее природа, то ли опавшая в ручей сосновая хвоя, то ли еще какие обстоятельства.

Но такая вода приносила в баню неповторимый аромат леса, делала ее духовитой и вольной.

Горячий, распаренный, отдохнувший, ты возвращался из бани, садился на лавку и наливал на блюдечко первые полстакана чая. Чай добавлял в тело огня, крепкого заварного огня, плавил по рту сахар и вместе с сахаром приносил тебе сладкую теплоту — истому.

Потом еще стакан, еще, потом немного передохнуть, помолчать, подумать, и новые стаканы, новый пот на лбу и новое ощущение мира, тишины, уюта избы...

За первым самоваром мог появиться второй и третий, если к тебе на вечерний огонек взглянет кто-нибудь из соседей...

Гость снимет шапку, остановится у порога, поздоровается, оглядится, с чувством независимости позволит предложить себе стакан чая и будет ждать, что ты скажешь ему, с чего начнешь сегодняшнюю беседу, что волнуешь тебя, на что ищешь ответ и собираешься ли поделиться с ним по-соседски уже прошедшими событиями.

Все лесные тайны, секреты мне удалось узнать лишь за стаканом или за кружкой чая.

Сближение, откровение здесь приходят не сразу. Может, поэтому и принято в лесных поселениях долго и основательно угощать гостя чаем, подливать в стакан новую заварку, новый кипиток, подливать, не дожидаясь его просьб, подливать до тех пор, пока ты не догадаешься перевернуть на блюдце свой стакан...

Полчаса, час, новый самовар, и старик, казавшийся хмурым, замшелым, вдруг превращается в разудалого сказочника...

«...А вот когда еще Корнилушка жив был, так тот мужик ух какой резкой, медведя за уши поймал... лежит на нем, ревет, подошли, и не видать в снегу, кто ревет — медведь или Корнилушка...»

И вьется простая лесная история, история, родившаяся совсем неподалеку, может быть, сразу за стеной вот этого дома, где сейчас шумит на столе самовар, где постукивает о стекло стакана легонькая ложечка, похрустывает по щипцам крепкий сахар, приятно, по-домашнему дымится на блюдечке горячий густой чай, где хозяин только что степенно обсуждал с соседом ремонт подвесного мотора и виды на урожай грибов рыжиков...

ЛЕСЛИ ГОДФРЕЙ,
английский писатель

ГРАНИТ НАУКИ

Рассказ

Младший офицер военно-воздушных сил Бритти обвел безразличным взглядом лица восьми новобранцев и вздохнул. Он несколько не обольщался: им гораздо больше подходило бы заниматься строевым учением, чем сидеть в натопленном классе.

— Вы собрались сюда, — сказал он, и его могучий голос загремел, будто он все еще был на плацу, — чтобы учиться. Командование королевских военно-воздушных сил в по-

стоянной заботе о вас сочло целесообразным дать вам возможность исполнить все то время, которое вы без толку разбазарили в школе. Хотите вы того или нет, вас научат читать и писать. — Он обернулся к кафедре, находившейся перед классом, и скомандовал: — Давайте, сержант!

Не успела дверь за унтер-офицером захлопнуться, как атмосфера в классе стала непригодной. Послышался скрип передвигаемых стульев, солдаты начали кашлять и громко

зевать. Потом они устали на сержанта Хоппера, прикидывая в уме, чего от него можно ожидать. То, что они увидели, позволило им заключить, что перспективы на будущее блестящи: сержант Хоппер был совершенно очевидно «интеллектуалом». Он был маленький, худенький, в толстых роговых очках. Кожа у него была нежная и белая, а румянцу могла бы позавидовать любая школьница.

Джексон, узколицый парень с остреньким носиком и глубоко сидящими глазами, сунул в рот полсигаретки, закурил и выпустил облако серо-голубого дыма.

— Курить-то можно? — спросил он развязно из-за своей дымовой завесы.

Сержант Хоппер нервно моргнул.

— Да, да, конечно, — через силу вымолвил он.

Снова заскрипели стулья. Кто-то начал почесываться. Зачиркали спички, защелкали непослушные зажигалки, и струйки дыма, извиваясь, поползли к потолку.

Сержант Хоппер с некоторой тревогой рассматривал через серую пелену своих не слишком радивых учеников. Он прекрасно сознавал, что три нашивки большого авторитета ему не придают. Кому-то надо было обучать неграмотных, и, так как он успел сдать кандидатский экзамен по английской литературе, прежде чем его призвали на военную службу, командир эскадрильи всучил эту незавидную должность ему.

— Ребята, с которыми вам придется иметь дело, — не слишком вразумительно объяснил командир эскадрильи Костейр, — не то чтобы очень глупы. Напротив, они очень сообразительны. Во всяком случае, большинство из них. Я бы даже сказал, слишком сообразительны. Только они считают, что учеба — неподходящее занятие для суровых воинов. Но, сержант, рассматривать их как безнадежных мы не можем. Пока есть жизнь — есть надежда, как я говорю.

Командир эскадрильи устало пожал плечами.

— Боюсь, что ваш предшественник сержант Грэхэм, — продолжал он, — не очень успешно справился с заданием.

— Его что, перевели в другую часть? — оживился Хоппер, решив, что не все еще потеряно.

— Какое там, — командир эскадрильи грустно покачал головой. — Беднягу довели до того, что его пришлось уволить по инвалидности. Нервное расстройство.

Итак, Хоппер сидел теперь и уныло смотрел на восемь обращенных к нему физиономий. Напуганному сержанту казалось, что такого пестрого сборища преступных типов он еще не видел ни в одном гангстерском фильме.

— Ну что ж, — сказал он с видом человека, который, не умея плавать, очертя голову бросается в воду, — начнем, пожалуй, с азбуки. С азбуки.

Он повернулся к доске, на которой крупными печатными буквами был выписан алфавит.

— Так, — сказал он. — Возьмите карандаши и бумагу и перепишите все буквы по порядку.

Класс не шелухнулся. Восемь пар насмешливых, злорадных глаз в упор смотрели на него.

— Я занимался у сержанта Грэхэма, — сказал все тот же Джексон. — Он всегда читал нам что-нибудь. Ну, какую-нибудь там хорошую ковбойскую книжку или про преступления.

Хоппер беспомощно смотрел на свой класс.

— Прекрасно, — сказал он, даже не пытаясь сопротивляться. — Для начала можно и почитать что-нибудь хорошее. Он взял со своего стола книгу и раскрыл ее.

— «Записки Пикквикского клуба» Чарльза Диккенса, — объявил он.

— Это что, детектив, что ли? — спросил краснорожий парень по имени Хант.

Хоппер не ответил и начал читать. Сперва солдаты раз другой принимались гоготать, но Хоппер упорно читал дальше. Вдруг он заметил, что в классе стоит глухой, ритмичный стук, от которого вздрагивает даже его стол. Стук нарастал, пока наконец не заглушил его голос, так что ему пришлось волей-неволей замолчать и поднять глаза. Солдаты с тупым видом топтали ногами все сильнее и сильнее, и с каждым ударом с пола поднимались маленькие клубы пыли. Хоппер начал дико ози-

раться, чувствуя, что сейчас он завопит: «Мятеж! Мятеж!» — и бросится из здания. Но вместо этого оставался сидеть как зачарованный, а звук все нарастал.

— Тихо!

Громовой голос покрыл шум, подобно тому как заводской гудок покрывает грохот машин. Внезапно наступила тишина. Все головы повернулись назад.

Позади класса стоял капрал Траунсер. До этой минуты Хоппер не замечал никакой разницы между ним и остальными солдатами; теперь он сообразил, что Траунсер, должно быть, значительно старше восемнадцатилетних мальчишек и, по всей вероятности, кадровик. К тому же Траунсер был, пожалуй, самым мощным существом, которое ему когда-либо приходилось видеть (если не считать гориллы в зоопарке). Фигура у него была массивная, и железные мускулы распирала рукава мундира, который был ему, ясно, тесен. Череп у него был почти квадратный, а челюсть грозно выдвигалась вперед.

— Так вот, — сказал Траунсер уже немного спокойнее. — Если кто еще попробует зашуметь, так может и по шее заработать. Ладно, сержант, давайте дальше, мне понравилась...

Хоппер, на которого Траунсер нагнал страха не меньше, чем на его учеников, поспешно возобновил чтение, и класс теперь слушал молча, хотя с явным отвращением и непониманием, отчет о первом заседании Пикквикского клуба.

Утро казалось нескончаемым. Но вот наступило время обеда, и Хоппер с облегчением закрыл книгу. Класс молча разошелся.

Вечером того же дня сержант Хоппер бродил в одиночестве по городу. Он обнаружил, что в столовой для младшего командного состава на него смотрят с нескрываемым пренебрежением.

Устав бродить, он завернул в кафе и заказал себе чашку чая. Он сделал глоток и чуть не поперхнулся — прямо против него усаживался огромный Траунсер.

— Разрешите присесть? — спросил Траунсер, придвигая стул.

Хоппер сделал вид, что только об этом и мечтал.

— Вот какое дело, — начал Траунсер. — Нужно кое-что обсудить. Давайте с вами договоримся. — Траунсер принялся шарить по карманам и умолк. — Нет ли у вас закурить? — спросил он. — Видать, забыл сигареты в казарме.

Хоппер протянул ему свой портсигар. Траунсер взял сигарету, а потом еще две, чтобы хватило до конца вечера.

Он жадно затянулся и со вздохом облегчения выпустил дым.

— Я насчет этих самых школьных дел, — продолжал он. — До сих пор меня это мало трогало.

— Вы что, совсем не умеете ни читать, ни писать? — спросил Хоппер.

— Я умею подписываться, — ответил Траунсер с гордостью. — И я могу прочитать в комиксах почти все. Только, знаете, я хочу научиться читать и писать как следует.

Траунсер улыбнулся во весь рот, обнаружив при этом два ряда великолепных белых вставных зубов, совершенно не гармонировавших с его помятым лицом.

— Видите ли, — продолжал Траунсер, — как это получилось: несколько месяцев назад я на ходу прыгнул с мопеда и зашиб себе ногу, и меня уложили в военный госпиталь. Лежу я себе в маленькой такой палате, и вдруг как-то раз вечером какой-то псих включил это чертово радио, а потом вышел и бросил меня одного. И оказалось, он оставил его на третьей программе, чтоб ей пусто было, а я тут валяюсь в постели и даже встать не могу, чтобы выключить! Хочешь не хочешь пришлось слушать. А давали какую-то пьесу, и все в стихах, все в стихах. Я-то стихами никогда особенно не интересовался — ну, там песня какая-нибудь: «Гунга-Дин» или «Мой маленький зеленоглазый идол» — это еще куда ни шло, а уж от этой замумной муры меня аж замутило. Но только, знаете, эта пьеса меня проняла. Я ничего такого раньше не слышал. Это было просто черт знает что!

Траунсер, утомленный длинным монологом, затянулся сигаретой. Его маленькие черные глазки восторженно поблескивали. Он протянул Хопперу какую-то книжонку.

Хоппер посмотрел на облож-

ку. Это оказалась пьеса модного импрессиониста.

— Вот как, — довольно нехватаи сказал Хоппер.

— Из-за этого-то я и лез из кожи, чтобы попасть в ваш класс, — пояснил Траунсер.

Хоппер вздохнул при воспоминании о неудачном дебюте.

— Вряд ли у меня что-нибудь получится. Солдаты, кажется, не очень-то хотят учиться.

— Как я с ними поговорю, так захотят, — сказал многообещающе Траунсер, — об этом-то я пришел договориться. Вы меня учите читать и писать как положено, а я уж догляжу, чтобы ребята тоже занимались, нравятся им это или нет. Это же для вас будет марка! Чуете, что будет с командиром!

— Вы что, правда думаете, что сумеете уговорить их работать? — недоверчиво спросил Хоппер.

Траунсер сжал огромные кулаки так, что костяшки стали похожи на стальные кастеты...

Командир эскадрильи Костейр имел обыкновенные время от времени проверять специальный класс для неграмотных, и теперь, поскольку новый сержант вел это дело уже более шести месяцев, он решил, что настало время туда наведаться. Это была неприятная обязанность, и он всегда старался от нее увильнуть, потому что бесконечно сменявшиеся сержанты, которые преподавали в этих классах, при всем желании не могли добиться более чем десятипроцентной успеваемости, а для командира, который очень гордился высокой репутацией эскадрильи, эти десять процентов были пятном не менее темным, чем плохо начищенная пуговица.

И все-таки, когда он подошел к классу сержанта Хоппера, в душе у него затеплилась искра надежды, потому что слово «оптимизм» было его неизменным лозунгом, и он любил повторять, что надежда должна всегда жить в человеческом сердце.

Когда командир вошел, весь класс вскочил на ноги с готовностью, достойной похвалы. Он окинул взглядом физиономии солдат, стоявших перед ним, и его надежды померкли.

«Но, — упорно повторял он про себя, — пока есть жизнь, есть надежда».

— Хорошо, ребята, садитесь, — сказал он, — давайте-ка посмотрим для начала, как вы читаете.

Он дал Джексону номер какой-то популярной газетки и ткнул пальцем в отдел спорта. Джексон, совершенно парализованный оттого, что ему приходится отвечать первому, начал отчаянно заикаться и запинаться, стараясь осилить первое предложение, а командир эскадрильи с угрюмым видом засовывал руки все глубже и глубже в карманы. Джексон, осунувшийся от умственного напряжения, совершенно свял и только беспомощно поглядывал на сержанта Хоппера. Сержант Хоппер так же беспомощно смотрел на него. Джексон жалобно обернулся к классу и вдруг встретил угрожающий взгляд Траунсера. Этот взгляд не сулил ничего хорошего, и тогда Джексон, как загнанный зверь, кинулся читать и отбаранил, не переводя дыхания, первый абзац, который слился у него в один сплошной хаос из неправильных ударений.

— О господи! — вырвалось у командира эскадрильи. Он подозрительно посмотрел на Джексона. — Почитай-ка еще.

Джексон, к которому теперь вернулась самоуверенность, прочитал следующий абзац сравнительно правильно, и командир совсем расцвел от удовольствия. Он проэкзаменовал еще одного солдата и еще. Он заставлял их читать и писать. Солдат за солдатом с честью проходили испытания.

— Это только доказывает, что там, где есть жизнь, всегда есть надежда. Всегда!

Наконец он дошел до Траунсера. Траунсер неуклюже поднялся и взял газету. Он тупо уставился на нее. Казалось, что его бычья шея надулась от усилия что-то выговорить. Он таращил изо всех сил глаза, пытаясь разобрать слова, и издавал какие-то нечленораздельные звуки.

Командир вздохнул. А он-то надеялся, что произойдет чудо — стопроцентная успеваемость!

— Боюсь, что тебе незачем продолжать заниматься, — сказал он.

— Пожалуйста, сэр, — сказал Траунсер, — разрешите мне еще раз попробовать, сэр. Мне б только научиться, сэр. Там, где есть жизнь, есть надежда, сэр.

Командир пристально посмотрел в лицо стоявшего перед ним солдата и с некоторым сожалением узнал в нем черты исчезающего теперь типа «старого служки».

— Ладно, — проворчал он. — Завтра придет новая группа. Можешь продолжать с ними.

Вечером того же дня Хоппер и Траунсер встретились в кафе, где они впервые заключили свой договор. Эти встречи вошли у них в обычай.

— Как же это вы? — спросил недовольно Хоппер. — Вы мой лучший ученик — и вдруг проваливаетесь на экзамене. Шесть месяцев тому назад вы не смогли бы ни прочитать, ни написать ни слова, даже если бы это было вопросом жизни или смерти. Теперь вы в десять раз лучше всех остальных, вместе взятых. Ведь вы нарочно засыпались на экзамене? Ну почему?

Траунсер широко улыбнулся.

— Слушайте, сержант, — сказал он невозмутимо. — У вас теперь слава, и ее беречь нужно. Ведь с новым-то классом командир будет ждать от вас бог весть чего. Только вам еще многому надо учиться, чтобы знать, как разговаривать с солдатами. Я вам еще пригожусь для поддержания порядка.

Траунсер вынул из кармана пачку сигарет и протянул Хопперу. Тот взял одну.

— И к тому же, — добавил Траунсер, по-видимому решив, что не в меру разнежничался, — меня такая должность вполне устраивает.

Перевела с английского
М. МИРОНОВА

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Всесоюзный научно-исследовательский институт морской геологии и геофизики существует уже несколько лет. Одна из главных его задач — выявление и изучение месторождений полезных ископаемых в донных осадках и недрах земной коры, скрытых водами морей и океанов. Сотрудники института — не очень пока многочисленные — в основном так же молоды, как молода их наука. Так что и у них, и у их науки еще многое впереди. Подолгу засиживаться в Риге, где расположен институт, им не приходится. Работы у морских геологов хватает — морей много, а богатства, тающиеся в прибрежных морских отложениях, еще не разведаны. Геологи ведут поиск и на Балтике, и на Аральском море, в морях Тихого океана, и в морях Ледовитого... В общем в очень многих местах, где волны и течения омывают нашу землю.

Богатства морей трудно пока не только брать, но даже разведывать. Ведь если «сухопутным» геологам одновременно приходится быть землепроходцами, то морским необходимо быть еще и отличными мореходами.

Вот как работала партия одной из арктических экспедиций института.

Ю. ЛЕКСИН,
наш спец. корр.

Счастливая история дневника ВИСВАЛДА ЭМСА

УТРО ВОСЬМОГО ДНЯ

— **О**тличная каша, Ян. Эмс улыбнулся, ощетинив усы. Улыбка украшала лицо Висвалда, делая его словно принадле-

жащим другому человеку — кому-то немолчаливому, веселому и легкому, такому, каким он не был. И жаль, что Эмс улыбался редко.

Высокий, молчаливый, он имел мужественное лицо балта.

Наверное, в нем была память о лицах отца, и деда, и всех, кто был с ними рядом. Не улыбаясь, они уходили в море, чтобы вернуться оттуда или остаться там навсегда. За домом еще стоял прадед, а за

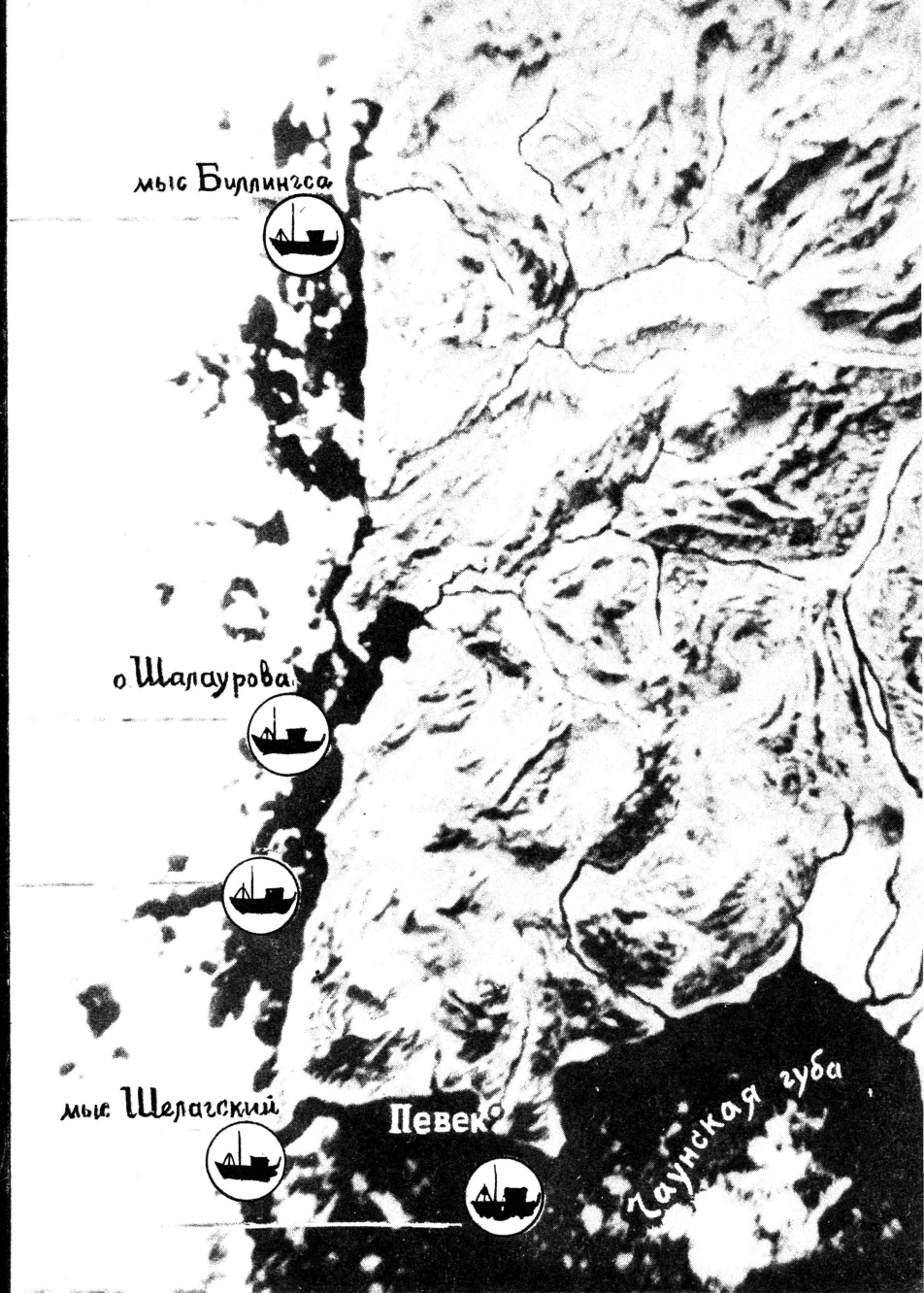
«Мы сделали,
что могли...»

«В мышеловке»

«Туман
рассеивается»

«Дальше идти
нельзя...»

«Принимаю
решение...»

ним его отец — целая вереница уходящих вдаль рыбаков, уплывающих в море и возвращающихся из него, — теперь уже только по зову памяти Эмса. Все они признали бы своим Висвалда Эмса, увидев, как он сидел сейчас на черном холодном камне, расставив длинные ноги — колени его торчали чуть ли не до плеч, — и смотрел он тоже в море, только не в Балтийское — в Восточно-Сибирское.

— А теперь грузиться.

И быстро, — отрывисто сказал он. — Сегодня идем с работой.

Ян Званерс так и не ответил на улыбку Эмса. Нагнувшись, он собирал миски.

Ян знал, что обманул их в Риге, когда подряжался в рабочие. Тогда он сказал, что умеет «прилично варить». В Риге не проверишь... И вот теперь только у западной партии есть настоящий повар, был им еще в армии. Но западная партия варит себе еду где-то за остро-

вом Айон. Это далеко. Между двумя их кострами много воды и льдов, еще больше камней, километров и ветра.

Но это не стоит огорчений. Иметь на шестерых специально-го повара слишком роскошно. В Риге им нужны были все-таки именно рабочие, по возможности сильные, лучше очень. Так что Ян не так уж обманул их. Он едва ли не самый сильный из шестерки. Правда, среди стольких взрослых мужчин — особенно если каждый

занят своим делом и ничего плохого еще не случилось — трудно определить самого сильного. Но пусть ничего плохого и не случится!

Каждому хотелось верить в это. И право, не так уж мало, если каждый из шести желает верить в удачу.

Все потянулись к доре¹. Разогревая мотор, там уже копошился их второй Ян — механик Тимерманис. Мотор еще ни разу не взревел ровно, он хрипел и кашлял, как простуженный человек утром где-нибудь рядом с домом, на улице. Значит, еще было время. Эмс вытянул из-за пазухи тетрадь и раскрыл ее.

«13. VIII. 8. 00. Завтракаем...»

Он не забывал записывать то, что они «завтракали» или «ужинали». Завтраки и ужины были для них отсчетом времени, и они же начинали или замыкали собою целый наполненный работой день жизни. Дальше шел ветер.

«Ветер Е, 3—4 балла».

Потом лед:

«Лед у полярной станции 2 балла...»

Эмс писал теперь не отрываясь:

«Прогноз: первая половина декады — восточные ветры, вторая половина — западные. Лед, по сведениям авиаразведки, набит до 10 баллов — и так от самого старого морпорта до о. Шалаурова.

При восточных ветрах можем остаться между набитыми уже сейчас льдами и льдами, дрейфующими от W. Надо спешить! Куда? Где спрятаются, если впереди будет лед?..

Все-таки надо идти вперед. На месте оставаться нет смысла — и здесь негде спрятаться; обратно идти тоже нельзя — льды труднопроходимые. И потом, после восточных ветров — восточные ветры принесут еще лед от Айонского массива — нам уже не вырваться. Мы не пройдем мыс Шелагский — и это значит не выполнить ничего».

Эмс медленно озябшими руками закрыл тетрадь. Костер догорал. Теперь по рваной копоты на камнях стало видно, какой он был. В середине темного пятна дотлевали скрещенные головешки, черный след

костра был не круглый, как в безветрие, он тянулся к берегу. Туда еще недавно ветер отнесил пламя.

Дора стояла у самого берега. Льдины, редкие и некрушные, мягко шли чуть дальше, ничем не угрожая ей. Ночь напролет льды проплывали, слегка покручиваясь и вздрагивая. Прибрежное течение тянуло их здесь без натуги — легко и проворно. Вечный для северных морей уныло ровный шорох льдов уже не улавливался людьми: он проходил мимо их сознания, не трогая его и не будоража; он не существовал, как для привыкшего к вечному шуму леса не существует стон бора. Но здешнее побережье не смогло выкормить и поднять над собой ни одного дерева. Тишину ровного ледяного шороха разрывали лишь короткие пронзительные скрипы, только это было сигналом какого-то неблагополучия в ровном кружении льдов. После такого скрежета люди еще долго слышали шуршанье льдин, как бы ни привыкли к нему. Эмс знал, что этот скрежет пугал и тех, кто приходил в Ледовитый океан первым, он будет настаивать и тех, кто придет в него через много лет.

Сегодня ночью таких вскриков было мало. Казалось, льды и без того вполне сознавали свою силу: очень уж просто она могла стать и угрожающей, и даже жестокой.

На доре еще раскладывали поудобней вещи, как всегда потревоженные ночевкой, и Эмс, привычно расположившись на корме у руля, думал о льдах.

Самое страшное заключалось в полной бессмысленности неиссякаемой ледяной силы и такой же полной ее слепоте. С одинаковым тщанием, ловкостью и бездушием льды, собравшись вместе по воле ветров и течений, могли раздавить и друг друга, и огромное морское судно, и обмякшую уже тушу уплывшей от охотника-чучки подстреленной нерпы. Что могла противопоставить этой силе дора? Тысячу пятьсот оборотов своего мотора? Хрупкие борта? Изворотливость человеческого ума, напряженного до предела ежедневной опасностью?.. И хватит ли этого? Или все-таки будет мало? Войдя в одну из трещин, дора могла однажды хрустнуть слабо и жалобно. Тогда все

шестеро (если им еще удастся выброситься на лед!) будут уходить к берегу по тем же сделавшим свое дело льдам. Пусть это будут плотные льды! Они дойдут по ним к берегу. Но у берега откроется полынья... Сколько может продержаться человек в воде Восточно-Сибирского? Пять? Семь? Или только три минуты? Даже достигнутый берег еще не конец бедствий. Где они выйдут на берег и сколько десятков километров им придется идти до ближайшей избушки охотника?

Вот почему даже во сне Эмса преследовал жалостный хруст сдавленных бортов доры. И чем ясней каждый из них желал и умел увидеть себя в самых смертельных условиях, не пугаясь их и не отчаиваясь, тем больше он становился готовым ко всему, и к худшему тоже.

Но нельзя было говорить об этом вслух. Эмс знал: если в какой-то из вечеров кто-то из них выложит перед другими свой страх, то с этим еще можно бороться. Но если его разделят с угрюмостью и молчанием, то это будет конец, дальше им не пройти ни мили... Придет то, о чем он писал, хотя вроде бы это относилось только ко льдам у Шелагского: «Это значит не выполнить ничего!»

Эмс с удовольствием смотрел, как Валера Ковалев ловко сматывал конец, державший дору, слушал, как легко мотор меняет обороты, и с радостью убеждался, что еще никто не устал после семи дней плавания и все оживлены самым радостным из оживлений — оживлением от предстоящей работы.

До сих пор никто еще ни разу не усмехнулся, когда Эмс вытягивал свою тетрадь и, раскрыв ее на колене, что-то быстро писал: «Тоже, мол, Нансен!» Все знали, зачем существует этот дневник, и делали вид, что не интересуются им... От них может остаться только эта тетрадь. И лишь она сможет тогда рассказать о сделанном ими и о том, что они не успели или, может быть, не смогли.

Дора полным ходом шла ко льдам.

— Держи ровно восемьсот! — крикнул Эмс Тимерманису.

Тот понимающе кивнул. Дора снизила скорость. Мотор делал ровно восемьсот оборотов.

¹ Дора — большая рыбацкая лодка (северное название).

— На лебедке... приготовь-тесь, Ян.

Висвалд хотел еще сказать что-то Валерию и Лене, но те уже склонились над ковшем, готовясь опустить его в воду. Эмс видел, как они без сноровки держали его, — очень уж ласково, почти трогательно. Это была осторожность неумения. Эмс различал ее за версту.

«Галс 31 — первый галс. Проба 450 — первая проба — песок. Пробы 451 и 452 — алеврит. Проба 453 — грубый песок и галька. Появление на глубине более грубого материала, по-видимому, связано с процессами размыва дна и массовым перемещением наносов под действием волн...»

Эмс писал размашисто, не жалея листа. Стоило ли жалеть бумагу, если к этой записи они шли целую неделю?! Больше на этой странице дневника ничего нет. Начинаясь их восьмой день жизни в лодке.

«ПРИНИМАЮ РЕШЕНИЕ...»

Они вышли 6 августа из Певека. Перед этим две недели ушло на то, чтобы взятую в рыболовецком совхозе дору привести в мореходный вид: заделывать щели, поставить мотор, сделать хоть подобие рубки. Как ни мала вышла рубка, в ней могли поместиться два человека — это свободно, значит, при нужде может залезть и больше. А это кое-что значило. Дощатая надстройка сразу превратила дору в дом, пусть плывущий, но дом, с ней на лодку пришел уют и было где даже в непогоду вскипятить чай.

Еще надо было поставить мачту, и они поставили ее. Потом протянули по бортам леера. Теперь даже в шторм можно было передвигаться в доре, не опасаясь быть выброшенным за борт. Строгий и очень морской вид суденышка с отчаянно храброй для Ледовитого океана оснастки портило, пожалуй, только одно — кронштейн для лебедки. Но это сооружение было главным для них — без лебедки не выбрать ковш с грунтом, — и для них оно не только не ухудшало вид доры, но еще и радовало своей железной прочностью и целесообразностью.

Предстояло пройти галсами путь между двумя мысами — от Шелагского до Шмидта — и на всем пути взять пробы

морского грунта. И без того немалый путь, почти в триста километров, из-за галсов увеличивался в несколько раз. Но в этом и был весь смысл: пробы нужно было брать не только вблизи берега, но и на удалении от него до двадцатиметровой глубины. На карте их путь выглядел бы громадным числом разновеликих зигзагов. Они были бы четкими и изящными — эти зигзаги-галсы, но только не в Восточно-Сибирском море, только не среди льдов. Но все это было еще впереди.

Пока Эмс то и дело пропадал в певекском штабе морских операций. У него была одна мысль — и все разделяли ее, простое, но очень психологическое соображение: если идти с работой на восток, то неизвестно, позволят ли льды пройти весь намеченный путь — до Шмидта; к тому же это будет для них дорога от дома — домом сейчас был Певек, а уходить от дома, да еще все время пробиваясь сквозь льды, куда труднее, чем если бы они могли очутиться сейчас прямо у Шмидта, и уже от него, возвращаясь домой, к Певеку, идти и работать. Но для этого надо было попасть к Шмидту, и попасть быстро — время шло, ледовая обстановка могла измениться к худшему.

Все дни была надежда на ледокол. В штабе морских операций обещали, что он должен вот-вот прийти. Ледокол поведет караван на восток и подбросит их к Шмидту. Но дни шли, дора была готова, а ледокола все не было. Выпски из лодки, сделанные Эмсом в дневник, оставаясь все теми же, сухими и четкими, становились все более предостерегающими.

«Лед, — говорилось в лодке, — является главным препятствием при плавании. Обычно встречается в течение всей навигации. Обычно не превышает семи баллов...»

— И надо спешить!

«Вдоль побережья июль — октябрь пасмурные, с туманами или моросями осадками. 22 дня в месяце пасмурных, 13—16 (в отдельные годы 27—28) с туманами...»

— А мы еще здесь, в Певеке!

«Ледовые условия часто бывают тяжелыми. Следует особо опасаться нажима льдов от N

и закрытия полыньи при N ветрах, так как некоторое укрытие от льдов можно найти только у о. Шалаурова и м. Кибера...»

— А туда еще надо идти!

Пятого пошел дождь. Его раскачивал над губой шестибальный ветер, забрасывая струи даже под камни. Эмс вернулся из штаба мокрый и злой. Видно было, что дело плохо. Висвалд втиснулся в рубку:

— На восток суда не идут... Обещают. Когда — неизвестно. Пролив Лонга весь забит льдом.

Это был итог. Все молча ждали от Эмса слов, которые должен был произнести только он — начальник экспедиции. Эти слова его заставило сказать время — оно прижало их, оно решило, что ждать больше нельзя, — время, а не он — Эмс.

— Да, — сказал он. — Надо выходить. — И всем стало легко.

«Чаунская губа до Янраная набита льдом, — записал он. — По сведениям гидрологов, вдоль берега должна быть полынья чистой воды. Принимаю решение идти своими силами с работой на восток».

«ДАЛЬШЕ ИДТИ НЕЛЬЗЯ...»

Полынья действительно была. Не опасаясь высочить на мель или попасть в ледяную засаду, дора шла на север — к невидимому выходу из губы.

Это был отличный ход! Тот ход, когда уверенность команды во всем благополучном словно передается судну, а однообразие мыслей людей становится не убогим, мысли их сосредоточены на единственно нужном всем — на радости, уверенности и надежде: «Мы пройдем, потому что мы идем хорошо, нам везет!» И уже неважно, велико ли ваше суденышко и что оно способно выдержать и вынести. Это забыто, ушло, судну дан ход, и ход дан людям и их стремлениям, и все совпадает и образует тот непонятный и в то же время отчаянно простой дух непокорности, труда и риска, который извечно бросал людей в океан и, надо верить, будет бросать всегда.

Дора шла великолепно. Можно было дать все полторы тысячи оборотов. И они выжали бы их из мотора, если бы еще в Певене не решились беречь мотор и даже в самых лучших условиях не загружать его до предела. Тысяча триста — не больше! Таким образом, у мотора оставались силы, а у команды доры всегда была надежда на еще невзятые двести оборотов — они могли в любую минуту добавить их, уходя от беды. Вместе с этим в людях жила уверенность, что мотор, который они берегут и не напрягают до предела, тоже не подведет их. Если вообще существует договор человека с техникой, то это было: порядочность за порядочность.

Пустынный берег губы становился белее. Сюда не долетел вчерашний дождь, черные камни не обнажились. В губе не нужно было работать, дно ее проверено. И только одно настроаживало: северный ветер. Он усиливался, и, значит, за мысом польно было затереть.

— Смотрите! — закричал Валера, сидевший на носу.

Меж черных камней по берегу шли трое. Один из них слабо взмахивал рукой, призывая их пристать. Уверенные, что на доре так и сделают, люди даже не торопились. Кажется, среди них был ребенок.

Эмс прикинул: кроме как на станцию Шелагскую, идти им некуда — они шли на север. Еще по прошлому году Висвалд помнил, что там стояло несколько домов, жила бригада охотников.

Так и вышло. Чукча Михаил Петрович шел в бригаду вместе с семьей. Это была удача. Ни один прогноз не скажет столько, сколько сможет сказать о льдах чукча-охотник. Валера согрел чай, разлил его, и Михаил Петрович, отлично говоривший по-русски, улыбался, рассказывая что-то и грея о кружку руки. До Эмса долетали обрывки — шумел мотор... «Нерпа, — Михаил Петрович зажимал пальцы, кажется, перечислял месяцы, когда ее бьют, — ...сентябрь... декабрь...» Валера Ковалев что-то спросил, чукча совсем уж засмеялся, быстро покачивая головой:

— Ой, Валёра, Валёра...

Он был доволен. Кажется, они вообще уже стали друзьями. Михаил Петрович показывал, как он целится: он вытяги-

вал ладони, вскидывая обе руки, и быстро складывал их — уже выстрелил, гребет ими, торопится к нерпе... «Сейчас только в глаз, — доносилось до Эмса. — В живот попадешь, воздух выйдет — ко дну пойдет...» И опять его чем-то рассмешил «Валёра». Эмсу даже стало жаль, что он не слышит всего.

— Хороший ниникай¹, — Михаил Петрович хлопнул по плечу «Валёру» и перелез на корму, к Эмсу. Он ждал вопросов, нисколько не сомневаясь, что они будут. Чукча никогда не ошибется, если даже из нескольких начальников ему нужно найти главного.

— Мимо Шелагского не пройти? — спросил Эмс.

Чукча покачал головой, только из деликатности не желая говорить «нет».

— Льды?

— Ждать надо... ветер, —

Михаил Петрович кивнул в сторону моря, словно показывая его. — Течение сильное, волна... Ночевать придется.

Стали видны домики охотников. Тимерманис ушел с Михаилом Петровичем — чинить ему мотор «Москвич». Остальные, хоть и было рано, быстро легли.

Но спать им не пришлось. Ночью в борт доры кто-то забарабанил.

— Это я... Я это! Михаил Петрович... Вставать надо. Иди! Ветер переменялся.

Эмс вытянул из кукля руку: был час ночи.

Только когда уже вышли, Висвалд под стук мотора вдруг представил себе Михаила Петровича, поджидającego для них ветер... И как он, наверное, не ложился и выходил из домика, думал о них, и потом шел будить.

До мыса дошли спокойно. Но за поворотом в полном безветрии открылось ледяное поле. Дора уже несколько раз падала в тупик. Глаза Эмса слезились от напряжения. Но, выйдя в небольшую полынью, дора снова, как зверь, обнюхивающий край льдов, шла вдоль сплошняка. То подходила к нему ближе, то удалялась — искала глубокую щель, в надежде найти совсем сквозную через мертвое поле льдов.

Валера взобрался на рубку, а Шибанов перещеголял всех —

залез на мачту. Но и это не увеличило их шансы прорваться, видели-то они почти столько же. Тимерманис то и дело давал обратный ход, и дора с замершими лопастями застывала перед льдом в полном отчаянии.

«Одну милю восточнее Туманной станции лед 9—10 баллов, — писал Эмс. — Дальше идти нельзя. Дороги нет. Оставаться на месте тоже опасно. Может зажать. Возвращаемся по своему же пути. Ветер. Холодно. Температура ниже нуля. На воде пленка ледяных игл».

С этой минуты дни замерли в однообразии, как льды за Туманной станцией. Если бы не менялись их числа, они бы действительно стали одним большим и тягостным днем. Но числа менялись, и надо было искать выхода.

«9.VIII. Я и Ковалев идем через перешеек. Измерили глубину в пролоке лагуны. Местами меньше метра. Дора не пройдет».

Шибанов с Пинчуком ушли к мысу. Там тоже не пройти. Лед 8—9 баллов. Идет со скоростью один узел...»

«10. VIII. Шибанов и Ковалев идут на полярную станцию Валькаркай: договориться о связи, уточнить ледовую обстановку, узнать прогноз».

...Их не было уже второй день.

Может быть, они ушли через перевал к морю? Увидеть своими глазами, какие там льды?

Эмс был на перевале. Он знал ту тропинку по краю океана. Одно неловкое движение и... Там семьдесят метров высоты. Плоский, безукоризненно гладкий внизу лед вынесет тело в море, как вынес бы трамплин, — вскинув вверх и бросив далеко вперед. Даже не оглушенный, не искореженный падением человек уже не выберется из полыньи. Пусть высота льда над полыньей будет всего сантиметров тридцать-сорок — ему уже не выползти на лед. Другой будет наверху и не сможет ничего сделать...

А может, они не смогли перебраться через речку? На пути у них есть речка.

На надувной резиновой лодочке — они прихватили ее с собой — это и впрямь трудно сделать. Сначала на ней плывет один, отпихивая льдины или обходя их, но чаще просто пережидая, когда они пройдут мимо и освободят путь.

¹ Парень (чукотск.).

Но льдин может быть сколько угодно! Другой в это время держит в руках бечевку, привязанную к лодке, чтобы потом вытянуть пустую лодку... Но льдина может легко прорваться... Бечевка может попасть под льдину...

«23.00. Железные части доры обледенели. Ветер не меняется. Шибанова и Ковалева нет».

Эмс писал «не вернулись», «не возвращаются», «их нет», и видел все худшее, что могло с ними произойти.

...Когда Шибанов и Ковалев появились у доры, Эмс от ярости забыл все, что все-таки хотел им сказать, хотя и жил худшим. Он с ненавистью следил, как они приближались к доре: медленно, медленно, очень медленно...

— Не было прогноза... — начал было Шибанов.

Но Эмс не слушал, он просто не слышал его.

— Они, видите ли, ждали! Ждали прогноза... Это мы ждали! Мы!!! Вы могли вернуться, сказать... Сегодня уйти снова, прийти еще раз!

И потом про речку, про перевал. И снова про совесть. И наконец, про то, что если с одним из них что-либо случится, то им тут делать нечего: «Между прочим, всем! Просто нечего будет делать!»

Он говорил, чувствуя уже отвлечение к самому себе и своим словам.

— А теперь прогноз...

Шибанов молчал.

— Шибанов! Какой прогноз?

— Певек им дает его только по запросу... Мы запросили, ждали...

«Вот и понял», — подумал Эмс. У него уже была открыта тетрадь.

«Прогноз (трехдневный). Умеренные ветры. Ледовая обстановка: густота 3 балла. Но от Туманной станции до охотничьей избушки 10 баллов».

11.30. Отходим. Постараемся пробиться через участок с густым льдом. Даем полный ход...»

«ТУМАН РАССЕИВАЕТСЯ»

Море работало. Оно одевалось льдами или освобождалось от них, наливалось яростью или ласково расплывалось, но каждым движением своей волны море работало. Прибрежные течения вымывали грунты, и

все вымытое не исчезало бесследно. Реки приносили в море богатства земли — касситерит, золото, титановые и редкоземельные минералы. Из века в век дно моря все больше становилось продолжением берегов. Разрушая берег, море принимало его в себя. И чем сильнее, загадочней и дольше струились течения, тем крепче была связь берега и моря. Казалось бы, живущие своей жизнью, так не похожей ни на какую другую, моря уже стали так же богаты всеми богатствами земли, как и сама земля. Оставалось только разгадать тайны их богатств и потом взять их. Морской геолог Висвалд Эмс лишь лучше других чувствовал это. Он знал море.

Едва лишь ветер прикоснулся к его лицу — и он ощущал его силу в баллах, даже если эта сила не была для него угрожающей. Он мог грести веслами и, ни разу не оглянувшись, спиной чувствовал, что придет туда, куда ему нужно, он не ошибался ни в одном взмахе. Он, как и многие, помнил таблицы определения количества льдов по десятибалльной системе — кстати, очень простые: десять процентов воды занято льдом — один балл, двадцать — два, сто — десять... Но ему не нужны были таблицы, они существовали где-то отдельно от него — в учебниках... Он умел определить силу шторма, сидя в каюте. И если скажут, что все это умеют делать многие, то останется сказать, что он в отличие от многих всю свою жизнь не уставал проверять себя и был уверен в своих знаниях, как может быть уверен человек, достигший совершенства в простом.

Вот почему, прежде чем он сел в доре на руль, никто не обсуждал этого и не решал. Судьба доры и всей команды должна была быть в его руках, как в полном распоряжении Тимерманиса должен был остаться мотор и как образцы должен был описывать Шибанов — геолог.

Так на доре осталось три места. Их тоже никто не распределял. Каждый спросил себя: что я умею? И сильному досталась лебедка. Конечно, это был Званерс. С ковшом же должны были управляться двое. Так Валера Ковалев и одесский студент Леня Пинчук оказались на носу.

Они держали ковш, как держали бы, наверно, бомбу. А надо было всего-то отвести тяжелый ковш за борт, опустить его в море и взять пробу. Но дора уходила все дальше в море, и никто уже не мог сказать, сколько метров до дна. Как только Леня и Валера заводили ковш за борт, все трое — еще и Ян, крутивший лебедку, — начинали следить за тросом. Надо было уловить то мгновение, когда ковш коснется грунта. Поймать прикосновение можно было, только видя, как ослабел трос. Но как только трос ослабевал, ковш уже мог лечь на дно боком — тогда его раскрытая пасть хватала при подъеме не грунт, а воду. И значит, прекратить опускать ковш надо было раньше, чем трос ослабел — за мгновение до того, как он провиснет. Это мгновение и нужно было поймать.

Уже не лед, не ежедневные опасности решали, станут ли настоящими морскими геологами Валера, Леня или Ян, — к опасностям в конце концов привыкают. Решало же сейчас вот это простое мгновение удачно упавшего на дно ковша. Повторенное сотни раз, оно приобретало ту силу влечения к себе, которую так хорошо знал Эмс, — силу простого знания простых вещей: да, я могу это, и я могу это хорошо!

А дору все время сносило течением. Ковш мог скользнуть и под нее. И то единственное мгновение, которое давало возможность не повторять одну и ту же пробу, совсем уж трудно было уловить, когда под дорой струилось двадцать метров моря.

Эмс замерзал у руля, а Леня, Валера и Ян готовы были поскидывать телогрейки пока, наконец, не добывали семь килограммов драгоценной пробы. Столько ухватывал ковш за один раз.

А надо было еще не терять привязку на галсе, упаковать пробу, описывать ее, брать грунт на одном галсе раз шесть—десять и в то же время уходить от льдов, выискивая среди них возможный следующий галс, и опять опускать ковш, и опять ловить то единственное мгновение...

— Ил! — простуженно прохрипел Званерс. — Обыкновенный ил!

Они смотрели на первую

пробу. После стольких трудов можно было вытянуть со дна семикилограммовый кусок золота и не удивиться. А это был всего лишь ил...

«Идем на галс 44, — писал Эмс. — Туман. Одежда мокрая, тяжелая. Холодно. Руки в перчатках у руля мерзнут. Видимость 300 метров. Лед становится гуще и гуще. Вблизи берега достигает 7—8 баллов. Петляем между льдинами на малых оборотах. Берега не видно...

23.30. Туман рассеивается. Впереди видно остров Шалаурова и мыс Кибера. Угол между островом и берегом набит льдом. Как туда завтра пойдем галсами — не знаю. Спать!»

Уже в кукуле Эмс вспомнил разговор с Михаилом Петрови-чем. «Как вы эти шкуры обрабатываете? Оленьи, для кукулей?» — «А что?» — «Да пахнут...» — «Весной обрабатываем. Первая трава самая вкусная... Самым свежим навозом... Не должны пахнуть».

Эмс заснул с улыбкой.

«В МЫШЕЛОВКЕ»

Проснулся Висвалд внезапно. Он лежал на спине. Конец мачты ходил высоко над ним от бортовой качки. Океан дышал нехорошо: глубоко, с хрипом и редко.

— Вы ведь не спите, Висвалд, — неуверенно позвал Шибанов. — Шторм идет. Слышите... — он заворочался в своем кукуле.

— Может стихнуть, — Эмсу не хотелось говорить. Он смотрел на конец мачты и покачивался вместе с дорой, вместе со льдами, небом и океаном, с наслаждением продолжая ощущать себя среди всего этого раскачивающегося мира сухим и теплым.

— Висвалд... Вы пишете об этом... в дневнике?

— О чем?

— Ну, о том, как мы лежим вот так... смотрим, думаем... Просыпаемся потом и слушаем его... Как он дышит.

— Нет.

— А мне иногда кажется, что пишете. Лицо у вас... бывает, — Шибанов тихо засмеялся.

— Нет. Я только о работе. Оба смотрели на кланяющуюся мачту.

— А ведь мы ее почти сде-

лали, — Шибанов сказал это, кажется, даже с удивлением. — До Шмидта мы, конечно, не дойдем, но если он даст нам еще хоть несколько дней... Хороших бы!

— Да-а.

— Пробы отличные. Видно даже здесь.

— Да, — согласился Эмс. — Давайте-ка еще поспим. Попробуем.

Шибанов опять заворочался, укладываясь удобней.

— А все-таки вы пишете... И про это тоже.

— Ладно. Буду, — улыбнулся Эмс.

Но он не выполнил обещания.

«Брать образцы очень трудно, — писал Эмс. — Ветер достигает 6—7 баллов. Дора сильно дрейфует. Ее гонит на плавучие льды. Иногда надо прекращать работу и бежать от льдов.

Утром ветер успокаивается. Чукча, который охотится на острове Шалаурова за нерпой, просит отвезти его к избушкам у реки Ыыччунвэ. Это там, где наш 46-й галс. Но чтобы взять их, надо обойти остров с севера — на Е стороне их шмотки. Отчаливаем и обходим остров.

Подходим к чукчам. Они начинают грузиться.

Что находится на доре?

Мы, 6 человек со своим брахлом, и самое интересное: чукча с женой, 2 убитые нерпы, 5 нерповых шкур — мешков с нерповым жиром, много очищенных и 4 не очищенные от сала нерповые шкуры, еще пожитки чукчей и 13 собак.

Собаки не хотят на дору. Их забрасывают, как мешки. Некоторых, более злых, привязывают. На доре места мало, они все лежат в куче, ворчат, некоторые хотят вырваться из кучи, на этих чукча кричит и бросает их обратно в кучу.

13.25. Даем ход. Собаки успокаиваются.

14.20. Подходим к чукчиным избушкам. Выгружаемся.

15.10. Начинаем галс 46.

15.45. Кончаем галс. Идем обратно на Е сторону острова, где нам надо передать папиросы другим чукчам. Потом попробуем с работой идти в губу Нольда. Это будет трудно. Вход в губу набит льдом. Кажется, льдом заполнен весь залив между островом и берегом.

Начинается туман. Видимость меньше 0,5 километра. Швартуемся к ледяной глыбе. Будем ждать погоду.

20.VIII. 04.00. Усиливается NW до 4—5 баллов. Волнение 3 балла. Начинает нас прижимать к берегу и бьет дору у дна. Разбужу Тимерманиса, чтобы грел мотор. Туман. Видимость в сторону моря 300 метров. Вода в канистрах замерзла.

Отходим в тумане. Идем в тех же условиях, от которых вчера убежали, но делать нечего. Очевидно, туман может продолжаться долго, а нам некогда... Очень нужен южный или западный ветер! Немного отгонит льды, улучшится видимость, потеплеет... Но таких ветров нет, и барометр еще поднимается. Надо работать при этих условиях, ждать нечего. Ветер может набить губу Нольда между о. Шалаурова и п-вом Аачим льдом, и мы можем остаться здесь надолго, даже до следующей весны. В губе — как в мышеловке. Надо рисковать!»

«МЫ СДЕЛАЛИ, ЧТО МОГЛИ...»

Но льды теснили их. Они должны были ходить галсами, с трудом определяя местоположение. В дневнике только одно: идем на галс... идем на галс. 65, 66, 67... Нет даже времени, оно не проставлено. Такое случилось с Эмсом впервые. Должно быть, время уже ничего не значило для них, по крайней мере, его незачем было фиксировать. Лед отгонял их все дальше в море, и они ничего не могли сделать. Вход в лагуну для них был закрыт мелью.

«В расстоянии 4 километров от берега лед уже 5—6 баллов. 3 километра — 6—7 баллов. Лед движется. Причем по лосами, в противоположных направлениях — точно как улица с двусторонним движением».

Эмс начал вспоминать город, улицы, а значит, дом. Это тоже было впервые.

«...Между льдинами густотой 7—9 баллов, крутимся между льдинами на самых малых оборотах в надежде дойти до берега. Часто крутимся на месте. Отталкиваем более маленькие куски багром, веслами. Холод-

но. Металлические части обмерзли...»

Здесь в дневнике впервые появились зачеркнутые слова. «За нами», — написал Эмс, но зачеркнул «за нами». Написал: «Вода между льдинами перетянута пленкой льда, которая через пару минут после нашего прохода опять закрывается».

Больше в записи нет красных строк.

«В расстоянии 1,5 км от берега. Дальше идти некуда — щелей нет, густота 10 баллов. Остаться во льдах ночевать — опасно. Ночью нас может зажать и сломать. Хорошо, что здесь льды не двигаются. Не хочется думать, что будет, если эта ледовая масса начнет двигаться — от нас даже щепки не останутся. Надо бежать. Ищем путь обратно. С трудом выходим в сторону моря... Идем морем на поселок. В сторону поселка густота уменьшается до 3—4 баллов. У поселка вдоль берега полоса шириной 200 метров — почти чистая, 1 балл. Подходим к берегу у полярной станции — 24.00. Греем чай. Ужинаем. Спать. Замерзли».

Они встали утром позднее обычного, в десять часов.

Это произошло незаметно, но в последние дни они вообще стали подниматься все позднее и позднее. А в этот день даже не ушли в море: мылись и брились... «Чувствуем себя более или менее как люди», — не очень радостно записал Эмс.

У них кончился хлеб, но повезло: у Биллинга пароход выгружал уголь, и они доставили пятнадцать килограммов хлеба. Льды прижали их к полярной станции, но они не хотели сдаваться, хотя дора, загруженная образцами, увеличилась в корме осадку почти на двадцать сантиметров. Уменьшалось как раз то, что нужно было именно сейчас, — возможность лавировать и скорость. Но им просто везло: на Биллингс с санитарным рейсом прилетел вертолет. После долгих переговоров с командиром Эмс выяснил: если у чукчей-оленьеводов не будет больных, нуждающихся в отправке в Певек, то часть их образцов вертолет заберет. Больных не было, и они отправили в Певек три ящика образцов — 400 килограммов. Наполовину разгруженная дора поднялась из воды. И стало спокойней: те-

перь, что бы ни случилось с ними, они знали — половина их проб уже в руках людей, на суше.

Готовились к завтрашнему дню. Но утром поднялся семерь-балльный ветер. Он не утих и на другой день. И все-таки еще через день они вышли. Вот как это было:

«В полосе 0,5 километра от берега очень сильное течение. Дору на полном ходу наносит почти боком на льдины. Чтобы взять образец, держимся багром за стамухи. Галс только до 800 метров. Дальше лед 10 баллов. Дождь. Одежда мокрая. Холодно. Мерзнут ноги».

Они сделали еще один галс, не зная еще, что 75-й галс будет их последним в этом году галсом.

«Стараемся вырваться в море на W. Бесплезно! Лед, как барьер!»

Идем вдоль берега обратно. Может быть, удастся скопления льда обойти морем. Крутимся на месте, делаем круги, стараясь найти щель, чтобы вырваться в море... А если там не лучше? Лед может полностью закрыть нам все выходы. Надо опасаться.

15.35. Не удалось! В расстоянии 3 километра от берега 10 баллов. Нет щелей, негде пролезть. И неизвестно, что дальше. Идем обратно к берегу...»

Со страшным трудом они протянули дору вдоль берега мимо входа в лагуну. Но и впереди были льды.

«Питьевая вода в канистрах замерзла... Двигаемся вдоль берега на восток. Но перед следующим безымянным мысом опять лед 9—10 баллов — до берега. Пробуем прорваться...

Нельзя! Перед мысом лед. Пристаем к берегу.

Даже при потере доры людям некуда выбежать — берег обрывистый. Что за мысом — неизвестно.

Дрейф льда усилился. Мы уже почти в ловушке. Прибрежная полоса, которая открылась ночью, закрывается. Маневрируем. Идем на малых оборотах, отталкиваемся багром, вёслами, толкаем льдины носом.

Вырвались. Успели».

Они вернулись к Биллингсу, но утром вышли вновь.

«...Это была последняя попытка прорваться, — писал

Эмс на последней странице дневника. — Дорога на восток, очевидно, в этом году больше не откроется. Пароходы проходят с ледоколом, а нам что делать? Скоро ранняя зима. Ждать случайного счастья мы не можем, а других перспектив нет. Мы сделали, что могли. Правда, работа выполнена почти вся — там дальше галсов мало осталось.

Теперь надо думать, как поехать обратно, в Певек. Идти надо своим ходом около 300 километров. Опять льды и туманы. И неизвестно, какая там на западе ледовая обстановка и какой она станет в пути. Но ясно одно — с каждым днем хуже».

...УЛИЦА ВИКИНГА, 32

Ригу отсюда не слышно и не видно. Здесь почти взморье — Лиелупе. Но и моря не слышно — кругом сосны. Великолепные сосны на заснеженных дюнах. То, чего так не хватало там.

Улица идет параллельно речке и рядом с ней. Меж домов виден лед.

Потом мы сидим за маленьким, низким и очень удобным столиком — только ножка у него все время отскакивает.

— Утром только чинил — и вот опять... — смущается Висвалд. — Да, о деревьях... Когда увидел их — на электричке ехал, — дрожь какая-то началась, верите ли, внутри... И ничего сделать нельзя. Смешно!

Он умолкает.

— А дальше как все было там?

— Дальше просто. Дору надо было обрабатывать... Мы ведь ее в совхозе брали. Директор посмотрел на нас, когда мы пришли. «Ладно, — говорит, — чего с вас брать, ничего не надо. Два дня на моржах отработайте».

— И как?

— Отработали. Двух убили. Могли бы больше, но чулка с нами был — запретил больше. «Пропадут, — говорит, — нельзя». Стрелять тоже, знаете, надо с первого раза. Поверье у них: если морж, когда его убивают, долго мучается, то родственники твои будут мучиться или ты сам.

— А образцы? В Магадане?

— Да. В институте... Они там на золоте собаку съели. Там быстрее их обрабатывают. И лучше. Это все тонкое золото. Много. По всему побережью. Трудно пока сказать сколько... Ведь то, что мы делали, это даже не рекогносцировка. Знаете, сначала идет рекогносцировка, потом поиск, потом разведка... А у нас — выявление перспективных районов. Это прежде всего. Лет на двадцать вперед наш институт работает... Ну? Так за что же? — улыбается Висвалд.

Мне уже давно пришел в голову этот тост, но неловко. Вдруг будет чем-то неприятно Висвалду. А он будто знает, о чем я думаю, — улыбается. В его тонких пальцах поворачивается, играя быстрыми искрами, рюмка с белым вином. Очень сильные у него пальцы, наверно, им бывает скучно вот так долго без ружья, без весла...

— Давайте за то, что вы сами приехали со своим дневником.

ПАМЯТНИК УХОДЯЩЕМУ

В современных городах уходят в прошлое камины, очаги и печи. А с ними исчезает и профессия трубочиста.

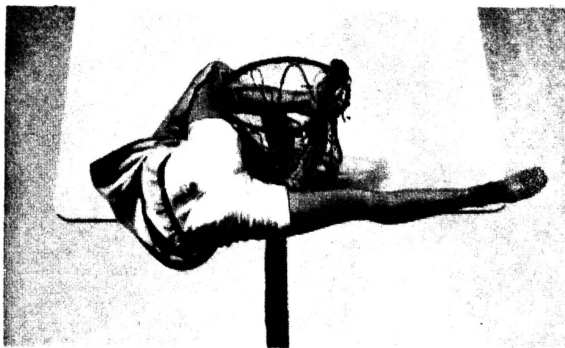
В итальянском городе Новара цех трубочистов решил создать музей своей почтенной профессии. В нем будут собраны костюмы трубочистов, их инструменты, цеховые знамена. На видном месте — указ короля Франции, по которому архитекторам запрещалось строить, «...не посоветовавшись предварительно с трубочистами и не испросив согласия последних...».

А перед музеем скульптура из черного мрамора: трубочист в цилиндре, с мотком проволоки на плече.

ОТДОХНУТЬ С ТИГРАМИ

До сих пор профессия укротителя львов, бесспорно, считалась одной из самых опасных. Однако Рамирес Пачеко, тренер профессионального футбольного клуба в испанском городе Виро, придерживается на этот счет несколько иного мнения. Во всяком случае, он намерен посвятить остаток жизни укрощению львов, находя это занятие куда более спокойным и безопасным, чем футбол. И его можно понять, если учесть темперамент бодельщиков. Стоило команде, которую тренирует Пачеко, потерпеть три поражения подряд, как на ее наставника обрушился град камней, его дом был превращен в груду пепла, а сам Рамирес с семьей едва успел удрать на пожарной машине.

Другой человек, также покидающий профессиональный спорт, — уругвайский баскетболист Карлос Соса. Причина, заставившая его оставить баскетбольную площадку, — снайперский бросок центрального нью-йоркской команды «Рейнджерс», после которого в кольцо вместо мяча оказался сам Соса.

«КУПЛЮ ВУЛКАН»

Такое предельно лаконичное объявление дал в американских газетах Ф. Герстейн, глава фирмы по торговле комнатными цветами. Дело в том, что, используя при выращивании цветов вулканический пепел, он успешно обошел конкурентов. Пепел ему нужен в большом количестве. Как сообщает французский еженедельник «Пари-матч», м-р Герстейн уже получил несколько предложений из Эквадора и Чили, где имеются вакантные кратеры. Правда, расположены некоторые не очень-то удобно для использования...

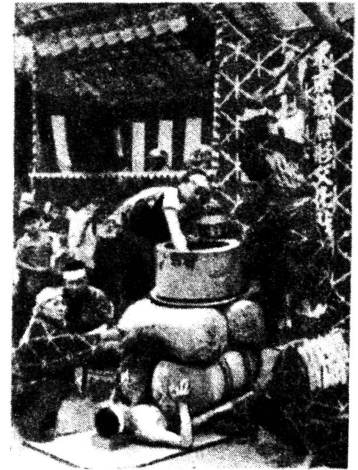
ИЗ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО БИЗНЕСА

Сделка эта состоялась давно — почти триста лет назад: европейские поселенцы купили у индейцев остров Манхэттен, нынешний небоскребинный центр Нью-Йорка, заплатив всего 24 доллара. Сведущие в бизнесе юристы называют это «самой выгодной земельной операцией со дня сотворения мира». Но вот сюрприз. Адвокат Джон Бирс (он же Плывающий Орел, индеец из племени Кент) установил, что сделка была не продажей, а лишь арендой! Составленная грамота гласила, что голландским поселенцам предоставляется право возделывать на острове ячмень, варить пиво и построить 1 (одну) пивную. Ни о каких небоскребах нет ни слова. Бирс стал требовать от городского совета уплаты неустойки в размере 15 миллионов долларов в пользу оставшихся своих соплеменников. Однако верховный суд отклонил его ходатайство под тем предлогом, что Соединенные Штаты в ту пору не существовали, договора не заключали, и вообще, обращайтесь, мол, к голландским поселенцам.

СЕКРЕТ ДОЛГОЛЕТИЯ

Когда молодые люди племени качинов в Бирме вступают в брак, самый старый человек в деревне благословляет их словами: «Живите долго!» — и тут же сообщает рецепт долголетия: «Сидите тихо, как черепаха, шагайте прямо, как голуби, спите крепко, как собака, — проживете долго, как тиковое дерево».

Тем, кто интересуется жизнью тиковых деревьев, сообщаем, что их средний возраст 200 лет.

БРЕМЯ СЛАВЫ

Говорят, что бремя славы — самое тяжелое. Особенно если его нужно удерживать брошным прессом.

Те, кто знает национальную японскую борьбу «сумо», наверняка вспомнят и самих колоритных борцов, вес которых превышает 100 килограммов. Чтобы достичь вершин, борцу нужно пройти через все «классы» школы «сумо». Упражнения для развития брюшного пресса — один из них. В городе Иеддо уже двести лет проводятся соревнования на лучший брошный пресс, выдерживающий наибольшую нагрузку. Недавно там был установлен новый рекорд — четыре мешка с рисом весом в 60 килограммов каждый. Да еще сверху здоровая бадня, в которой из этого риса приготавливают угощение для всех друзей-силачей!

ПОЖАЛУЙСТА, ВЕРНИТЕ БУТЫЛКУ!

Три года назад канадская служба помощи рыбакам решила уточнить «маршруты» океанских течений, проходящих у атлантического побережья страны. Для этого в море было спущено 36 тысяч пустых бутылок, в которые вложили почтовые карточки. Тексты, отпечатанные на разных языках, обещали вознаграждение в один доллар тому, кто пришлет карточку по указанному адресу, приписав, в каком месте подобрана бутылка. К настоящему времени вернулось 7000 карточек. Что стало с остальными? Путешествуют ли они поныне в океан? Разбились о скалы? Или кому-то обещанное вознаграждение показалось малым? Ответ пока неизвестен.

НА ЗУБ НЕ ПРОБОВАТЬ

Нумизматы всего мира получили в прошлом году отличный подарок: на Кокосовых островах, крошечном архипелаге в Индийском океане, были выпущены первые в мире пластмассовые монеты.

Монеты двух цветов: красные и зеленые. На их «орле» изображена кокосовая пальма на берегу океана.

Кокосовые острова выступают в роли пионеров от нумизматики не впервые: в конце прошлого века там «чеканили» монеты из слоновой кости. Большая часть их разбредлась по свету, осев в коллекциях, а остальные — стерлись.

Слоновой кости на островах больше не нашлось, а закупать ее за границей оказалось дорого. И тогда кокосовое ведомство финансов решилось на пластмассу.

КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ...

„Г-жа Ида Голдгрэйв, 88 лет, из Дайтона (штат Огайо) первый раз в жизни совершила воздушное путешествие».

Такое сообщение появилось в газете «Дайтон стар» в декабре прошлого года. Что ж здесь особо примечательного? — вполне законно удивится читатель.

Да в общем-то ничего, если не считать того, что 86 лет назад г-жа Голдгрэйв могла бы стать первой в мире женщиной-авиатором. Как-никак она шивала тогда полотно для первого самолета братьев Райт.

— Не верила я в эти чудачества, — скромно заявила г-жа Голдгрэйв репортерам.

ВСЕМ НА УДИВЛЕНИЕ

От цветоводов всего можно ожидать, недаром за ними ходит слава кудесников. Но когда они вывели на свой традиционный весенний праздник в Неймегене такого огромного

пса, даже выдавшие разные виды изумились..

«Это еще цветочки», — скромно прокомментировали в ответ цветоводы.

КАК ЖОАН ЗА ЖОЗЕ ЗАСТУПИЛСЯ

Только начался футбольный матч, как нападающий из «Алейжадинью» сильно ударил по ноге Жозе из «Жеса». Под свист возмущенной публики беднягу унесли, но не прошло и двух минут, как, целый и невредимый, он вновь выскочил на поле. Болельщики взвыли от восторга.

Странности на этом, однако, не кончились: Жозе не только моментально исцелился, но и, казалось, поза-

был все футбольные правила. Не обращая внимания ни на мяч, ни на игроков, он прорвался к обидчику и мастерски нокаутировал его.

Матч был приостановлен, а вскоре выяснили и причину странного поведения футболиста: на поле выбежал брат-близнец Жозе — Жоан. Он был точной копией брата, с одной лишь разницей: занимался не футболом, а боксом.

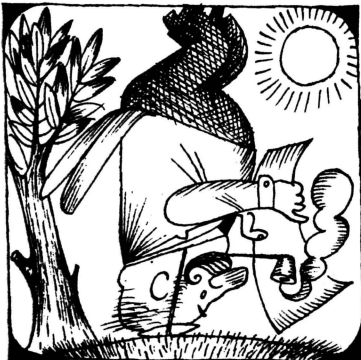
Говорят, на стадионе поставили теперь полицейского: проверять документы перед выходом на поле.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1903 год

НОВЫЙ СПОРТ

Любители спорта ищут разнообразия, и каждый из них стремится отличиться чем-нибудь особенным. Недавно Париж изумлялся новым небывалым спортом. А именно: датчанин г. Батист совершал прогулки вдоль парижских бульваров на голове. Он чувствует себя, по-видимому, весьма удобно в этом странном положении, даже не опираясь руками на землю, как до сих пор это делали даже самые искусные клоуны. Череп у него, очевидно, очень крепкий, а кожу головную он предохраняет от всевозможных поранений маленькою подушечкою. Вперед он подвигается маленькими прыжками; во время этого передвижения курит папиросы, читает газеты. — словом, чувствует себя вполне по себе. Это его прогулка, и он свободно передается ей в течение 6 часов без всякого утомления, как он сам уверяет.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

Один ученый открыл недавно в Индии дерево, обладающее очень странными свойствами. Листья этого дерева очень нежны и так сильно заряжены электричеством, что при прикосновении к ним получается электрический удар. Оно также оказывает влияние на магнитную иглу, направление которой начинает колебаться уже приблизительно в 20 метрах от него. Ученый заметил, что электрическое напряжение этого дерева в продолжение дня несколько раз меняется. Сильнее всего оно бывает около полудня, а слабее всего — в полночь. В сырое время означенных явлений не наблюдается. Птицы никогда не садятся на электрическое дерево, и насекомые также избегают его.

УРОК АНГЛИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Одна мельбурнская газета указывает на любопытный метод местного учителя, желающего показать своим ученикам величие и обширность Британской империи. Факт поистине курьезный. Почтенный педагог-патриот за-

ставляет учеников заучивать следующие нелепые фразы: король Эдуард, государь материка, состоящего из 100 полуостровов, 500 мысов, 100 озер, 2000 рек и 10 000 островов. Когда он протягивает руку, 900 000 воинов являются на его призыв, чтобы победить или умереть. Когда он делает знак головой, 1000 военных судов и 100 000 матросов исполняют его повеления на океанах. Когда он делает один шаг, 500 миллионов людей чувствуют самое легкое давление его ноги.

ЖЕНЩИНЫ-МАТРОСЫ

Женщины в роли матросов, как оказывается, не составляют особой редкости. Несколько времени назад из Александрии прибыл в Филадельфию пароход «Зора», экипаж которого состоял исключительно из женщин-матросов. Капитан парохода утверждает, что они превосходно исполняют свои обязанности и ни в чем не уступают мужчинам. В Швеции и Норвегии женщины очень часто исполняют на судах обязанности матросов, и капитаны не нахвалятся ими. В Дании много женщин состоят на государственной службе в качестве лоцманов. Они выезжают на своих утлых лодочках навстречу судам, направляющимся в порты, предьявляют удостоверения о своем звании и очень искусно проводят судно в гавань. Девушки с острова Гимла, вблизи Родоса, — превосходные матросы и водолазы.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 6 ИЮНЬ 1970

СОДЕРЖАНИЕ

В. ОРЛОВ — Среди придонских полей	2
Ю. СТЕПАНОВ — Али-Баба — последний шарманщик	6
Л. МИНЦ — Кардинал Мазарини, Карагёз-эфенди и другие	8
ВИКТОР ГОНЧАРЕНКО — Небо планериста	16
О. К. АНТОНОВ — «Я не призываю лепить крылья из перьев...»	21
КШИШТОФ БОРУНЬ — Cogito, ergo sum...	22
ОРИАНА ФАЛЛАЧИ — Почему они фидайны?	26
МЕРРИ ОТТЕН, АЛЬБАН БАНСА — Сунданские чародеи	29
В. Е. РОЖНОВ — В чем секрет сунданских чародеев?	35
Т. ПУТИНЦЕВА — Вверх, по ступеням Касьбы	36
ИЗОТ ЛИТИНЕЦКИЙ — Нужны животные — работники	43
Снежные чудачки	44
С. БАРСОВ — Пистолерос — коммивояжеры смерти	49
В. СИНЮКОВ — За крокодилами в Ортигосу	52
ТУР ХЕЙЕРДАЛ — «Ра» снова в океане	53
ИГОРЬ МОЖЕЙКО — Местный житель	54
И. ЮРЬЕВ — Последние из юри?	57
ИВО АНДРИЧ — У светлого Охридского озера	58
Ип. ДОЧКИН — Похлебка по-увейски	60
АНАТОЛИЙ ОНЕГОВ — Заонежские зарисовки	62
ЛЕСЛИ ГОДФРЕЙ — Гранит науки	67
Ю. ЛЕКСИН — Счастливая история дневника Висвалда Эмса	70
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79

Редакционная коллегия:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель
главного редактора), Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь),
А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефон для справок
251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный —
2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллю-
страций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 7/IV 1970 г. Подп. к печ. 15/V 1970 г. А02615.
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 900 000 экз. Заказ 621. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцеская, 21.

На первой странице об-
ложки: СЕНЕГАЛ. Рыбак с
острова Фадиут.

Солнце входит в Дакар с мате-
рика. Вечером оно садится, остыв-
вая, в океан. Разгар рыбацкой
работы приходится именно на эти
часы восхода и заката. Дважды
в день рыбаки выбирают сети,
и их лодки, сделанные из дерева
фромаже, спешат к трем рынкам
сенегальской столицы, носящим
имена Кермель, Сандара и Ме-
дина.

Выгрузив рыбу торговцам, ры-
баки возвращаются домой, по
большей части они живут на ост-
ровах перед Дакаром — на пе-
чально знаменитом Горе, бывшем
когда-то пристанищем работогов-
цев, или на крохотном Фадиуте.
Здесь после обеда и полуденного
сна (вечером ведь снова в океан)
рыбаки чинят свои сети, шьют
паруса. Парус — визитная кар-
точка хозяина. Чем лучше выгля-
дит он, тем лучше идут дела
у хозяина, имя которого выписа-
но красной краской на парусине.

На третьей странице
обложки: КЕНИЯ. Долина ре-
ки Тиба.

Невеселое это занятие — си-
деть на дереве и колотить по пу-
стой банке. Тем более если при-
ходится заниматься этим делом
целый день, иначе птицы ничего
не оставят от посевов риса.
В районе Мвса, где две тысячи
семей разводят рис, эту шумную
работу поручают мальчишкам.

Но даже самая нудная работа
становится веселой, а время бы-
стрее проходит, если проявить
хоть чуть-чуть изобретательности.
Например, выбивать на гулкой
банке зажигательный ритм, чтоб
сбежались друзья и устроили тут
же под деревом танцы.

32-38

Цена 60 коп.

Индекс 70142

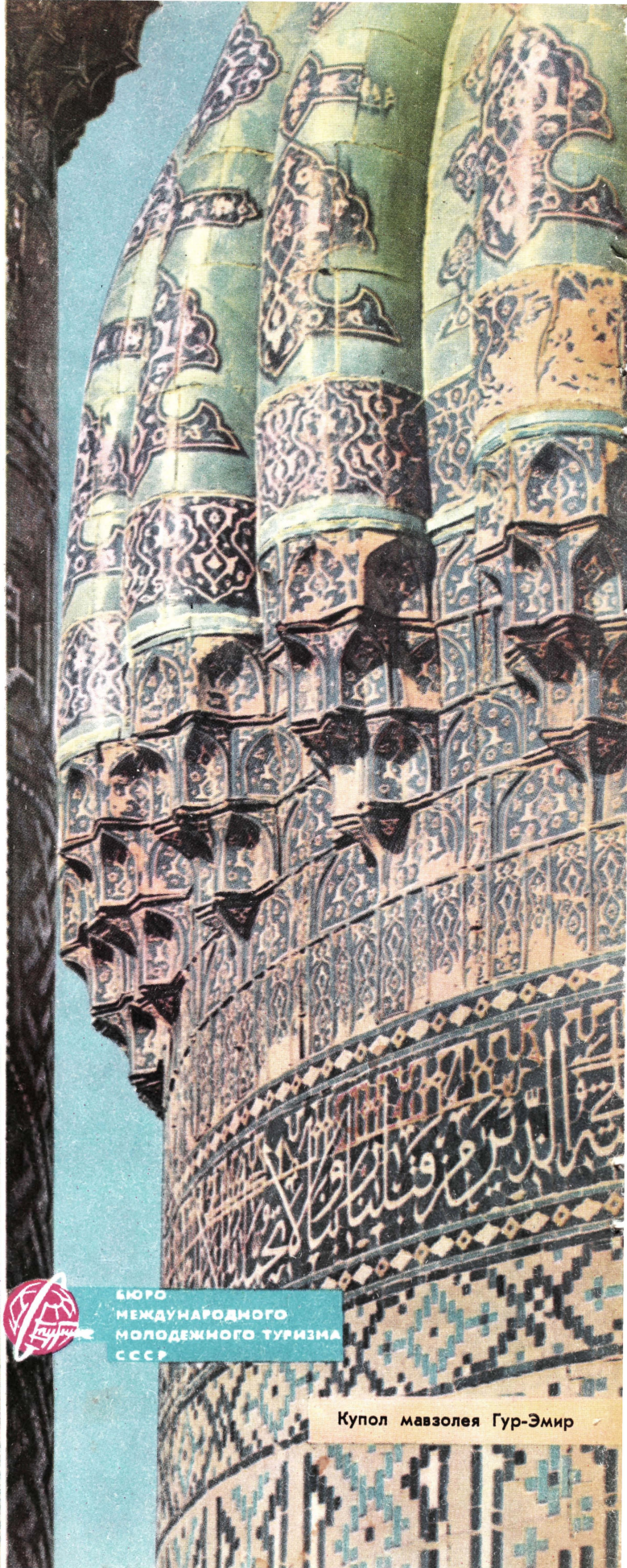

Ансамбль мавзолеев Шахи-Зинда

▼ Мечеть Биби-Ханым

САМАРКАНД:

исторические памятники

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА
СССР

Купол мавзолея Гур-Эмир